

26.8
H 25

Электронный архив Библиотеки ИИИ РАН
Коллекция

Фр. Хансенъ.

СРЕДИ ЛЬДОВЪ

и

ВО МРАКЪ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ.

Переводъ А. А. Крубера

подъ редакціей Д. Н. Анучина.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Дополнительное приложеніе къ журналу „Землеведѣніе“, изд. Географическимъ Отдѣленіемъ

И. О. Л. Е., А. и Е.

Fritz, of Hansen

ВВЕДЕНИЕ.

Въ далекомъ будущемъ настанеть время, когда Океанъ разрѣшитъ оковы сущаго, когда необъятная земля станетъ доступной человѣку, когда мореплаватели откроютъ новыя страны и Туле ¹⁾ уже не будетъ самой удаленной изъ нихъ.

Сенека.

Невѣдомыя и недоступныя, заколѣблыя полярныя страны съ изначала временъ были объаты мощнымъ покоемъ смерти подъ своимъ снѣжно-ледянымъ покровомъ.

Окутанный бѣлой мантией, протянулъ громадный великанъ свои холодные, влажные, обледенѣлыя члены и дремать въ продолженіи тысячелѣтій.

Времена проходили; невозмутимъ былъ его покой.

И вотъ — на зарѣ исторіи, далеко на Югѣ — поднялъ голову пробудившійся духъ человѣчества и обозрѣлъ Землю; по направленію къ югу встрѣтило его тепло, по направленію къ сѣверу — холодъ, и за предѣлами неизвѣстнаго помѣстилъ онъ два царства: одно — все истребляющей жары, другое — все уничтожающаго холода.

Но передъ все возраставшимъ стремленіемъ человѣческаго духа къ свѣту и знанію предѣлы неизвѣстнаго должны были шагъ за шагомъ отступать, пока они

¹⁾ Туле или Туле (Thule) — названіе самаго дальняго на Сѣверѣ острова, находившагося, будто бы, на полярномъ кругѣ и составлявшаго самый послѣдній обитаемый пунктъ, за которымъ уже слѣдовала неизвѣстная и недоступная область, гдѣ море было „створоженимъ“ или гдѣ не было ни суши, ни моря, ни воздуха, а только ихъ смѣсь, похожая на „морскіе языки“ (родъ морскихъ медузъ). Такимъ представленіемъ древніе греки были обязаны массилоту (жителю Марсея) Пинеѣ (Pytheas), ученому астроному, современнику Аристотеля или его учениковъ, совершившему плаваніе въ Британію и написавшему о томъ сочиненіе, которое однако до насъ не дошло и извѣстно только по отрывкамъ, приведеннымъ у Поливія, Страбона и другихъ географовъ, которые, впрочемъ, большею частью относились къ Пинеѣ отрицательно и считали его рассказы выдумкой. Впослѣдствіи, однако, римскіе писатели относились къ нимъ съ большимъ довѣріемъ и некали Туле въ одномъ изъ острововъ къ сѣверу отъ Британіи. Въ новѣйшее время высказывалась также догадка, что подъ Туле надо понимать Исландію, но едва ли этотъ островъ могъ быть извѣстенъ бриттамъ III—II вв. до Р. Х. Нильсенъ находилъ, что сравненіе съ бѣлыми медузами свидѣтельствуетъ, что ученый грекъ составилъ себѣ наглядное представленіе о замерзающемъ морѣ, въ которомъ образуются ледяныя иглы или „сало“, какъ его называютъ у насъ

не остановились на сѣверѣ на порогѣ великаго ледянаго кладбища природы, передъ безконечнымъ поксемъ полярной области. До этихъ поръ не возникало непреодолимыхъ препятствій на пути необъяснимо стремившихся полчищъ, и они бодро слѣдовали впередъ. Но здѣсь ихъ встрѣтили великаны въ союзѣ съ злѣйшими врагами жизни: льдомъ, холодомъ и продолжительной зимнею ночью.

Толпа за толпой устремлялась къ сѣверу, но только для того, чтобы терпѣть пораженіе за пораженіемъ. Новые ряды стояли наготовѣ, чтобы двинуться впередъ черезъ трупы своихъ павшихъ предшественниковъ.

Съ невыразимою медленностью проникалъ человѣческій взоръ сквозь туманы Ледовитаго моря; за туманной стѣной лежала страна мѣовъ: тамъ, въ Нифльгеймѣ, въ мрачномъ сѣверномъ царствѣ сагъ, подвизались въ своихъ дикихъ бранныхъ потѣхахъ Римтурзы...

Зачѣмъ же люди снова и снова устремлялись туда? Тамъ, на сѣверѣ, во мракѣ и холодѣ, лежалъ Гельгеймъ, страна смерти, гдѣ царствовала ея богиня; тамъ находился Наастрандъ, берегъ умершихъ. Туда, гдѣ не могло дышать ни одно живое существо,—туда шла толпой за толпой—зачѣмъ? Чтобы вернуть своихъ мертвыхъ, подобно Гермодеру отправившему за Бальдуromъ?²⁾ Ибѣтъ, они добывали

2) *Нифлмеймъ* и другія приведенныя здѣсь мифологическія названія взяты изъ скандинавскихъ эпическихъ сказаній, входящихъ въ составъ древней и новой Эдды и Скальды.

Древнюю Эдду, изложенную въ стихахъ съ отдѣльными прозаическими вставками, обыкновенно называютъ Семундовой Эддой, по имени епископа Свендсена или Семунда, собравшаго ее въ 1643 году. Новая Эдда написана прозой, и происхожденіе ея приписываютъ Снорри.

Название „Edda“ означаетъ собою праматерь; происхожденіе такого названія по нятно съ точки зрѣнія древняго міра, представлявшаго себѣ, какъ бабка въ кругу дѣтей и внуковъ сообщаетъ имъ свѣдѣнія о прошедшемъ.

Цикль сѣверныхъ сказаній о богахъ открываютъ три космогоническія и теогоническія пѣсни, изъ которыхъ Вѣлуспа (Völuspa) является наиболее важной и, по всей вѣроятности, древней. Она по праву занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ обнимаетъ всю сумму сѣверныхъ вѣрованій и группируетъ ихъ въ одну картину.

Новая Эдда, въ своемъ первомъ сказаніи Gylfaginning, содержитъ въ себѣ также основы ученія сѣверныхъ народовъ о-богахъ.

Приводимыя здѣсь объясненія мифическихъ названій составлены на основаніи Völuspa и Gylfaginning, по пѣмецкому изданію древней и новой Эдды, Simrok: Die Edda, die ältere und jüngere. St., 1871 г.

По словамъ новой Эдды, *Нифлмеймъ* (Niflheim) возникъ до сотворенія Земли и былъ покрытъ массами льда и снѣга. Оттуда шли снѣгъ, бури и холода и другія невзгоды, тогда какъ на югѣ лежало царство тепла, *Муспельгеймъ* (Muspelheim). Эти оба царства были раздѣлены *Гиннугагапомъ* (Ginnungagap), причѣмъ сторона послѣдняго, лежащая близъ Нифлгейма, была наполнена горами льда и снѣга, тогда какъ сторона, направленная къ югу, была ясна и тепла, такъ какъ туда доносились искры изъ Муспельгейма.

Римтурзы (Rimthursen). Когда тепло, посылаемое Муспельгеймомъ, встрѣтилось со снѣгомъ, то послѣдній сталъ таять, и капли талой воды получили жизнь силою того, кто послалъ жару. Тогда возникло человѣкоподобное существо *Имиръ* (Ymir), а отъ него произошли всѣ *римтурзы* (великаны стужи). Всѣ римтурзы, за исключеніемъ одного, погибли, утонувъ въ крови Имира, убитаго первыми *Азими*, сыновьями Бѣра (Bör).

Гельгеймъ, царство *Гелл* (Hel), дочери *Локи* (Loki). Локи принадлежалъ къ числу азовъ, но былъ противникомъ боговъ, виновникомъ великихъ бѣдъ, позоромъ для боговъ и

свѣдѣнія для будущихъ поколѣній; и если кто желаетъ знать человѣческой духъ въ его благороднѣйшей борьбѣ съ суевѣріемъ и мракомъ, пусть онъ читаетъ лѣтописи арктическихъ путешествій, исторію мужей, которые, во времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила вѣрною смертью, все-таки бодро шли съ развѣвающимися знаменами къ неизвѣстному. Нигдѣ, вѣроятно, знаніе не покупалось большею цѣной лишеній, бѣдствій и страданій; но человѣческой духъ не въ состояніи успокоиться до тѣхъ поръ, пока и въ этихъ странахъ каждое мѣсто не станетъ доступнымъ, пока не будетъ разрѣшена и тамъ, на Сѣверѣ, каждая загадка. Миля за милей, градусъ за градусомъ брались постепенно съ страшнымъ напряженіемъ силъ. Медленно наступаетъ день; но мы находимся еще въ сумеркахъ разсвѣта, и мракъ все еще паритъ надъ обширными пустынными прострѣтствами, окружающими полюсъ Сѣвера.

Наши предки, древніе викинги, были первыми полярными мореплавателями. Высказывалось мнѣніе, что ихъ плаванія въ Ледовитый океанъ не имѣли значенія, такъ какъ не оставили по себѣ прочныхъ слѣдовъ. Однако это невѣрно. Какъ не подлежитъ сомнѣнію, что нынѣшніе китоловы въ своей непрерывной борьбѣ со льдами и моремъ являются нѣонерами нашего изслѣдованія полярной области, такъ же точно несомнѣнно, что и древніе норвежцы, съ Эрикомъ Рыжимъ, Лейфромъ и другими во главѣ, были первыми пролагателями путей для всѣхъ послѣдующихъ полярныхъ экспедицій. Не следуетъ забывать, что они были не только первыми мореплавателями, отважившимися пуститься въ открытый океанъ, но и первыми рѣшившимися на борьбу со льдами. Задолго до того, какъ другія морскія націи отважились разстаться съ плаваніемъ вдоль береговъ, наши предки пересѣкали вдоль и поперекъ сѣверныя моря, открыли Исландію и Гренландію, заселили эти страны, нашли въ послѣдствіи Америку и не страшились переплывать весь Атлантический океанъ, отъ Гренландіи до Норвегіи. Не разъ приходилось имъ на своихъ безнадѣжныхъ судахъ выдерживать трудную борьбу со льдами у гренландскихъ береговъ и немало ихъ, безъ сомнѣнія, погибло.

Побудительнымъ мотивомъ къ этимъ плаваніямъ была, вѣроятно, не одна только погоня за приключеніями, хотя послѣдняя и составляетъ, несомнѣнно, одну изъ основныхъ чертъ норвежскаго народнаго характера, но и потребность въ новыхъ мѣстахъ для многихъ безпокойныхъ удалыхъ молодежь, не находившая счастья, призвали ихъ къ себѣ, и отецъ всѣхъ боговъ бросилъ одну изъ его дочерей, Змѣю (Schlange), въ море, другую, Гель, онъ низвергъ въ Нифльгеймъ и далъ ей власть надъ новыми мірами, чтобъ они указывали жилище тѣмъ, кого боги будутъ посылать къ ней, именно: всѣмъ умершимъ отъ старости или болѣзней. Тамъ она имѣетъ большія владѣнія. Ея залъ называется несчастіемъ, ея блюдо — голодь, ея ножъ — жажда; лѣнь — ея раба, медленность — ея служанка, паденіе — ея порогъ; ея постель — печаль и ея пологъ — продолжительная невзгоды. Ее легко узнать по суровому и ужасному виду.

Бальдуръ (Baldr) — сынъ Одина, самый красивый, мудрый, краснорѣчивый и кроткій изъ азовъ, былъ убитъ вслѣдствіе коварства Локи. Тогда боги послали *Гермодера* въ царство Гелли, чтобы привезти оттуда Бальдура.

Nastrand (Берегъ покойниковъ) представлялъ изъ себя большой залъ отвратительнаго вида, съ дверями, обращенными къ сѣверу и покрытый змѣиной чешуей. При этомъ головы змѣй были обращены внутрь зала и изливали ядъ, текшій потоками по полу, черезъ который принуждены были переходить клятвеннореступники и люди, совершившіе коварное убійство.

шихъ въ Норвегіи достаточнаго простора для своей дѣятельности. Побуждались они, впрочемъ, иногда и настоящимъ стремленіемъ къ знанію. Уже Оттаръ, находившійся въ 890 году при дворѣ короля Альфреда въ Англіи, предпринялъ, какъ мы знаемъ, плаваніе для изслѣдованія протяженія странъ, или, какъ онъ самъ говоритъ о себѣ: «въ немъ сказалось божественное внушеніе и желаніе извѣдать и показать, какъ далеко простирается суша къ сѣверу, и существуетъ ли человѣческое населеніе на далекомъ Сѣверѣ, по ту сторону пустыни». Онъ имѣлъ пребываніе въ сѣверной части Гельгенланда, вѣроятно, въ Бьёркѣ, и въ своемъ плаваніи объѣхалъ Нордкапъ и проникнулъ на востокъ до Бѣлаго моря ³⁾.

О Гаральдѣ Гардрадѣ «испытанномъ королѣ норвежцевъ», сохранилось извѣстіе Адама Бременскаго ⁴⁾, что онъ предпринялъ морское путешествіе къ Сѣверу и «изслѣдовалъ на своихъ корабляхъ протяженіе Сѣвернаго океана; но мракъ спустился передъ пучиной на пороги исчезающаго міра, и онъ, повернувъ свои корабли, съ трудомъ ушелъ отъ неизмѣримой пропасти».

Это былъ Гиннунгагалъ, зіяющая, ужасная глубина на концѣ Свѣта. Какъ далеко проникъ Гаральдъ, никому неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ его слѣдуетъ признать за одного изъ первыхъ мореплавателей въ полярныя страны, влекомыхъ исключительно жаждой къ знанію. Само собой разумѣется, что тогдашніе норвежцы не были свободны отъ суевѣрныхъ представленій своего времени о полярныхъ странахъ, гдѣ они полагали свой Гиннунгагалъ, Нифльгеймъ, Гельгеймъ, и позже—Троллеботниъ, но даже въ этихъ мифическихъ и поэтическихъ представленіяхъ лежало столь значительное зерно дѣйствительныхъ наблюденій, что имъ нельзя отказать въ замѣчательно опредѣленномъ и ясномъ пониманіи истинной природы вещей.

Какъ трезво и правильно они наблюдали, обнаруживается всего лучше изъ появившагося двумя столѣтіями позже, научнаго трактата нашей древней литературы, «Королевскаго зеркала», въ которомъ говорится:

«Какъ только удастся одолѣть обширное пространство бурнаго моря, встрѣчаютъ въ океанѣ такое громадное количество льда, подобное которому не видано нигдѣ въ цѣломъ Свѣтѣ. Иныя льдины такъ плоски, какъ будто онѣ замерзли на самомъ морѣ; онѣ имѣютъ въ толщину то 4, то 5 локтей и тянутся такъ далеко въ море, что нерѣдко приходится идти по льду четыре и болѣе дней, чтобы достигнуть суши».

«Но эти ледяныя массы встрѣчаются болѣе къ сѣверо-востоку или къ сѣверу отъ суши, чѣмъ къ югу, юго-западу или западу...

... «Эти ледяныя массы имѣютъ странную природу. Иногда онѣ лежатъ такъ

³⁾ Гельгенландъ находилась тогда на сѣверной границѣ норманскихъ поселеній. Оттаръ совершилъ свое путешествіе отсюда около 870 г.; онъ плылъ три дня на сѣверъ вдоль берега Норвегіи, который былъ населенъ тогда бродячими лопарями. Затѣмъ берегъ сталъ заворачивать къ востоку и продолжался въ такомъ направленіи въ теченіе четырехъ дней, а далѣе сталъ уклоняться къ югу, и вдоль его Оттаръ шелъ пять дней до устья большой рѣки (очевидно Сѣв. Двины). На восточный берегъ этой рѣки норвежцы побоялись выходить, такъ какъ они нашли его густо заселеннымъ „биарміями“, со стороны которыхъ можно было ожидать враждебнаго отношенія.

⁴⁾ Адамъ Бременскій—извѣстный историкъ и географъ, писавшій въ 1075 г.

тихо, какъ только возможно, раздѣленные полыньями или большими фіордами; но временамъ же онѣ плывутъ столь сильно и стремительно, что не отстаютъ отъ корабля, несомога попутнымъ вѣтромъ, но онѣ плывутъ одинаково часто противъ вѣтра, какъ и по вѣтру».

Такое представленіе становится еще болѣе замѣчательнымъ, если его сопоставить съ наивными понятіями, раздѣлявшимися въ то время остальнымъ міромъ о чуждыхъ и отдаленныхъ странахъ.

Затѣмъ нашъ (т.-е. норвежскій) народъ захирѣлъ, и прошли сотни лѣтъ, прежде чѣмъ снова стали предприниматься плаванія въ сѣверныя воды. На этотъ разъ выступили уже другія націи, въ особенности голландцы и англичане. Но трезвые взгляды древнихъ норвежцевъ утратились. вмѣсто нихъ мы встречаемся непрерывно съ примѣрами свойственной человѣку склонности къ фантази. Въ особенности эта склонность получила широкое распространеніе въ сѣверной Европѣ. Такъ какъ при плаваніи на Сѣверъ не встрѣчались въ губительнымъ холодомъ, то теорія ударила въ противоположную крайность, и возникли странныя ложныя представленія, сохранившіяся отчасти до нашихъ дней. Старая исторія, что самое естественное объясненіе явленій внушаетъ всегда наиболѣе опасеній; если нѣтъ средняго пути, то охотнѣе принимаются самыя дикія гипотезы. Только въ силу этого могла возникнуть и сохраниться вѣра въ открытое полярное море, несмотря на то, что повсюду приходилось наталкиваться на ледъ; но это море,—такъ принималось,—должно находиться за льдами.

Вѣра въ существованіе свободнаго ото льда Сѣверо-восточнаго и Сѣверо-западнаго морскихъ проходовъ къ богатствамъ Китая (Китаю) и Индіи, зародившаяся впервые въ концѣ 15-го столѣтія, возраждалась снова и снова, несмотря на рядъ испытанныхъ ею пораженій. Такъ какъ ледъ преграждаетъ путь въ южныхъ широтахъ, то проходъ долженъ былъ лежать дальше къ сѣверу; наконецъ стали искать пути черезъ самый полюсъ.

Какъ ни дико были эти теоріи, тѣмъ не менѣе онѣ служили на пользу человѣчеству, и наши знанія о Землѣ, благодаря всѣмъ этимъ попыткамъ, получили значительное расширеніе. Отсюда можно видѣть, что никакой трудъ въ цѣляхъ изслѣдованія не остается бесполезнымъ, даже когда онъ исходитъ изъ ложныхъ представленій. Этимъ химерамъ обязана съ самаго начала немало и Англія, ставшая мало-помалу наиболѣе могущественной морской державой въ Свѣтѣ.

Различнымъ образомъ и по многимъ путямъ пыталось человѣчество проникнуть въ это царство смерти. Сначала пользовались только водой. Корабли были тогда особенно непригодны для того, чтобы выдерживать борьбу со льдомъ, и потому на нихъ пускались въ плаваніе съ неохотой. Суда древнихъ норвежцевъ, строившіяся изъ крышеобразно налагавшихся одна на другую слухъ и сосновыхъ планокъ, были не болѣе цѣлесообразны, чѣмъ маленькія неуклюжія каравеллы первыхъ англійскихъ и голландскихъ полярныхъ мореплавателей. Но постепенно научались приспособлять въ большей степени суда къ существующимъ условіямъ и направлять ихъ смѣлѣе посреди наводящихъ ужасъ ледяныхъ глыбъ.

Между тѣмъ некультурные полярные народы, какъ населяющіе сибирскія

тундры, такъ и американскіе эскимосы, еще задолго до того, какъ начались полярныя плаванія, придумали другой, болѣе надежный способъ посѣщать эти страны—саши, употребляя для возки ихъ обыкновенно собакъ. Этотъ превосходный способъ передвиженія былъ впервые прилѣпленъ, въ цѣляхъ полярныхъ изслѣдованій, въ Сибири. Уже въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ предпринимали тамъ русскіе весьма далекія путешествія на саняхъ и снимали карты сибирскихъ береговъ отъ границъ Европы до Берингова пролива. И притомъ они совершали такія поѣздки не только вдоль береговъ, но и переходили по плывущему льду на Ново-Сибирскіе острова, даже еще сѣвернѣе, и едва ли гдѣ-либо приходилось путешественникамъ претерпѣвать столько лишеній и выказывать такую выносливость, какъ именно здѣсь ⁵⁾. И въ Америкѣ саними уже давно воспользовались англичане для изслѣдованія береговъ Ледовитаго океана. Они употребляли то индѣйскую форму саней (тобогганъ), то эскимоскую. Наибольшаго развитія такія поѣздки на саняхъ достигли подъ опытнымъ руководствомъ Макъ-Клинтока (M'Klintock) ⁶⁾. Тогда какъ русскіе пользовались обычно-

⁵⁾ Ново-Сибирскіе острова были посѣщены впервые въ 1770 г. купцомъ Ляховымъ, открывшимъ впрочемъ только ближайшіе острова, получивше потомъ названіе Ляховъ, Малый и Котельный. Нѣсколько лѣтъ спустя туда былъ посланъ топографъ Хвойновъ, описавшій эти острова на планъ. Въ виду богатства острововъ ископаемой мамонтовой костью, они стали привлекать къ себѣ промышленниковъ, изъ коихъ Сапниковъ въ 1805 г. открылъ острова Столбовой и Фаддеевъ, Сироватской, въ 1806 г. — Новую Сибирь, Бѣлковъ, въ 1808 г., — маленькіе острова, названные его именемъ. Позже, въ 1809 г., всѣ эти острова были посѣщены, по распоряженію канцлера Румянцова, Геденштромомъ, снявшимъ на планъ Новую Сибирь; спутниками его были Боцевинъ и Санниковъ, нашедше на Фаддеевомъ о-вѣ слѣды пребыванія юкагировъ. Въ новѣйшее время Новосибирскіе острова составили, какъ извѣстно, цѣль научныхъ экспедицій Бунге и бар. Толля, снаряженныхъ Императорскою Академіей Наукъ. Посѣщались Новосибирскіе острова всегда по льду, на собакахъ. Ранѣе тѣмъ же способомъ ѣздили русскіе и на лежащіе далѣе къ востоку острова Медвѣжьи и даже, повидимому, на острова, извѣстные подъ именемъ Земли Врангеля (Андреевъ въ 1763 году). Что касается карты Сибири, то первый чертежъ ея былъ составленъ по указу царя Алексѣя Михайловича стольникомъ и воеводой Петромъ Ивановичемъ Годуновымъ въ 1667 г. въ Tobольскѣ; копія ея сохранилась въ Стокгольскомъ архивѣ и была издана Норденшѣльмомъ Гораздо болѣе подробный чертежъ былъ сдѣланъ въ Tobольскѣ боярскимъ сыномъ Семеновъ Ремезовымъ въ 1701 г. Онъ изданъ Имп. Археографич. Коммиссіей. Русскими съемками начала XVIII в. воспользовался шведъ Страленбергъ для карты, приложенной имъ къ его сочиненію „Сѣверная и восточная части Европы и Азій“. Стокгольмъ, 1730. *Прим. Ред.*

⁶⁾ Макъ-Клинтокъ, извѣстный полярный изслѣдователь, принималъ участіе въ экспедиціи Росса, 1848—49 гг., посланной для отысканія Франклина, затѣмъ въ экспедиціи Остина (Austin), 1850—51 гг., снаряженной для той же цѣли. Въ эту послѣднюю экспедицію онъ былъ посланъ на развѣдки въ саняхъ и прошелъ этимъ способомъ въ 105 дней 2250 кил., сдѣлавъ съемки на значительномъ протяженіи. Въ 1852 г. онъ участвовалъ въ полярной экспедиціи Бельчера (Belcher), причѣмъ открылъ и снялъ на планъ многіе острова арктической Америки. Въ 1857 г. онъ отправился снова на полярный Сѣверъ по просьбѣ вдовы Франклина, на снаряженномъ ею и ея друзьями кораблѣ, причѣмъ весною 1859 г. предпринялъ продолжительную поѣздку на саняхъ и въ продолженіе этой поѣздки напалъ наконецъ на слѣды Франклина, нашелъ нѣкоторыя его записки и вещи, выяснилъ участь этой экспедиціи и въ сентябрѣ того же года вернулся въ Англій, значительно обогативъ имѣвшіяся свѣдѣнія объ арктической Америкѣ и доставивъ многія съемки и богатая коллекція. Ко времени снаряженія Нансеновской экспедиціи онъ былъ уже адмираломъ. Отысканіе слѣдовъ Франклина описано имъ въ сочиненіи: „The Voyage of the Fox in the Arctic Seas“ (нѣсколько изданій).

Прим. Ред.

венно для своихъ поѣздокъ большимъ количествомъ собакъ, лишь съ немногими провожатыми, англичане предпочитали нускаться въ путь большими партіями, причѣмъ сани тащились исключительно или отчасти людьми. Нѣкоторые путешественники, впрочемъ, какъ Макъ Клинтонъ, пользовались для передвиженія также и большимъ количествомъ собакъ. Во время одной изъ наиболѣе энергичныхъ попытокъ, когда-либо сдѣланныхъ для достиженія высшихъ широтъ, именно достопамятнаго перехода Маркгама (Markham) къ сѣверу отъ зимней стоянки «Алерта», 33 человекъ вынуждены были сами тащить свои сани, хотя въ распоряженіи ихъ было немало и собакъ; повидимому, однако, собаки не пользовались у нихъ особой цѣной въ смыслѣ упряжныхъ животныхъ ⁷⁾.

Напротивъ того, американецъ Пири (Peary) примѣнилъ на Гренландскомъ ледяномъ плато совершенно другой способъ путешествія, пользуясь возможно меньшимъ количествомъ людей и возможно большимъ количествомъ собакъ ⁸⁾.

⁷⁾ А. Г. Маркгамъ (не смѣшивать съ Кл. Маркгамомъ, нынѣ президентомъ Лондонскаго Королевскаго Географическаго Общества) участвовалъ, въ качествѣ капитана и командира пароваго судна „Alert“, въ полярной экспедиціи Нэрса. Позже, въ 1879 г., онъ пытался съ сэромъ Горь-Бутсъ (Gore-Boots). на яхтѣ „Полярный медвѣдь“, изслѣдовать море около Земли Франца-Иосифа, но принужденъ былъ льдами вернуться отъ сѣверовосточнаго угла Новой Земли.

Прим. Ред.

⁸⁾ Американскій лейтенантъ Пири (Peary) уже въ 1886 г. принялъ участіе въ одной полярной экспедиціи, причѣмъ провелъ 23 сутокъ на Гренландскомъ плато подъ 69½° с. ш., проникнувъ на 180 кил. отъ берега и поднимаясь до высоты въ 2.400 м. Пользовался онъ при этомъ то лыжами, то санями, заставляя последние иногда двигаться при помощи паруса. Въ 1891 г., при содѣйствіи Филадельфійской Академіи Наукъ, онъ предпринялъ самостоятельную экспедицію на западный берегъ Гренландіи подъ широтою 78° въ заливъ Ингльфильдъ (Inglefield). Здѣсь въ бухтѣ Макъ-Корнъкъ былъ построенъ имъ переносный домъ, въ которомъ онъ и перезимовалъ съ женою и 7 спутниками, а въ слѣдующемъ году, въ маѣ, съ норвежцемъ Аструпомъ, на трехъ нартахъ и съ партіей изъ 20 ѣздовыхъ собакъ, отправились поперекъ Гренландіи, причѣмъ сами изслѣдователи шли болѣе на лыжахъ или помогали собакамъ тянуть нарты. Шли они сперва вдоль берега на сѣверъ, а затѣмъ свернули къ СВ. и дошли до сѣверной оконечности Гренландіи у бухты, названной ими Independance Bay (бухта Независимости), подъ 81° 37'8". Далѣе къ сѣверу находится, по словамъ Пири, лишь архипелагъ острововъ. Обратный путь черезъ плато потребовалъ 31 дня, причѣмъ изъ 20 собакъ вернулись только 5. Возвратившись въ Филадельфію, въ сентябрѣ 1892 г., Пири составилъ планъ новой экспедиціи въ тѣ же страны, средства для которой рѣшилъ добыть чтеніемъ публичныхъ лекцій и статьями; ему удалось дѣйствительно такимъ способомъ собрать до 60 т. руб., и осенью 1893 г. онъ отправился снова въ заливъ Ингльфильдъ съ цѣлью предпринять новыя экспедиціи поперекъ Гренландіи, а также изслѣдовать сѣверные острова и можетъ-быть даже проникнуть къ полюсу. Эта вторая экспедиція оказалась однако въ общемъ неудачной; попытка перейти Гренландское плато лѣтомъ 1894 г. не удалась и большинство спутниковъ Пири его покинули; Пири остался однако съ двумя товарищами на вторичную зимовку и въ апрѣлѣ 1895 г. предпринялъ новую попытку достигнуть Бухты Независимости, что ему и удалось, но недостатокъ въ провіантѣ и другихъ приспособленіяхъ не позволилъ ему продолжать его изслѣдованія, и онъ долженъ былъ вернуться, потерявъ изъ 43 собакъ 42. Возвратившись въ Соединенные Штаты, онъ не оставилъ однако вполнѣ свои планы, и осенью 1896 года отправился въ новую экспедицію, однако, повидимому, не столь далеко на сѣверъ, а лишь въ сѣверныя части Баффинова залива, между прочимъ съ цѣлью, на возвратномъ пути, захватить съ собою, найденный имъ вблизи мыса Юрка, въ бухтѣ Мельвиля, большой метеоритъ, около 800 центнеровъ вѣсомъ. Съ Пири на этотъ разъ отправился еще извѣстный геологъ проф. Тарръ, съ нѣсколькими студентами, для изслѣдованій въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Гренландіи и Лабрадора.

Прим. Ред.

Значеніе собакъ для путешествій на саняхъ было мнѣ яснымъ еще до моей поѣздки въ Гренландію, и если я тамъ ими не пользовался, то это произошло только отъ того, что я не могъ достать пригодныхъ ѣздовыхъ собакъ *).

Третій способъ путешествія, примѣняемый въ изслѣдованіи арктическихъ странъ, можно назвать *на лодкахъ* и *на саняхъ*. Уже о древнихъ норвежцахъ говорится въ сагахъ и въ «Королевскомъ зеркалѣ», что они по цѣлымъ днямъ вынуждены были тащить въ Гренландскомъ морѣ свои лодки, чтобы спасти и достигнуть земли. Первый воспользовался этимъ способомъ въ цѣляхъ изслѣдованія Парри (Parry), который во время знаменитой своей попытки добраться до полюса, въ 1827-мъ году, оставилъ свой карабль и двинулся къ сѣверу съ лодками, которыя онъ тащилъ на саняхъ. Онъ достигъ $82^{\circ}45'$, наивышей широты, сравнительно съ тѣми, до которыхъ доходили раіѳе; но отсюда тѣснѣе понесло его быстрѣе къ югу, чѣмъ онъ могъ двигаться въ противоположномъ направленіи, и ему пришлось вернуться. Позже этимъ способомъ для достиженія полюса пользовались не особенно часто. Слѣдуетъ впрочемъ упомянуть, что и Маркгамъ въ продолженіи своей санной поѣздки везъ съ собою лодку. Многія экспедиціи, покинувъ или потерявъ свои корабли, принуждены были поневолѣ, для того чтобы возвратиться, проходить такимъ образомъ большія пространства по плывущимъ льдамъ. Въ особенности слѣдуетъ указать здѣсь австровеитерскую экспедицію «Тететгофа» къ Землѣ Франца-Иосифа и несчастную американскую экспедицію «Джаннетты».

Повидимому, немногимъ лишь приходило въ голову воспользоваться примѣромъ эскимосовъ: жить на ихъ манеръ и вмѣсто тяжелыхъ лодокъ возить съ собою легко тащимые собаками *кажки*. *Никогда не было сдѣлано попытки при- мѣнить этотъ способъ.*

Пути, на которыхъ преобладали подобные способы передвиженія, были, главнымъ образомъ: проливъ Смита, море между Гренландіей и Шницбергеномъ, море у Земли Франца-Иосифа и Беринговъ проливъ. Путь, по которому чаще всего пытались въ ближайшее къ намъ время достигнуть полюса, былъ Смитовъ проливъ, по той причинѣ, что американскіе изслѣдователи слишкомъ преждевременно пришли къ убѣжденію, что ими найдено тамъ открытое полярное море, простирающееся, будто бы, необозримо на сѣверъ. Всѣ экспедиціи однако были остановлены здѣсь мощными массами льдовъ, двигавшимися къ югу и наиравшими на берега. Важнѣйшая экспедиція, слѣдовавшая по этому пути, была англійская, дѣйствовавшая въ 1875—76 гг. подъ начальствомъ Нэреа (Nares) и снаряженная съ большими денежными затратами. Сопровождавшій Нэреа командоръ Маркгамъ достигъ наивышей для того времени широты $83^{\circ}20'$, по это стоило большіе труды и лишенія, и Нэрѣ полагалъ, что имъ доказана навсегда невозможность достигнуть полюса по этому пути ⁹⁾.

*) См. мое сочиненіе: „На лыжахъ черезъ Гренландію“.

⁹⁾ Нэрѣ участвовалъ въ 1852—54 гг. въ полярной экспедиціи Белчера, затѣмъ въ 1882—74 гг. былъ начальникомъ извѣстной кругосвѣтной научной экспедиціи Челленджера (Challenger), снаряженной для глубоководныхъ изслѣдованій, послѣ чего въ 1875—76 гг. былъ призванъ къ веденію превосходно снаряженной полярной экспедиціи на судахъ „Discovery“ и „Alert“. Направившись въ проливъ Смита, экспедиція эта достигла $82\frac{1}{2}^{\circ}$ с. ш.,

Во время нахождения въ той же мѣстности экспедиціи Грили (Greely) въ 1881—84 гг., Локвудъ (Lockwood) проникъ на нѣсколько минутъ сѣвернѣе, до 83°24'. Это была самая сѣверная точка въ нашемъ полушаріи, которой коснулись ноги человѣка ранѣе экспедиціи, описываемой въ настоящей книгѣ¹⁰).

Въ морѣ между Гренландіей и Шпицбергеномъ дѣлались многія попытки проникнуть въ тайны ледяной области. Вдоль восточнаго берега Гренландіи Генри Гудзонъ (H. Hudson) уже въ 1607 году пытался достигъ полюса, гдѣ онъ надѣялся найти открытый бассейнъ и дорогу въ Тихій океанъ. Однако уже подъ 73° с. ш. онъ встрѣтилъ препятствіе къ дальнѣйшему движенію, у одного пункта на берегу, которое онъ назвалъ «Hold with Hore». Нѣмецкая экспедиція 1869—70 гг., постигшая тѣ же воды подъ начальствомъ Колдевея (Koldewey), достигла на саяхъ до 77° ш. Велѣдствіе громадныхъ массъ льда, несомыхъ извѣрнымъ теченіемъ вдоль этого берега къ югу, данная мѣстность является, несомнѣнно, одной изъ наименѣе благоприятныхъ для плаванія къ сѣверу. Лучше условія у Шпицбергена; Гудзонъ, встрѣтивши, какъ мы видѣли, препятствіе въ своемъ плаваніи вдоль Гренландіи, пытался уже проникнуть этимъ путемъ и достигъ здѣсь 80°23' сѣв. шир. Благодаря теплomu теченію, направляющемуся къ сѣверу вдоль западныхъ береговъ Шпицбергена, море остается здѣсь свободнымъ ото льда; несомнѣнно, въ этомъ мѣстѣ можно всего лучше и легче достигнуть высокихъ широтъ по свободному отъ льда фарватеру. Поэтому-то и Эдуардъ Парри сдѣлалъ въ 1827 году упомянутую свою попытку на сѣверъ отъ Шпицбергена.

Дальше къ востоку условія, представляемыя льдами, менѣе благоприятны, и лишь немногія экспедиціи направляли свой путь черезъ эти мѣстности. Австро-венгерская экспедиція 1872—74 г., бывшая подъ начальствомъ Вейпрехта (Weyprecht) и Пафера (Payer), задатая первоначально цѣлью отыскать Сѣверо-восточный проходъ, но уже при первой встрѣчѣ со льдомъ, у сѣвернаго конца Новой Земли, была охвачена имъ, стала подвигаться къ сѣверу и открыла Землю Франца-Иосифа, откуда Паферъ пытался проникнуть на сѣверъ на саяхъ и достигъ 82° 5' сѣв. широты на одномъ островѣ, который онъ назвалъ Землей Кронпринца Рудольфа. Къ сѣверу отсюда ему казалась видимой обширная масса

вышей, чѣмъ до которой доходилъ какой-либо корабль, а сопровождавшій экспедицію командоръ Маркгамъ достигъ по льду еще болѣе крайняго пункта 83° 20'. Дальнѣйшее движеніе впередъ судна было невозможно изъ-за льдовъ, и такъ какъ экипажъ сильно страдалъ отъ скорбута и другихъ болѣзней, то рѣшено было вернуться. *Прим. Ред.*

¹⁰) Экспедиція Грили была отправлена въ 1881 г. правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ въ бухту Лэди Франклинъ для устройства тамъ, согласно международному соглашенію, метеорологической полярной станціи и для наблюденій на этой станціи въ теченіи двухъ лѣтъ. Станція была устроена въ бухтѣ Discovery и названа фортомъ Конджеромъ; въ ней осталось на зимовку, кромѣ Грили, еще 24 человѣка. Обѣ зимы были проведены удовлетворительно, но затѣмъ, лѣтомъ 1883 г., въ виду того, что общанный пароходъ не приходилъ (онъ не могъ пробраться изъ-за льдовъ), рѣшено было тронуться въ обратный путь на лодкахъ, съ небольшимъ запасомъ провіанта. Однако, такимъ образомъ могли спуститься только до 79° 15' и пришлось остановиться для зимовки при весьма неблагоприятныхъ условіяхъ въ отношеніи къ жизни и питанію, вѣлѣдствіе чего съ января по конецъ юня большинство участниковъ погибло отъ голода и холода, и только 6 человѣкъ, въ томъ числѣ и самъ Грили, были спасены прибывшимъ на выручку пароходомъ Thetis. Локвудъ скончался еще въ апрѣлѣ. *Прим. Ред.*

суши, которую онъ помѣтилъ приблизительно 83° широты и назвать Землю Петерманна.

Позднѣе, въ 1880 и въ 1881—82 годахъ, Земля Франца-Иосифа была дважды посѣщена англичаниномъ Лейфъ-Смитомъ (Leigh-Smith), а въ настоящее время тамъ находится англійская экспедиція Джэксонъ Гэрмвортеа (Jackson-Harmsworth)¹¹⁾.

Датская экспедиція 1883 года, подъ начальствомъ Говгарда (Hovgaard), составила себѣ планъ проникнуть къ сѣверному полюсу отъ мыса Челюскина вдоль восточнаго берега обширной суши, которая, по мнѣнію Говгарда, должна находиться къ востоку отъ Земли Франца-Иосифа. Въ Карскомъ морѣ экспедиція, однако, была затерта льдами, вынуждена была перезимовать тамъ и вернулась затѣмъ въ слѣдующимъ году обратно.

Черезъ Беринговъ проливъ было сдѣлано немного попытокъ. Первою была экспедиція Кука (Cook) въ 1776 году, послѣднюю — экспедиція «Джаннетты» въ 1879—81 гг., руководимая Де-Лонгомъ (De Long), лейтенантомъ американскаго флота. Едва ли какіе другіе полярные путешественники встрѣтились, въ широтахъ относительно не очень высокихъ, съ такими непреодолимыми препятствіями со стороны льдовъ. Тѣмъ не менѣе, именно эта экспедиція имѣла наибольшее значеніе для моего предпріятія. Какъ говоритъ самъ Де-Лонгъ въ одномъ писемѣ къ Гордонъ Беннету (Gordon Bennett), меценату экспедиціи, приходится выбирать между тремя путями: проливомъ Смита, восточнымъ берегомъ Гренландіи и Беринговымъ проливомъ; Де-Лонгъ возлагалъ наибольшія надежды на послѣдній путь, который и былъ имъ, дѣйствительно, избранъ. Основаніемъ такого выбора послужило Японское теченіе, которое какъ предполагалось, идетъ къ сѣверу черезъ Беринговъ проливъ и далѣе вдоль восточнаго берега Земли Врангеля, простиравшейся, по предположеніямъ, далеко на сѣверъ. Утверждали, что теплая вода этого теченія должна проложить себѣ путь вдоль берега, можетъ-быть, прямо къ полюсу. Китоловы наблюдали, что всякій разъ, какъ ихъ суда затирались здѣсь льдомъ, ихъ несло къ сѣверу; отсюда вытекало заключеніе, что теченіе и въ общемъ имѣетъ такое же направленіе. «Это обстоятельство позволило бы изслѣдователямъ достигнуть высокихъ широтъ, но по той же самой причинѣ оно затруднило бы ихъ возвращеніе», говоритъ самъ Де-Лонгъ, и ему пришлось печальнымъ образомъ доказать вѣрность своихъ словъ. «Джаннета» была затерта льдами 6 сентября 1879 года, подъ 71° 35' с. ш. и 175° 6' в. д., южнѣе Земли Врангеля, — которая, какъ между тѣмъ выяснилось, представляетъ изъ себя только небольшой островъ, — и подвигалась въ продолженіи двухъ лѣтъ, вмѣстѣ со льдомъ, въ направленіи къ западу и сѣверо-западу, пока не затонула наконецъ 12 іюня

11) Экспедиція Пайера и Вейпрехта, потерявъ свое судно, раздавленное льдами, вынуждена была возвращаться по льду и на лодкахъ и спаслась лишь благодаря тому обстоятельству, что случайно встрѣтилась съ русскимъ промысловымъ судномъ. Свѣдѣнія, собранныя этой экспедиціей о Землѣ Франца-Иосифа, долгое время были единственными и лишь въ новѣйшее время обогатились новыми данными, особенно благодаря изслѣдованіямъ Джэксона. Результаты этихъ изслѣдованій во многомъ расходятся съ оцѣночными Пайеромъ; тамъ, гдѣ на картѣ Пайера показана суша, оказалось море, и обратно. Между прочимъ, Джэксонъ не могъ подтвердить существованіе Земли Петерманна, на мѣстѣ которой находится, вѣроятно, небольшой островъ.

1881 г., къ сѣверу отъ Ново-Сибирскихъ острововъ, подъ $77^{\circ} 15'$ с. ш. и $154^{\circ} 59'$ в. д.

Повсюду, слѣдовательно, ледъ ставилъ препятствія человѣку въ его попыткахъ проникновенія на сѣверъ. Только въ двухъ случаяхъ корабли, затерты льдами, были отнесены дальше въ направленіи къ сѣверу. Это случилось именно съ «Тететгофомъ» и «Джаннетой», тогда какъ большая часть остальныхъ была отклонена далѣе отъ своей цѣли плывущими на югъ ледяными массами.

При изученіи исторіи арктическихъ изслѣдованій мнѣ стало съ самаго начала очевидно, что трудно разсчитывать на проникновеніе въ тайны далекой и неизвѣстной ледяной области, слѣдуя испробованнымъ до тѣхъ поръ путямъ и руководствуясь испытанными до того времени способами. *Но идъ желалъ настоящій путь?*

Это было осенью 1884 года, когда я случайно прочелъ въ одной норвежской газетѣ («Morgenbladet») статью профессора Мона (Mohn), въ которой говорилось, что на юго-западномъ берегу Гренландіи найдены нѣкоторые предметы, происходившіе съ «Джаннеты». Монъ допускалъ, что предметы эти могли быть перенесены на льдинѣ поперекъ Полярнаго моря. Мнѣ стало тотчасъ яснымъ, что эту находку указываетъ путь. Если льдина могла переплыть черезъ неизвѣстное пространство, то тѣмъ же «дрейфомъ» можно воспользоваться и въ цѣляхъ научнаго изслѣдованія, — и планъ былъ избранъ. Прошло однако много лѣтъ, прежде чѣмъ я, наконецъ, въ февралѣ 1890 г., послѣ моего возвращенія изъ Гренландской экспедиціи, изложилъ его передъ Географическимъ Обществомъ въ Христіаніи. Въ виду того, что мое тогдашнее сообщеніе имѣло рѣшающее значеніе для исторіи шипшннѣйшей экспедиціи, я намѣренъ воспроизвести изъ него здѣсь наиболѣе существенныя мѣста, въ томъ видѣ, какъ они были напечатаны въ норвежскомъ журналѣ «Природа» («Naturen») за мартъ 1891 г.

Изложивъ вкратцѣ ходъ различныхъ прежнихъ полярныхъ экспедицій, я продолжалъ:

«Результатъ ряда попытокъ, послѣ всего здѣсь сказаннаго, долженъ казаться до извѣстной степени безотраднымъ. Повидимому, изъ нихъ ясно слѣдуетъ, что къ полюсу невозможно плыть ни по какому пути; повсюду непреодолимымъ препятствіемъ былъ ледъ, останавливавшій дальнѣйшее движеніе на границѣ извѣстныхъ областей. мили.

«Ганцить лодки черезъ этотъ неровный плывущій ледъ, находящійся стигнуть того, подъ влияніемъ теченія и вѣтра, въ постоянномъ движеніи, притомъ также большія трудности. Ледъ ставитъ такія преграды движенію, какой въ Кото это испытать, конечно не станеть сомнѣваться, что при помощи я, насколько соба почти-что невозможно двигаться впередъ съ запасами и инструментами, если, что этими ескихъ странъ и необходимыми для подобнаго предпріятія». Такимъ образомъ

Наиболѣе надежнымъ путемъ, представлялось мнѣ тогда, плыть къ полюсу изъ суши, еслибы таковая тамъ оказалась. Въ такомъ случаѣ мнѣ затерты льдомъ, но на норвежскихъ лыжахъ въ одно лѣто». Но такой суши Гренландіи. По Гренландія простирается, по моему мнѣнію, немногочисленная экспедиція не могла найтисъ самый сѣверный извѣстный пунктъ на ея западной границѣ въ состояніи пройтисъ Франца-Иосифа простиралась до полюса, это мало вѣроятно. льды.

она образуетъ группу острововъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга глубокими проливами, и нѣтъ основаній предполагать, чтобы тамъ нашлась болѣе значительная суша.

«Многіе полагаютъ, быть-можетъ, что изслѣдованіе столь трудно доступныхъ областей, какъ полярныя страны, слѣдуетъ отложить до того времени, когда будутъ открыты новыя средства передвиженія. Мнѣ пришлось слышать предположеніе, что въ одинъ прекрасный день можно будетъ совершить путешествіе къ полюсу на *воздушномъ шарѣ*, и что, пока не насталъ этотъ день, всякая попытка проникнуть туда будетъ напрасной. Едва ли стоить доказывать, что такое соображеніе не выдерживаетъ критики. Даже если допустить, что рано или поздно будетъ осуществлена эта столь часто теперь высказываемая мысль о полетѣ къ полюсу на воздушномъ шарѣ, то всетаки такого рода путешествіе, какъ ни интересно оно было бы въ извѣстныхъ отношеніяхъ, далеко не могло бы сопровождаться такими научными результатами, какъ экспедиціи, выполненныя указаннымъ здѣсь образомъ. Большая научная добыча въ различныхъ отрасляхъ знанія можетъ быть приобретена только путемъ постоянныхъ наблюденій въ теченіи продолжительнаго пребыванія въ этихъ областяхъ, тогда какъ наблюденія во время полета на воздушномъ шарѣ по необходимости должны быть бѣглыми и неполными.

«Мы должны поэтому испробовать, не имѣется ли другихъ путей, и я думаю, что такой путь существуетъ. *Я полагаю, что если мы обратимъ вниманіе на силы, существующія въ самой природѣ, и попытаемся работать за одно съ ними, а не противъ нихъ, то мы найдемъ наиболее вѣрный и легкий путь къ полюсу.* Безполезны усилія противъ течения, какъ въ этомъ убѣдились предшествующія экспедиціи; мы должны изслѣдовать, не найдется ли теченіе, которое бы допускало движеніе *за одно* съ нимъ. Экспедиція «Джаннеты» была, по моему мнѣнію, единственная, находившаяся на вѣрномъ пути, хотя и безсознательно и не по доброй волѣ.

«Джаннета» двигалась въ теченіи двухъ лѣтъ, затертая льдами, отъ острова Врангеля до Ново-Сибирскихъ острововъ. Три года спустя послѣ гибели корабля, послѣдовавшей сѣвернѣе этихъ острововъ, были найдены по *ту сторону доваюса*, на плывущихъ льдинахъ, по близости Юліанегаба (Julienegaab), у юго-труднаго берега Гренландіи, нѣкоторые предметы, по вѣсѣмъ признакамъ принятымъ овиіе затонувшему кораблю и донесенные до Гренландіи, очевидно, вмерзъ льдами в ледъ.

Врангеля, — числа многихъ предметовъ, найденныхъ эскимосами и впоследствии небольшой оск въ Юліанегабѣ колоніальнымъ директоромъ Литценомъ (Lytzen), ко въ направленіи новаль ихъ списокъ въ датскомъ Географическомъ журналѣ (1885).

н) Экспедиц
нуждена была возвр
ятельству, что случ
ранняя этой экспедиц
въ новѣйшее время об
ромъ, по показанію
сона. Результаты эти
ромъ; тамъ, гдѣ на карт
чимъ, Джексонъ не могъ
заслуживаютъ вниманія: 1) роспись провіанта съ собственноручно
Де-Лонга, командира «Джаннеты», 2) писанный перечень ло
пара непромокаемыхъ штановъ съ мѣткой «Louis Noros» —
которому удалось спастись 4) козырекъ
Литцена, было написано «F. C. Lind
«Джаннеты» было F. C.
въ данномъ случаѣ произошла опечатка или ошибка

«Къ извѣстію о находкѣ этихъ предметовъ въ Америкѣ отнеслись весь скептически, и американскими газетами были даже высказаны сомнѣнія въ ихъ подлинности. Но приведенные здѣсь факты едва ли могутъ быть признаны ложными, и потому надо считать доказаннымъ, что *ледяная глыба съ вещами принадлежавшими „Джаннетъ“, проплыла отъ мѣста гибели этого судна до Юліанегаба.*

Какимъ же путемъ эта ледяная глыба достигла западнаго берега Гренландіи?

Профессоръ Монъ (Mohn) уже въ ноябрѣ 1894 года доказалъ, что она могла плыть инымъ путемъ, какъ черезъ полюсъ *).

«Черезъ проливъ Смита эта льдина никоимъ образомъ не могла пройти такъ какъ теченіе отсюда идетъ вдоль западной стороны Баффинова залива; в этомъ случаѣ она была бы принесена къ Баффиновой Землѣ или къ Лабрадор а не къ западному берегу Гренландіи. Теченіе имѣетъ вдоль этого берега еверное направленіе и является продолженіемъ Гренландскаго полярнаго течения спускающагося вдоль восточнаго берега Гренландіи, огибающаго мысъ Феруэль поднимающагося вдоль западнаго берега. Только съ этимъ теченіемъ могла пройти сюда льдина.

Но вопросъ заключается въ томъ: *какимъ путемъ она шла*, чтобы отъ Новосибирскихъ острововъ достигнуть восточнаго берега Гренландіи?

«Можно, пожалуй, допустить, что она плыла вдоль сѣвернаго побережья Сибири, къ Ю. отъ Земли Франца-Иосифа, черезъ проливъ между послѣднею Шпицбергеномъ, или даже къ Ю. отъ этого острова, затѣмъ попала въ Полярное теченіе, спускающееся вдоль Гренландіи. Если разсмотрѣть, однако, условія теченій въ этой области, насколько они извѣстны въ настоящее время, то придется заключить, что такое предположеніе весьма невѣроятно, если не совершенно невозможно».

Затѣмъ, доказавъ, какъ это обстоятельство вытекаетъ изъ дрейфа «Тетогофа» и другихъ условій, я продолжалъ:

«Разстояніе отъ Ново-Сибирскихъ острововъ до восточнаго берега Гренландіи, по дугѣ 80° широты, составляетъ 1.360 мор. миль; разстояніе отъ вышеназваннаго мѣста до Юліанегаба 1.540 миль; оба вмѣстѣ—2.900 миль. Этотъ путь былъ сдѣланъ въ 1.100 дней, что составляетъ суточную скорость въ 2,6 мил. Время, потребовавшееся найденнымъ предметамъ, для того чтобы достигнуть

* Вслѣдствіи и директоръ колоній Литценъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ Копенгагенской „Geografisk Tidsskrift“ (8 томъ, 1885—86, стр. 49—51), высказался, насколько я его понимаю, въ томъ же смыслѣ. Замѣчательно, что и онъ пришелъ къ мысли, что этимъ условіямъ, можетъ быть, удастся воспользоваться для изслѣдованія арктическихъ странъ для попытокъ проникновенія къ полюсу. Между прочимъ, онъ говоритъ: „Такимъ образомъ оказывается, что изслѣдователи полярныхъ странъ, пытающіеся проникнуть къ полюсу изъ Сибирикаго Ледовитаго океана, иррентно, въ какомъ-нибудь мѣстѣ будутъ затерты льдомъ, и что эти ледяныя массы будутъ принесены теченіемъ на Ю., вдоль береговъ Гренландіи. По этому не представляется абсолютно невѣроятнымъ, чтобы такая экспедиція не могла найти себѣ спасеніе въ южной Гренландіи въ томъ случаѣ, если судно будетъ въ состояніи продолжительное время выдерживать давленіе ледяныхъ массъ; но оно во всякомъ случаѣ должно разсчитывать на плаваніе такимъ путемъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ“.

Юланегаба, послѣ того какъ они были донесены до 80° широты, легко вычислить, такъ какъ теченіе вдоль восточнаго берега Гренландіи хорошо извѣстно. Судя по существующимъ даннымъ, надо принять, что предметамъ этимъ нужно было, по крайней мѣрѣ, 400 дней, чтобы совершить указанный путь; остается 700 дней, какъ самый длинный промежутокъ, въ теченіе котораго остатки «Джаннетты» могли приплыть отъ Ново-Сибирскихъ острововъ до 80° широты. Если предположить, что предметы избрали кратчайшій путь, т.-е. черезъ полюсъ, то это даетъ намъ суточную скорость приблизительно въ 2 морскихъ мили. Если же принять путь къ Ю. отъ Земли Франца-Иосифа и Шницбергена, то скорость передвиженія должна быть больше. Но скорость въ двѣ мор. мили въ сутки вполне совпадаетъ со скоростью, которую «Джаннета» имѣла въ концѣ своего пути—отъ 1 янв. до 12 іюня 1881 года. Въ это время она двигалась именно со среднею суточною скоростью немногимъ большею 2 мор. миль. Средняя же скорость во время всего періода дрейфа «Джаннетты» составляетъ всего 1 морскую милю въ сутки.

Но развѣ не существуетъ никакихъ другихъ доказательствъ, что теченіе проходитъ черезъ полюсъ—отъ Берингова моря на одной сторонѣ до Атлантическаго океана на другой? Такія доказательства имѣются!

«Д-ръ Ринкъ получилъ отъ одного гренландца въ Годтгабѣ (Godthaab) любопытную дощечку; она была найдена на берегу среди ланоснаго лѣса. Это—*метательная дощечка*, подобная тѣмъ, какія употребляютъ эскимосы, чтобы пускать въ птицъ свои стрѣлы и гарпуны, но совершенно иного устройства, чѣмъ употребляемая эскимосами на западномъ берегу¹²⁾. Д-ръ Ринкъ предположилъ поэтому, что она можетъ-быть происходить отъ эскимосовъ восточнаго берега Гренландіи.

«Позднѣйшія изслѣдованія*) выяснили, однако, что мѣстомъ происхожденія этой дощечки долженъ быть берегъ Аляски, въ окрестностяхъ Беринг-

¹²⁾ Метательныя дощечки служатъ у эскимосовъ и другихъ народовъ арктической Америки для метанія стрѣлъ и гарпуновъ. Онѣ имѣютъ фута 1½ въ длину, обыкновенно нѣсколько сужены къ заднему концу и снабжены на своей верхней ровной поверхности желобкомъ, въ который кладется древко стрѣлы (или гарпуна). Желобокъ спереди сходитъ на нѣтъ, а сзади заканчивается стѣпкой, въ которую упирается задній конешъ древка. Передній, расширенный конешъ дощечки имѣетъ приспособленія для держанія его правою рукою (поднятой и обращенной ладонью вверхъ), а именно: прорѣзанное наискось круглое отверстіе для указательнаго пальца и боковыя вырѣзки или колки для удобнаго держанія дощечки прочими пальцами. Взявъ такую дощечку въ правую руку и положивъ на нее (въ желобокъ) задній конешъ древка стрѣлы, эскимосъ подымаетъ эту руку, держитъ дощечку (и стрѣлу) въ горизонтальномъ положеніи, нацѣливается, отводитъ дощечку назадъ и затѣмъ съ силой, держа пальцами только дощечку, а не стрѣлу, выдвигаетъ ее впередъ; вслѣдствіе этого движенія стрѣла получаетъ сильный толчокъ и летитъ прямо впередъ на значительное разстояніе. Гренландскія метательныя дощечки имѣютъ суженную спереди форму и широкую рукоятку съ боковыми вырѣзками и сквознымъ отверстіемъ; въ мѣстностяхъ около Берингова пролива рукоятка сужена и затѣпливо выточена; на Аляскѣ и южнѣе она снабжена еще 2 — 3 боковыми колками, но за то не имѣетъ сквознаго отверстія; наконецъ, на Уналашкѣ дощечка имѣетъ параллельные боковыя края, слабыя вырѣзки для пальцевъ и эксцентричное сквозное отверстіе.

Прим. Ред.

*) См. Dr. Nielsen. Forhandlingar i Videnskabselskabet, Kristiania. Засѣданіе 11 іюня 1886 г.

ва пролива, такъ какъ это — единственная мѣстность, гдѣ употребляютъ металлыныя дощечки подобной формы. Въ ней были даже вставлены китайскія стеклянныя бусины, совершенно такія же, какія получаютъ эскимосы Аляски въ обмѣнъ отъ азіатскихъ народовъ, для украшенія своихъ металльныхъ дощечекъ.

«Такимъ образомъ, мы можемъ, повидимому, съ увѣренностью утверждать, что деревяшка была принесена въ Гренландію съ западнаго берега Аляски теченіемъ, еще неизвѣстнымъ намъ на всемъ его протяженіи, но, какъ кажется, проходящимъ очень близко отъ полюса или гдѣ-нибудь между послѣднимъ и Землей Франца-Иосифа.

«Существуютъ однако еще и другія доказательства въ пользу существованія сказаннаго теченія. Въ Гренландіи, какъ извѣстно, не растутъ вовсе деревья, которыми бы можно было пользоваться для постройки лодокъ, сапей и другихъ издѣлій. Наносный лѣсъ, приносимый Полярнымъ теченіемъ къ восточному берегу Гренландіи и за тѣмъ плывущій на сѣверъ вдоль западнаго берега, составляетъ поэтому для гренландскихъ эскимосовъ условіе весьма важное для ихъ существованія. Но откуда происходитъ этотъ наносный лѣсъ?

«Въ данномъ случаѣ приходится опять обратиться къ странамъ, находящимся по ту сторону полюса. Я самъ имѣлъ случай изслѣдовать большія массы наноснаго лѣса какъ на западномъ, такъ и на восточномъ берегу Гренландіи; я встрѣчалъ его также плывущимъ въ морѣ, вдали отъ береговъ. И, подобно прежнимъ путешественникамъ, я пришелъ къ убѣжденію, что большая часть этого лѣса происходитъ изъ Сибири, и лишь малая часть, можетъ — быть, изъ Америки; въ немъ преобладаютъ сосна, сибирская лиственница и другія сѣверныя древесныя породы, едва ли встрѣчающіяся въ другихъ мѣстахъ. Интересны въ этомъ отношеніи находки, сдѣланныя второй нѣмецкой полярной экспедиціей*) у восточнаго берега Гренландіи. Изъ 25 стволовъ плывшаго лѣса 17 принадлежали сибирской лиственницѣ, 5 какому-то сѣверному виду сосны (вѣроятно *Picea obovata*), два — ольхѣ (*Alnus incana*?) и одинъ тополи (*Populus tremula*?). Всѣ эти виды растутъ въ Сибири.

«Въ дополненіе къ этимъ наблюденіямъ въ Гренландіи можно еще указать, что экспедиція «Джаннеты» встрѣчала часто къ С. отъ Ново-Сибирскихъ острововъ сибирскій плывущій лѣсъ (сосну и березу) среди льдинъ, увлекаемыхъ направляющимся къ С. теченіемъ.

«Съ счастьемъ для эскимосовъ, ежегодно къ берегамъ Гренландіи приносятся столь значительныя массы наноснаго лѣса, что, по моему мнѣнію, онѣ неопровержимо указываютъ на постоянное теченіе, тѣмъ болѣе, что лѣсъ имѣетъ видъ долго лежавшаго въ водѣ, и, вѣроятно, большая часть его была принесена вмерзшимъ въ ледъ.

«Признать, что этотъ наносный лѣсъ плыветъ къ Ю. отъ Земли Франца-Иосифа и Шнидбергена, представляется столь же мало вѣроятнымъ, какъ и то, что льдина съ остатками отъ «Джаннеты» пришла этимъ путемъ. Въ качествѣ довода противъ таковаго предположенія можно, между прочимъ, привести тотъ фактъ,

*) Вторая нѣмецкая экспедиція къ сѣверному полюсу, 1869 и 1870 гг. 2 тома (Лейпцигъ, 1873—74. Ф. А. Брокгаузъ).

что сибирскій пловучій лёдъ былъ встрѣченъ къ *сѣверу* отъ Шпицбергена, несомымъ къ Ю. сильнымъ теченіемъ, противъ котораго безуспѣшно боролась экспедиція Парри.

«Такимъ образомъ, оказывается, что мы имѣемъ еще и другое доказательство существованія теченія, проходящаго черезъ полюсъ или недалеко отъ него.

«Въ связи съ этимъ особенный интересъ представляетъ показаніе нѣмецкаго ботаника Гризебаха, что гренландская флора заключаетъ въ себѣ нѣкій рядъ сибирскихъ формъ, которыя едва ли могли проникнуть туда иначе, какъ при помощи подобнаго теченія, способнаго занести ихъ съмена.

«Въ Датскомъ проливѣ (между Исландіей и Гренландіей) я сдѣлалъ наблюденія, которыя какъ будто указываютъ, что и тамошній лёдъ—сибирскаго происхожденія. Именно, я нашелъ на немъ большія количества ила, вынесеннаго, повидимому, сибирскими, а быть-можетъ и сѣверо-американскими рѣками. Впрочемъ, возможно предположеніе, что илъ этотъ происходитъ отъ глетчерныхъ потоковъ, вытекающихъ изъ-подъ льда въ сѣверной Гренландіи или въ другихъ неизвѣстныхъ полярныхъ странахъ,—а потому это доказательство менѣе убѣдительно, чѣмъ приведенныя мною выше.

«Сопоставляя все сказанное, мы, повидимому, принуждены прійти къ заключенію, что *идь-нибудь между полюсомъ и Землей Франца Иосифа проходитъ теченіе изъ Сибирскаго Ледовитаго моря къ восточному берегу Гренландіи.*

«Что это должно быть такъ, мы можемъ выяснитъ себѣ еще и другимъ путемъ. Если мы обратимъ вниманіе на Полярное теченіе, — этотъ широкій потокъ, спускающійся изъ неизвѣстныхъ полярныхъ странъ между Шпицбергеномъ и Гренландіей, и примемъ въ соображеніе, какую громадную массу воды онъ несетъ, то [намъ] станетъ очевидно, что эта масса воды не можетъ происходить изъ небольшого, ограниченныхъ размѣровъ бассейна, но что она необходимо должна собираться съ обширнаго пространства, тѣмъ болѣе, что Полярное море, насколько мы его знаемъ къ С. отъ береговъ Европы, Азии и Америки, очень мелко. Правда, Полярное теченіе получаетъ притокъ изъ вѣтви Гольфстрема, проникающей вдоль западнаго берега Шпицбергена, но эта вѣтвь незначительна; главная же масса воды Полярнаго теченія идетъ съ далекаго Сѣвера.

«Весьма вѣроятно, что Полярное теченіе простираетъ свои вѣтви до береговъ Сибири и Берингова пролива, что оно, такъ сказать, вбираетъ въ себя оттуда свою воду. Въ такомъ случаѣ, получаемая имъ вода доставляется отчасти упомянутымъ выше теплымъ теченіемъ, проникающимъ черезъ Беринговъ проливъ, а отчасти вѣтвью Гольфстрема, поворачивающей сѣвернѣе Норвегіи къ Новой Землѣ и обтекающей, болѣею своей частью, сѣверный конецъ этого острова въ своемъ дальнѣйшемъ пути въ Сибирское Ледовитое море. Что теченіе, идущее съ юга, но крайней мѣрѣ отчасти, стремится принять такое направленіе, это представляется весьма вѣроятнымъ уже по той причинѣ, что, какъ извѣстно, вслѣдствіе вращенія земли, всякое теченіе, направляющееся въ сѣверномъ полушаріи къ С., будетъ ли оно атмосферное или водное, должно отклоняться вправо, т.-е. къ востоку; на томъ же основаніи, всякое теченіе, направленное къ Ю., какъ Полярное, должно отклоняться къ З., т.-е. къ восточному берегу Гренландіи.

«Но если даже эти, вливающіяся въ полярный бассейнъ теченія, и не суще-

ствують, то все-таки, по моему мнѣнію, къ нему притекаетъ такъ много другой воды, что въ немъ должно образоваться Полярное теченіе. Прежде всего эту воду приносятъ впадающія въ Ледовитый океанъ сѣверо-европейскія, сибирскія и сѣверо-американскія рѣки. Пространство, орошаемое этими рѣками, громадно: оно обнимаетъ большую часть Сѣверной Европы, почти всю Сѣверную Азію или Сибирь до Алтайскихъ горъ, Байкальскаго озера, даже Монголіи, и большую часть Аляски и Британской Сѣверной Америки. Въ общемъ это составляетъ немалую часть земной поверхности, а количество атмосферныхъ осадковъ, падающихъ въ этихъ странахъ, въ суммѣ чрезвычайно велико. Невѣроятно, чтобы само Ледовитое море давало значительную часть этихъ осадковъ, такъ какъ съ одной стороны, на большей своей части оно покрыто пловучимъ льдомъ, испареніе котораго невелико, а съ другой — сильному испаренію съ свободной поверхности воды препятствуетъ сравнительно низкая температура этой области. Такимъ образомъ вода этихъ осадковъ должна въ наибольшей своей долѣ имѣть другое происхожденіе, преимущественно изъ Атлантическаго и Тихаго океановъ, и увеличеніе водной массы, происходящее вълѣдствіе этого въ Ледовитомъ океанѣ, должно быть весьма значительнымъ. Еслибъ мы обладали достаточными свѣдѣніями о количествѣ осадковъ въ различныхъ пунктахъ, то это увеличеніе можно бы было вычислить *). Еще большее значеніе оно должно имѣть потому, что полярный бассейнъ сравнительно невеликъ и, какъ уже указано, очень мелокъ: наибольшія извѣстныя глубины составляютъ приблизительно 120—150 метровъ.

«Но существуетъ еще и другой факторъ, способствующій увеличенію воды въ полярномъ бассейнѣ: его собственные осадки. Уже Вейпрехтъ указалъ, что сильный притокъ съ юга теплаго, влажнаго воздуха, вызываемый обычнымъ въ полярныхъ странахъ низкимъ давленіемъ атмосферы, по всей вѣроятности долженъ вести къ выпаденію значительнаго количества осадковъ, слѣдовательно и къ увеличенію массы воды въ Полярномъ морѣ. Что полярный бассейнъ получаетъ много прѣсной воды, объ этомъ можно заключить и непосредственно изъ незначительной солености водъ Полярнаго теченія.

«Послѣ всего сказаннаго надо считать до извѣстной степени доказаннымъ, что море вокругъ полюса получаетъ значительный притокъ воды, отчасти прѣсной, какъ только-что замѣчено, отчасти соленой, черезъ морскія теченія, какъ указало рѣше. По закону равновѣсія, эти водныя массы необходимо должны создать для себя стокъ, который и осуществляется Гренландскимъ Полярнымъ теченіемъ.

«Но нельзя ли подыскать дальнѣйшихъ доказательствъ въ пользу того что это теченіе идетъ именно въ указанномъ направленіи?

«Если мы обратимъ вниманіе на условія распредѣленія глубинъ, то уже въ нихъ мы найдемъ рѣшительный доводъ въ пользу того, что главное устье теченія должно лежать въ морѣ между Шницбергеномъ и Гренландіей. Насколько мы знаемъ, море здѣсь повсюду очень глубоко, существуетъ даже яма глубиной

*) Такое вычисленіе я попытался сдѣлать позже, но пришелъ къ заключенію, что общее количество осадковъ не такъ значительно, какъ это я предполагалъ первоначально. Смотри объ этомъ мою статью въ „Ежегодникъ“ Норвежскаго Географическаго Общества 1891 — 92 гг., стр. 95, и въ лондонскомъ „Geographical Journal“ 1893, стр. 5.

въ 4500 м., тогда какъ море къ Ю. отъ Шницбергена и Земли Франца-Иосифа чрезвычайно мелко, не глубже 300 мет. Черезъ Беринговъ проливъ идетъ, какъ упомянуто, теченіе къ С., а проливъ Смита и зунды (проливы) между островами къ С. отъ Америки, гдѣ теченіе дѣйствительно направлено къ Ю., слишкомъ малы и узки, чтобъ ихъ стоило принимать во вниманіе, говоря о занимающихъ насъ массахъ воды. Не остается, слѣдовательно, другого исхода, какъ признать, что водныя массы имѣютъ стокъ по тому же пути, какому слѣдуетъ Полярное теченіе. Заслуживаетъ вниманія еще глубокое ложе, найденное экспедиціей «Джаннетты» между Землею Врангеля и Ново-Сибирскими островами. Оно тянется въ сѣверномъ направленіи, достигая мѣстами болѣе 150 м. глубины, тогда какъ по обѣимъ сторонамъ отъ него находили глубины всего въ 80—100 м. Итъ ничего невозможнаго, что это ложе находится въ связи со впадиной между Шницбергеномъ и Гренландіей *), и тѣмъ направленіе главнаго теченія — если и не опредѣляется, то, во всякомъ случаѣ, отчасти обуславливается.

«Если обратиться къ разсмотрѣнію *условій распределенія вѣтровъ и воздушнаго давленія* надъ Полярнымъ моремъ, то, повидимому, изъ нихъ также слѣдуетъ возникновеніе теченія черезъ полюсъ въ указанномъ направленіи. Отъ Атлантическаго океана, къ югу отъ Шницбергена и Земли Франца-Иосифа, простирается въ Сибирскій Ледовитый океанъ поясъ низкаго давленія (зона минимума). По извѣстнымъ законамъ, на южной сторонѣ этого пояса вѣтры должны имѣть преимущественно направленіе съ В. на В.; это должно вызывать восточное теченіе вдоль сѣвернаго берега Сибири, которое дѣйствительно и существуетъ **). Вѣтры же сѣверной стороны зоны минимума должны дуть преимущественно въ направленіи съ В. на З. и вызывать, слѣдовательно, теченіе, направленное къ З. и идущее, какъ показано раньше, черезъ полюсъ въ Гренландское море.

«Такимъ образомъ очевидно, что съ какой бы стороны ни разсматривать вопросъ, приходится и дедуктивнымъ путемъ, — независимо отъ имѣющихъ рѣшающее значеніе специальныхъ доводовъ, — придти къ заключенію, что черезъ полюсъ или очень близко отъ него идетъ теченіе въ море между Гренландіей и Шницбергеномъ.

«На основаніи всѣхъ приведенныхъ данныхъ мнѣ представляется весьма осуществимою попытка — понасть въ это теченіе съ той стороны отъ полюса, гдѣ оно направляется къ С., и съ помощью его проникнуть въ области, достигнуть которыхъ тщетно пытались всѣ тѣ, которые думали бороться противъ теченія.

«Мой планъ вращѣ таковъ. Я предполагаю построить судно возможно меньшихъ размѣровъ и возможно болѣе крѣпости; оно должно имѣть какъ разъ такую величину, чтобы вмѣстить запасъ угля и провіанта для 12 человекъ на 5 лѣтъ. Судно примѣрно въ 170 тоннъ (брутто), я думаю, удовлетворить этимъ

*) Послѣ сдѣланнаго во время нашего путешествія открытія большой глубины въ полярномъ бассейнѣ, становится весьма вѣроятнымъ, что приведенное предположеніе правильно.

**) Нашъ личный опытъ во время путешествія не указываетъ, однако, на существованіе теченія, идущаго къ В., вдоль Сибирскаго побережья.

условіямъ. Оно должно имѣть машину такой силы, чтобы проходить въ часъ 6 морскихъ миль, но кромѣ того корабль долженъ быть снабженъ полнымъ запасомъ парусовъ. Самое важное въ такомъ суднѣ, это — чтобы оно могло выдерживать давленіе льда. Оно должно имѣть настолько косые бока, чтобы ледъ, напирая на него, не могъ получить твердой опоры,—какъ это было въ случаѣ «Джаннеты» и другихъ судовъ, которыми располагали арктическія экспедиціи,—но, напротивъ того, поднимать бы его вверхъ. Для этого едва ли потребуется большихъ измѣненій въ конструкціи судна. Несмотря на свою совершенно неприспособленную форму, «Джаннета» почти въ теченіи двухъ лѣтъ выдерживала напоръ льдовъ. Что кораблю легко придать указанную здѣсь форму, въ этомъ не усомнится никто, видѣвшій судно, подверженное давленію льдовъ. По той же самой причинѣ судно должно быть невелико, такъ какъ, независимо отъ того, что съ такимъ судномъ легче маневрировать, оно, подвергаясь напору льда, скорѣе подымается вверхъ; къ тому же такому судну легче придать значительную кривизну. Само собой разумѣется, что оно должно быть построено изъ отборнаго матеріала. Корабль такой формы и величины не будетъ хорошимъ и удобнымъ ходякомъ въ морѣ, но это не имѣетъ большого значенія въ фарватерѣ, наполненномъ льдомъ, какъ интересующій насъ здѣсь. Правда, корабль долженъ пройти большой путь по открытому морю, прежде чѣмъ онъ проникнетъ въ высшія широты. Но настолько непригоднымъ онъ все-таки не будетъ, чтобы на немъ вообще нельзя было подвигаться впередъ, хотя пассажиры, страдающіе морскою болѣзнію, и принуждены будутъ заплатить дань морской богинѣ.

«Разъ имѣется такое судно и экипажъ изъ 10, или самое большое 12 крѣпкихъ, старательно отобранныхъ людей, снабженный на пять лѣтъ необходимымъ провіантомъ, на столько хорошимъ и приспособленнымъ, на сколько это только возможно для располагаемыхъ нашимъ временемъ средствъ,—то, думаю я, предпріятіе можно считать обозначеннымъ. На такомъ суднѣ, лѣтомъ, какъ только условія льда позволятъ, мы попытаемся проникнуть черезъ Беринговъ проливъ и далѣе къ западу, вдоль сѣвернаго берега Сибири, къ Ново-Сибирскимъ островамъ *).

«По прибытіи къ Ново-Сибирскимъ островамъ слѣдуетъ наилучше воспользоваться временемъ въ цѣляхъ ознакомленія съ условіями теченія и льда и затѣмъ выжидать наиболѣе благоприятнаго момента, который бы позволилъ проникнуть возможно далѣе къ С. по свободному отъ льда фарватеру. Судя по имѣющимся отъ американскихъ китолововъ свѣдѣніямъ о распространеніи льдовъ къ С. отъ Берингова пролива, это можетъ произойти, предположительно, въ августъ или въ началѣ сентября.

«Уловивъ надлежащій моментъ, мы попытаемся проникнуть среди льдовъ насколько возможно далѣе къ С. Что такимъ образомъ мы пройдемъ, вѣроятно, далѣе самыхъ сѣверныхъ изъ Ново-Сибирскихъ острововъ, объ этомъ можно

*) Если первоначально я полагалъ пройти черезъ Беринговъ проливъ, то это потому, что съ той стороны, казалось мнѣ, можно всего вѣрнѣе и скорѣе достигнуть Ново-Сибирскихъ острововъ. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи я пришелъ къ заключенію, что это сомнительно, и рѣшилъ избрать кратчайшій путь—черезъ Карское море и затѣмъ къ сѣверу мимо мыса Челюскина.

заклочить, между прочимъ, и на основаніи наблюденій экспедиціи «Джаннеты». Въ то время, какъ экспедиція подвигалась со льдомъ къ С. отъ о-ва Беннета, Де-Лонгъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что вокругъ виднѣлось «темное водяное небо», т.-е. небо, указывающее на темное отраженіе съ открытой поверхности воды. Отсюда слѣдуетъ, что сильному, приспособленному къ плаванію во льдахъ судну есть надежда пробиться черезъ эту полосу плавущаго льда.

«Далѣе надо принять въ соображеніе, что отъ острова Беннета и до береговъ Сибири экспедиція Де-Лонга пробиралась на лодкахъ, частью по открытой водѣ. Достигнувъ берега, впрочемъ, большая часть ея участниковъ нашла себѣ, какъ извѣстно, печальный конецъ. Норденшѣльдъ проникъ къ С. не дальше сѣваго южнаго изъ названныхъ острововъ (конецъ августа 1878 г.), но здѣсь фарватеръ былъ вездѣ свободенъ.

«Существуя, слѣдовательно, данныя въ пользу того, что мы въ состояніи будемъ проникнуть къ С. отъ Ново-Сибирскихъ острововъ, а разъ намъ это удастся, то мы окажемся въ полосѣ теченія, которымъ была несена «Джаннета»; тогда останется только пробиваться возможно далѣе на С. пока судно не будетъ сковано льдомъ *). Тогда выбираемъ удобное мѣсто, укрѣпляемъ судно и представляемъ льду громоздиться вокругъ, сколько угодно, — чѣмъ больше, тѣмъ лучше; судно будетъ этимъ только приподниматься и сидѣть прочно и крѣпко. До нѣкоторой степени возможно, что подъ вліяніемъ давленія оно ляжетъ на бокъ, но это не имѣетъ большого значенія. Съ этого времени забота о движеніи вперёдъ переходитъ уже къ теченію, корабль перестаетъ быть перевозочнымъ средствомъ и обращается въ квартиру, въ которой будетъ масса времени для различныхъ научныхъ наблюденій.

«Такимъ способомъ, экспедиція, на основаніи того, что было изложено раньше, будетъ подвигаться, по всей вѣроятности, черезъ полюсъ и далѣе въ море между Герландіей и Шницбергеномъ. Здѣсь, достигнувъ 80° широты или даже раньше, если это будетъ лѣтомъ, мы получимъ шансы освободить нашъ корабль изъ льдовъ и направимся затѣмъ домой. Если же кораблю придется преждевременно погибнуть, что, конечно, возможно, хотя при указанной специальной конструкціи судна и мало вѣроятно, — то экспедиція все-таки не потеритъ неудачи, такъ какъ обратный путь долженъ все-таки итти съ теченіемъ черезъ полюсъ къ сѣверо-атлантическому бассейну. Льда имѣется достаточно, чтобы на немъ плыть, и подобнаго рода плаваніе мы испробовали уже раньше (у восточнаго берега Гренландіи). Еслибъ экспедиція «Джаннеты» была снабжена достаточнымъ провіантомъ и еслибъ она осталась на льдинѣ, на которой она покинула найденные впоследствии предметы, то исходъ ея былъ бы, несомнѣнно, совершенно инымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

«Судно въ случаѣ напора льда не можетъ потонуть такъ быстро, чтобы не осталось времени перебраться со всеми пожитками и провіантомъ на крѣпкую ледяную глыбу, заранее выбранную на этотъ случай. Здѣсь мы разбиваемъ взя-

*) Какъ мною было впоследствии выяснено въ моемъ сообщеніи въ Лондонѣ (Geographical Journal, 1893), я предполагалъ направиться къ С. вдоль западнаго берега Ново-Сибирскихъ острововъ въ томъ предположеніи, что изливаемая Леной теплая вода должна освобождать здѣсь море ото льда.

тыя съ собою палатки, а чтобы вѣрнѣе сохранить нашъ провіантъ и другія вещи, мы не складываемъ ихъ въ одно мѣсто, но распредѣляемъ по льду и кладемъ на деревянные плоты, построенные изъ досокъ и балоковъ. Этимъ устраняется возможность потопленія провіанта въ случаѣ, если льдина подъ нами треснетъ. Извѣстно, что вълѣдствіе раскола льдины экипажъ «Ганзы», плывшій на льдахъ втеченіе болѣе полугода вдоль восточнаго берега Гренландіи, потерялъ часть своего имущества¹³⁾.

«Чтобы подобное предпріятіе удалось, необходимы двѣ вещи: *хорошая одежда* и *хорошее питаніе*, а объ этомъ мы можемъ позаботиться. Такимъ образомъ мы будемъ себя чувствовать и на нашей льдинѣ такъ же покойно, какъ на суднѣ, и будемъ въ состояніи такъ же благополучно достигнуть Гренландскаго моря. Разница будетъ состоять только въ томъ, что по прибытіи туда мы вынуждены будемъ плыть не на корабль, а на нашихъ лодкахъ, которые однако такъ же вѣрно доставятъ насъ въ ближайшую гавань.

«Поэтому я полагаю, что наибольшая вѣроятность на сторонѣ благопріятнаго исхода такого предпріятія.

«Многіе однако могутъ возразить: «Во всѣхъ теченіяхъ бываютъ противоположныя и боковыя теченія. Предположимъ случай, что вы попадете въ такое противотеченіе или, можетъ-быть, натолкнетесь на какую-нибудь неизвѣстную сушу у полюса и тамъ останетесь, что вы тогда предпримете?» На это я отвѣчу: что касается противотеченія, то мы должны же будемъ несомнѣнно когда-нибудь изъ него выбраться, такъ же вѣрно, какъ мы въ него попали, а у насъ имѣется провіантъ на 5 лѣтъ! Что же касается второй возможности, то такому случаю можно было бы только радоваться, такъ какъ нелегко найти мѣсто на земномъ шарѣ, способное представить болшій научный интересъ,—мы бы собрали въ новооткрытой странѣ всѣ наблюденія, какія оказались бы возможными. Еслибъ намъ не удалось снова попасть на корабль въ дрейфъ, а время бы между тѣмъ ушло, то намъ не оставалось бы ничего другого, какъ покинуть корабль и постараться на лодкахъ, съ необходимымъ провіантомъ добраться до ближайшаго теченія, чтобы указаннымъ ранѣе образомъ снова достигнуть дрейфа.

«Какъ долго можетъ продолжаться, однако, подобное путешествіе?»

«Быше мы видѣли, что вещамъ, принадлежавшимъ экспедиціи «Джаннети», потребовалось, самое большее, два года, чтобы проплыть по тому же самому пути до 80° широты; тамъ мы можемъ разсчитывать съ достаточною степенью вѣроятности на освобожденіе отъ льда. Это соотвѣтствовало бы передвиженію приблизительно въ 2 морскія мили въ сутки.

«Пѣтъ, поэтому, ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что мы можемъ достигнуть нашей цѣли въ теченіе *двухъ лѣтъ*; возможно даже, что судно освободится ото льда въ болѣе высокихъ широтахъ, чѣмъ какія мы здѣсь предпола-

---

13) „Ганза“ была однимъ изъ двухъ судовъ второй пѣмечкой полярной экспедиціи, плававшей въ 1869 — 70 гг. вдоль восточнаго берега Гренландіи. Судно это было раздавлено льдами, но экипажъ его спасся на большой льдинѣ, которая плыла нѣсколько мѣсяцевъ вдоль берега къ югу, покуда наконецъ ее не замѣтили съ одного промысловаго судна.

гаемъ. Разчитаннаго на пять лѣтъ провіанта будетъ поэтому, во всякомъ случаѣ, вполне достаточно.

«Но не будутъ ли *зимніе холода* въ этой области настолько велики, что пребываніе тамъ сдѣлается невозможнымъ?»

«Это невѣроятно; мы можемъ даже съ значительною долей увѣренности сказать, что на самомъ полюсѣ даже зимой не такъ холодно, какъ, напримѣръ, въ сѣверной Сибири, которая, однако, представляетъ изъ себя обитаемую страну, или въ сѣверной части западнаго берега Гренландіи, также населенной. Метеорологи вычислили, что средняя температура на полюсѣ, въ январѣ мѣсяцѣ, должна быть приблизительно на 36° Цел. ниже нуля, тогда какъ, наприм., въ Якутскѣ она составляетъ -42° Ц. въ Верхоянскѣ -48° Ц. Надо принять въ соображеніе, что полюсѣ, вѣроятно, покрытъ моремъ, которое теряетъ черезъ испареніе значительно меньше тепла, чѣмъ такія большія массы суши, какъ равнины Сѣверной Азіи. Область вокругъ полюса обладаетъ поэтому, по всей вѣроятности, океаническимъ климатомъ съ сравнительно мягкими зимами, но за то холоднымъ лѣтомъ.

«Такимъ образомъ, холодъ въ этихъ странахъ не можетъ представить собою непосредственнаго препятствія. Есть, однако, одно затрудненіе, съ которымъ приходилось бороться многимъ прежнимъ экспедиціямъ и которое нельзя оставить безъ вниманія и въ данномъ случаѣ это именно *скорбутъ*. Безспорно, что эта болѣзнь легко можетъ развиваться въ теченіе продолжительнаго пребыванія въ столь холодномъ климатѣ, при невозможности полученія свѣжей пищи. Я полагаю однако и даже въ состояніи съ увѣренностью утверждать, что разнообразныя и мощныя питательныя средства, которыми мы располагаемъ въ наше время, въ формѣ герметически задыланныхъ консервовъ и т. д., а также наше знаніе необходимыхъ для организма веществъ,—дадутъ намъ достаточную возможность отклонить отъ себя опасность скорбута. Кромѣ того, по моему мнѣнію, абсолютнаго недостатка въ свѣжей провизіи нельзя и ожидать въ полярныхъ водахъ; мы имѣемъ полное основаніе разсчитывать найти бѣлыхъ медвѣдей и тюленей на далекомъ Сѣверѣ, если не на самомъ полюсѣ. Надо еще припомнить, что море заключаетъ въ себѣ массы мелкихъ животныхъ, которыя въ случаѣ нужды также могутъ идти въ пищу.

«Отсюда видно, что какія бы трудности ни предполагать, все же онѣ не настолько значительны, чтобъ ихъ нельзя было преодолѣть при помощи заботливаго снаряженія, удачнаго выбора участниковъ и цѣлесообразнаго направленія экспедиціи, и достигнуть при этомъ хорошихъ результатовъ. Мы можемъ такъ же увѣренно разсчитывать, что достигнемъ открытаго моря между Гренландіей и Шницбергеномъ, какъ и то, что попадемъ у Ново-Сибирскихъ острововъ въ теченіе «Джаннеты».

«Но если это теченіе «Джаннеты» и не ведетъ прямо черезъ полюсъ, а напримѣръ между послѣднимъ и Землей Франца-Иосифа, какъ это предполагено было выше, что тогда предприметь экспедицію, чтобы достигнуть полюса?»

«Въ этомъ, дѣйствительно, кроется Ахиллесова пята плана. Если судно будетъ двигаться въ разстояніи большемъ одного градуса (60 мор. миль) отъ полюса, то было бы въ высшей степени неблагоприятнымъ и не безопаснымъ

оставить корабль среди теченія и пуститься въ такой далекой путь на саняхъ по неровному и въ свою очередь увлекаемому дрейфомъ, льду... Великъ даже удалось достигнуть полюса, то все-таки представлялось бы совершенно невѣроятнымъ найти опять корабль при возвращеніи. Я думаю, однако, что это имѣть мало значенія; мы отправляемся не для того, чтобы отыскать математическую точку, образующую сѣверный конецъ земной оси, — ибо достиженіе этой точки имѣетъ само по себѣ небольшое значеніе, — но чтобы произвести наблюденія въ большой невѣдомой области Земли, окружающей полюсъ, а эти наблюденія будутъ имѣть одинаково крупный научный интересъ, пройдетъ ли путь черезъ самый математическій полюсъ или въ некоторомъ разстояніи отъ него»

Въ этомъ рефератѣ я изложилъ важнѣйшія данныя, на которыхъ основывался мой планъ. Въ слѣдующіе годы я продолжалъ изучать условія, существующія въ сѣверныхъ моряхъ, и постоянно получалъ новыя доказательства въ пользу того, что мое предположеніе о существованіи дрейфа поперекъ Полярнаго моря должно быть правильнымъ. Въ сообщеніи, слѣданомъ мною 28 сентября 1892 года, въ Географическомъ Обществѣ въ Христианіи, я привелъ нѣкоторые изъ этихъ доказательствъ *).

Я обратилъ особенное вниманіе на то, что уже при сравненіи *толщины* или *мощности* плавучаго льда по обѣимъ сторонамъ полюса, должно поразить то обстоятельство, что ледъ на сибирской сторонѣ, къ С. отъ береговъ Сибири, сравнительно тонокъ (ледъ, которымъ увлекалась «Джаннета», въ среднемъ, имѣлъ неболѣе 2,2—3,1 метр. толщины), хотя эта часть моря принадлежитъ къ самымъ холоднымъ областямъ Земли, тогда какъ ледъ, приносимый на другой сторонѣ съ сѣвера, въ морѣ между Шпицбергомъ и Гренландіей, имѣетъ чрезвычайную мощность. Это, по моему мнѣнію, можетъ быть объясняемо только тѣмъ, что ледъ постоянно плыветъ отъ сибирскаго берега черезъ Полярный бассейнъ къ восточному берегу Гренландіи и Шпицбергену, и, во время этого дрейфа черезъ неизвѣстное холодное море, имѣетъ полную возможность увеличить свою толщину, частью благодаря замерзанію воды, частью путемъ снѣжанія отдѣльныхъ льдинъ вслѣдствіе ихъ взаимнаго давленія.

Въ приведенномъ извлеченіи изъ моего реферата я уже упомянулъ, что и найденный на этомъ плывущемъ лдѣ *илъ* указывасть, повидимому, на свое происхожденіе изъ Сибири. — Я не придавалъ тогда этому обстоятельству большого значенія, но при позднѣйшихъ изслѣдованіяхъ, предпринятыхъ мною во время путешествія въ Гренландію, оказалось, что этотъ илъ едва ли можетъ происходить откуда-либо, кромѣ Сибири.

Д-ръ Тёрнебомъ (Törnebohm) въ Стокгольмѣ, изслѣдовавшій минеральныя составныя части этого ила, пришелъ къ заключенію, что въ большей своей части онъ состоитъ изъ сибирскаго рѣчного ила. Въ немъ оказались частицы 20 различныхъ минераловъ. «Количество различныхъ минеральныхъ составныхъ частей, — говоритъ Тёрнебомъ, — по моему мнѣнію, указывасть, что этотъ илъ происходитъ

*) См. „Ежегодникъ“ Норвежскаго Географическаго Общества 1892 г., стр. 91 и слѣд.

съ обширной области суши, которую всего естественно искать въ Сѣверной Сибири».

Кромѣ того, иль этотъ болѣе чѣмъ наполовину состоятъ изъ перегной или болотной земли. Но интереснѣе, чѣмъ самъ иль, были найденныя въ немъ діатомей *), изслѣдованныя профессоромъ Клеве (Cleve), въ Упсалѣ, который высказался относительно ихъ слѣдующимъ образомъ:

«Діатомей эти несомнѣнно морского происхожденія (т.-е. живущія въ солёной водѣ), за исключеніемъ отдѣльных немногихъ прѣсноводныхъ формъ, занесенныхъ вѣтромъ съ суши. Содержащаяся въ этой пыли флора діатомей совершенно своеобразна и весьма различна отъ той, которую я находилъ ранѣе во многихъ тысячахъ изслѣдованныхъ мною пробъ, за исключеніемъ одной, съ которой она выказываетъ полное сходство, это именно—съ пробой, доставленной Бельманомъ (Kuetsman), который собралъ ее, во время плаванія «Веги», на одной ледяной глыбѣ у мыса Ванкаремъ, недалеко отъ Берингова пролива»¹⁴⁾.

Виды и разновидности въ обѣихъ пробахъ совершенно оди и тѣже. Клеве могъ опредѣлить 16 видовъ діатомей; всѣ они содержатся и въ иль съ мыса Ванкаремъ, и 12 изъ нихъ извѣстны только оттуда и не встрѣчаются нигдѣ болѣе. Такое удивительное сходство въ пробахъ изъ столь отдаленныхъ мѣстностей не могло не обратить на себя вниманія, и Клеве несомнѣнно правъ, говоря: «Весьма замѣчательно, что найденныя на льдинахъ флоры діатомей, близъ Берингова пролива и у восточнаго берега Гренландіи, столь вполне совпадаютъ между собою, отличаясь въ то же время отъ всѣхъ прочихъ; это указываетъ на существованіе связи между морями, находящимися къ востоку отъ Гренландіи и къ сѣверу отъ Азіи».

«Благодаря этой связи,—продолжалъ я въ моемъ сообщеніи,—ледъ ежегодно переносится черезъ неизвѣстное Полярное море. *На этомъ самомъ лѣду экспедиція должна совершить тотъ же самый путь*».

Когда я представилъ этотъ планъ, то онъ встрѣтилъ, конечно, со многихъ сторонъ возраженія, особенно въ Норвегіи. Сильно поддерживалъ его только профессоръ Монъ (Mohr), который, впрочемъ, своимъ объясненіемъ дрейфа остатковъ «Джанеты» далъ первый толчокъ къ его составленію. Но, какъ и слѣдовало ожидать, планъ этотъ встрѣчалъ и за предѣлами Норвегіи по большей части возраженія, и большинство полярныхъ путешественниковъ и авторитетовъ въ изслѣдованіи арктическихъ странъ высказались болѣе или менѣе открыто, что это—«чистое безуміе». За годъ до нашего отъѣзда, въ ноябрѣ 1892 года, я изложилъ мой проектъ Лондонскому Географическому Обществу, въ засѣданіи, на которомъ присутствовали наиболѣе видные изъ англійскихъ полярныхъ путешественниковъ.

*) Діатомей—одноклѣточные водоросли, клѣточные стѣнки которыхъ состоятъ, главнымъ образомъ, изъ кремнезема и имѣютъ весьма тонкую сѣтчатую структуру. Извѣстно болѣе 2.000 видовъ, встрѣчающихся и въ прѣсной водѣ, и въ морѣ.

14) Плаваніе „Веги“ вокругъ Азіи и Европы, предпринятое въ 1878—80 гг. Норденшельдомъ и впервые доказавшее возможность прохода морскому судну вдоль сѣверныхъ береговъ Сибири, обогатило науку многими интересными наблюденіями относительно естественной исторіи и этнографіи—въ особенности Чукотскаго берега.

Послѣ сдѣланнаго мною сообщенія начались пренія, ясно свидѣтельствовавшія, въ какомъ противорѣчьи я находился съ общепризнанными взглядами на существующія внутри Полярнаго моря условія, на плаваніе среди льдовъ и на пути и способы осуществленія полярной экспедиціи. Выдающійся изслѣдователь полярныхъ странъ *адмиралъ сэръ Леопольдъ Макъ-Клинтонъ* открылъ пренія замѣчаніемъ: «Я считаю себя вправе сказать, что это наиболѣе смѣлый планъ, о которомъ когда-либо приходилось слышать Географическому Обществу». Онъ согласился, что факты говорятъ въ пользу моихъ теорій, но онъ сильно сомнѣвался въ возможности реализаціи плана. Въ особенности велика, полагаетъ онъ, опасность быть раздавленнымъ льдомъ. Можно, конечно, построить корабль достаточно крѣпкій для того, чтобъ онъ оказывалъ сопротивленіе давленію льда во время лѣта но еслибы намъ пришлось подвергнуться ему въ зимне мѣсяцы, когда ледъ «болѣе похожъ на скалы, примерзшія къ бортамъ корабля, то,—полагаетъ онъ,—возможность быть вынертнымъ этимъ льдомъ кверху—очень сомнительна». Подобно большинству другихъ, онъ признавалъ несомнѣннымъ, что имѣть надежды снова увидѣть «Фрамъ», разъ судно предоставлено неумолимому полярному льду.

Онъ закончилъ словами: «Я желаю господину доктору скорой и полной удачи. Но для многочисленныхъ друзей его въ Англии будетъ облегченіемъ, если онъ вернется, въ особенности для тѣхъ изъ нихъ, которые знакомы по собственному опыту съ опасностями, являющимися неперемѣнными спутниками плаванія въ арктическихъ водахъ, даже въ мѣстностяхъ, лежащихъ не такъ далеко на Сѣверѣ».

Адмиралъ сэръ Джоржъ Нэрсъ выразился такъ: «Признаннымъ правиломъ для удачнаго плаванія въ областяхъ льда считается абсолютная необходимость держаться близко къ линіи берега, и чѣмъ дальше мы удаляемся отъ цивилизаціи, тѣмъ желательнѣе имѣть за собою разумный, безопасный и свободный путь для отступленія. Подлѣйшимъ устраненіемъ этого принципа является руководящая идея Хансена—вести свое судно добровольно въ массу льдинъ,—судно, на которомъ должна быть сосредоточена вся надежда экспедиціи, если плаваніе имѣть въ виду сколько-нибудь счастливый исходъ. Такимъ образомъ, руководитель экспедиціи, вмѣсто того чтобъ управлять движеніями судна, будетъ вынужденъ безпомощно посылаться съ нимъ по произволу естественнаго движенія льда, въ который оно будетъ заключено. Если даже признать, что теченія дѣйствительно таковы, какъ думаетъ Хансенъ, то все-таки время, потребное для дрейфа вмѣстѣ со льдомъ черезъ полярную область, займетъ много лѣтъ. Въ продолженіи этого времени ледъ вокругъ судна, конечно, никогда не будетъ въ покоѣ, если даже оно и встрѣтитъ на пути неизвѣстные острова, и само судно никогда не будетъ застраховано отъ опасности быть раздавленнымъ напоромъ льда. Чтобъ избѣжать такой участи, судно, какъ это утверждаютъ, должно имѣть необыкновенную крѣпость и такую форму, которая бы позволяла ему легко подниматься, въ случаѣ давленія льда на его бока. Мысль эта во всякомъ случаѣ не новая. Но разъ судно вмерзло въ полярный ледъ, форма его не имѣетъ никакого значенія. Оно неподвижно заключено въ окружающую его ледяную глыбу и составляетъ нераздѣльную ея часть.

«Форма судна въ практическомъ отношеніи совершенно та же, какъ форма ледяной глыбы, въ которую оно вмержло. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе; не извѣстно данныхъ, чтобы судно, вмержшее въ плавучій ледъ, могло бы когда-нибудь, даже лѣтомъ, освободиться отъ него и получить возможность самостоятельныхъ движеній при напорѣ льда, независимо отъ окружающей его ледяной глыбы». Что же касается до предполагаемаго дрейфа полярнаго льда, то Нэрсъ заявилъ, что въ основѣ онъ не можетъ со мной согласиться. Онъ настаивалъ на томъ, что дрейфъ существенно опредѣляется преобладающими вѣтрами, и говорилъ:

«По отношенію къ вѣроятному направленію дрейфа, «Фрамъ» можетъ ожидать, что если онъ выйдетъ изъ какого-нибудь пункта въблизи устья Лены, то его встрѣтитъ главная масса льда не далѣе, чѣмъ подъ $76^{\circ} 30'$. Я сомнѣваюсь, чтобы Хансену удалось проникнуть далѣе къ сѣверу прежде, нежели онъ будетъ скованъ льдомъ; но если даже допустить, что онъ подвинется еще на 60 морскихъ миль, то все-таки онъ будетъ находиться только на широтѣ мыса Челюскина, на разстояніи 730 (морскихъ) миль отъ полюса и приблизительно въ 600 миляхъ отъ границы, которую я принимаю для фактически существующаго теченія, должнствующаго содѣйствовать его возвращенію. (Полярное теченіе, спускающееся вдоль восточнаго берега Гренландіи).

«Послѣ всесторонняго изученія всѣхъ упомянутыхъ отчетовъ я полагаю, что вѣтры понесутъ судно скорѣе къ востоку, чѣмъ къ западу. Въ морѣ, наполненномъ льдомъ на сѣверѣ и имѣющемъ свободный проходъ или недавно образовавшійся ледъ на югѣ, шансы сѣвернаго дрейфа, по крайнѣ мѣрѣ вначалѣ, незначительны, а если это такъ, то я не вижу никакихъ естественныхъ силъ, которыя бы въ опредѣленный періодъ времени могли отнестъ судно значительно далѣе отъ сибирскихъ береговъ, чѣмъ была унесена «Джаннета». Все это время судно будетъ неподвижно заключено въ ледъ и подвержено всѣмъ связаннымъ съ послѣднимъ опасностямъ, развѣ только оно не окажется защищеннымъ вновь открытыми участками суши. Но нѣтъ сомнѣнія, что поперекъ области, предположенной къ изслѣдованію, существуетъ сообщеніе моремъ».

Въ одно изъ пунктовъ Нэрсъ, однако, согласился со мной, именно въ утвержденіи, что «главною задачей всѣхъ подобныхъ экспедицій является изслѣдованіе неизвѣстныхъ полярныхъ странъ, а не достиженіе непременно математической точки, совпадающей съ сѣвернымъ концомъ земной оси» *).

Сэръ Алленъ Юнгъ (Allen Young) сказалъ между прочимъ: «Д-ръ Хансенъ полагаетъ, что бѣлое пятно вокругъ полюса есть бассейнъ наполненный водой или льдомъ; по моему же мнѣнію, наибольшую опасность, съ которой пришлось бы считаться, почти въ любомъ направленіи отъ полюса, представила бы суша. Большинство прежнихъ путешественниковъ, по мѣрѣ проникновенія къ сѣверу, встрѣчались, повидимому, все больше и больше съ сушею. Предметы съ «Джаннетты» могли быть принесены черезъ узкіе каналы и, такимъ образомъ, попасть нако-

*) Послѣ нашего возвращенія адмиралъ Нэрсъ со свойственной ему рыцарской чертой поздравилъ меня въ письмѣ и высказалъ, что достопамятное плаваніе „Фрама“ черезъ Полярное море доказываетъ вѣрность моей теоріи и неосновательность его сомнѣній.

непъ къ мѣсту ихъ нахожденія, и я полагаю, что было бы весьма опаснымъ для судна плыть по такому пути, гдѣ оно можетъ натолкнуться на сушу и быть задержаннымъ на много лѣтъ».

Насчетъ формы судна Олсенъ Юнгъ выразился, что она «не имѣетъ большого значенія», такъ какъ, если судно подвергнется серьезному напору со стороны льда, вопросъ заключается въ томъ, существуетъ ли какое-нибудь волненіе или движеніе во льду, которымъ могло бы быть поднято судно. Если волненія не будетъ, то судно будетъ раздавлено, изъ какого бы матеріала оно ни было построено».

Нѣкоторые авторитеты высказались, однако, *въ пользу* моего плана. Это были: путешественникъ въ полярныя страны, адмиралъ сэръ Э. Инглфильдъ, и начальникъ англійскаго Гидрографическаго Бюро, капитанъ Уортонъ (Warton).

Въ письмѣ въ Географическое Общество адмиралъ сэръ Джозефъ Ричардсъ высказался такъ по поводу моего сообщенія: «Я сожалею, что принужденъ отнестись отрицательно къ плану; но я думаю, что всякій, кто можетъ выступить съ извѣстнымъ авторитетомъ, долженъ откровенно высказать свое мнѣніе, когда предполагается рисковать столь многимъ».

Относительно теченія онъ писалъ между прочимъ: «Мнѣ представляется, что съ сѣвера происходитъ постоянное истеченіе (я предпочитаю это выраженіе слову «теченіе»), вслѣдствіе вытѣсненія въ полярной области воды покрывающей ее ледяною мантіей, которая, вслѣдствіе громаднаго обремененія ея скопляющимися на ней массами снѣга, постепенно возрастаетъ въ своей мощности».

Это истеченіе, по его мнѣнію, происходитъ во все стороны изъ полярнаго бассейна; но всего интенсивнѣе должно оно быть въ мѣстности между западнымъ концомъ острововъ Парри и Шницбергеномъ, и съ этимъ истеченіемъ приплюсь, будто бы, борются всѣмъ предшествовавшимъ экспедиціямъ.

Ричардсъ, повидимому, не дѣлалъ исключенія даже для «Теттеттофа» и «Джаннеты» и не могъ «найти никакого основанія для предположенія, что отъ Ново-Сибирскихъ острововъ идетъ на сѣверъ теченіе черезъ полюсъ, какъ въ это вѣрять д-ръ Нансенъ». Онъ продолжалъ:

«По моему мнѣнію, если экспедиція дѣйствительно проникнетъ за ту границу, которую можно назвать внутреннимъ кругомъ, скажемъ, примѣрно, подъ 78° сѣв. шир., и если тамъ и существуетъ какое-нибудь незначительное теченіе, то оно не будетъ имѣть никакого вліянія на судно среди толстаго сплошнаго льда, котораго тамъ надо ожидать. Только когда судно выйдетъ изъ этого круга въ открытые широкіе каналы, гдѣ ледъ уже не будетъ сплошнымъ, оно можетъ испытать вліяніе теченія, и здѣсь ледъ осенью будетъ, конечно, болѣе тонкимъ и рыхлымъ, а слѣдовательно и менѣе опаснымъ для судна. Изъ внутренняго круга проникаетъ, вѣроятно, наружу немного льда; онъ дѣлается тамъ изъ года въ годъ старше, пріобрѣтаетъ все большую мощность и, по всей вѣроятности, совершенно не допускаетъ движенія судна. Это тотъ ледъ, который, послѣ зимовки Нэрса у сѣвернаго конца пролива Смита, былъ замѣченъ плывшимъ приблизительно подъ 82° 30' сѣв. шир., или съ которымъ Маркгамъ боролся во время своей поѣздки на саняхъ и которому не можетъ противостоять никакая человѣческая сила».

Находки вещей, принадлежащих экспедиции «Джаншеты», онъ вовсе не придавалъ существеннаго значенія.

«Если ихъ и дѣйствительно нашли въ Гренландіи,—писалъ Ричардъ,—то онѣ могли приплыть туда на какой-нибудь льдинѣ изъ окрестностей пролива Смита и принадлежать одной изъ американскихъ экспедицій, послывавшихся для спасенія Грили». Можно также предположить,—по его мнѣнію,—что документы Де-Лонга, какъ и другіе предметы съ «Джаншеты», были взяты съ собою подобною американскою экспедиціей. Однако онъ нигдѣ не высказался опредѣленно, что существуютъ какія-нибудь указанія въ пользу того, что это могло быть такъ.

Въ подобномъ же письмѣ въ Географическое Общество знаменитый ботаникъ сэръ *Джозефъ Гукеръ* высказывалъ слѣдующія соображенія:

«Планъ д-ра Нансена существенно различается отъ всѣхъ проектовъ, получившихъ до сихъ поръ практическое осуществленіе въ цѣляхъ открытія въ полярныхъ странахъ и заслуживаетъ подробной оцѣнки, какъ по этой причинѣ, такъ и потому, что онъ сопряженъ съ большими опасностями. На основаніи моего трехлѣтняго опыта въ антарктическихъ странахъ, я не думаю, чтобы судно, какъ бы оно ни было построено, могло надолго противостоять гибели, разъ оно предоставлено движеніямъ льда въ полярной области. Судно, построенное такъ прочно, какъ «Фрамъ», будетъ въ состояніи, несомнѣнно, оказывать сопротивленіе значительному давленію со стороны свободныхъ льдовъ,—но отнюдь не напору, особенно послѣдовательнымъ напорамъ, а тѣмъ болѣе толчкамъ сплошнаго льда, если судно вмѣстѣ съ нимъ, или чрезъ посредство его будетъ нанесено на сушу. Форма «Фрама» можетъ быть полезна до тѣхъ поръ, пока судно имѣетъ вертикальное положеніе и лежитъ во льду на небольшой высотѣ надъ уровнемъ воды; но если «Фраму» придется попасть между льдиной и ледяною горой или испытать давленіе по направленію длины судна, то его форма не будетъ имѣть ни малѣйшаго значенія».

Гукеръ полагаетъ, что, въ случаѣ если «Фрамъ» будетъ занесенъ къ берегу Гренландіи или къ американскимъ полярнымъ островамъ и если даже окажется возможною высадка на сушу, то все-таки спасеніе невѣроятно «для ослабленнаго и, по всей вѣроятности, уменьшившагося числомъ экипажа на безпріютномъ, покрытомъ льдомъ, берегу или на гористыхъ ледяныхъ массахъ палеокристическаго (т.-е. сплошь наполненнаго льдомъ) моря».

«Наконецъ, если даже оставить въ сторонѣ возможность скорбута, противъ котораго не имѣется никакого вѣрнаго средства, принято ли въ надлежащей степени во вниманіе то угнетающее вліяніе, которое должно оказать на духъ экипажа продолжительное заключеніе на тѣсномъ пространствѣ въ періодъ полярной ночи, крайній холодъ, бездѣйствіе, скука, постоянная опасность и непрестанное гложущее чувство неизвѣстности относительно будущаго? Побочныя обязанности и занятія не въ состояніи отвратить дѣйствіе этихъ условій; они едва ли смягчаютъ его, скорѣе, какъ извѣстно, обостряютъ. Я не считаю невозможнымъ достиженіе цѣли Нансена съ имѣющимися въ его распоряженіи средствами, но я нахожу, что удачный исходъ такого предпріятія не можетъ служить оправданіемъ тому, что для достиженія этой цѣли подвергается риску драгоцѣнная жизнь людей».

Генераль *Грили* въ Америкѣ, начальникъ извѣстной несчастной экспедиціи (1881—84), написалъ статью въ американской газетѣ «*The Forum*» (августъ 1871), гдѣ онъ, между прочимъ, высказывается въ такихъ словахъ:

«Мнѣ представляется почти невѣроятнымъ, чтобы планъ, начертанный д-ромъ *Нансеномъ*, могъ встрѣтить одобреніе, а тѣмъ болѣе поддержку. По моему, этотъ планъ основывается на совершенно ложныхъ представленіяхъ о физическихъ условіяхъ полярныхъ странъ, и, въ случаѣ попытки къ его осуществленію, обѣщаетъ только безполезные результаты, не говоря уже о томъ, что участникамъ его предстоятъ лишенія и смерть.

«Насколько я знаю, д-ръ *Нансенъ* не обладаетъ опытностью въ арктическихъ изслѣдованіяхъ; его переходъ черезъ Гренландію, какими бы онъ ни сопровождался трудностями, представляетъ изъ себя не большее полярное предпріятіе (*polar work*), чѣмъ, наприм., восхожденіе на горы св. *Ильи* ¹⁵⁾. Сомнительно, чтобы гидрографы стали обсуждать серьезно его теорію полярныхъ теченій, или чтобы какой нибудь арктической путешественникъ кривилъ къ выставленному имъ проекту.

«Существуетъ, можетъ-быть, около дюжины лицъ, арктическая опытность которыхъ настолько велика, что фактическая поддержка съ ихъ стороны подобнаго плана, даже еслибъ она исходила отъ почтеннаго меньшинства изъ ихъ среды, могла бы вызвать вниманіе и довѣріе къ проекту. Таковы—адмираль *Макъ-Клинтокъ*, *Ричардсъ*, *Коллинсонъ* и *Нэрсъ*, также капитанъ *Маркисъ* въ англійскомъ флотѣ, сэръ *Олленъ Юнгъ* и *Лейфъ Смитъ* въ Англии, *Кольдвей* въ Германіи, *Пайеръ* въ Австріи, *Норденшюльдъ* въ Швеціи и *Мелльвилль* въ нашей собственной странѣ (т.-е. Соединенныхъ Штатахъ). Я безъ всякаго колебанія утверждаю, что не найдется и двухъ изъ указанныхъ лицъ, которыя бы впримѣи въ осуществимостъ первой идеи *Нансена*: построить судно, которое было бы въ состояніи ухититься среди тяжелаго арктическаго льда, куда онъ намѣревается ввести свое судно, или гдѣ онъ надѣется плыть.

«Вторая мысль *Нансена* еще смѣлѣе,—она предполагаетъ существованіе дрейфа на протяженіи болѣе 2.000 морскихъ миль по прямой линіи черезъ неизвѣстную область, и во время этого дрейфа, продолжающагося навѣрное два или болѣе лѣтъ, экспедиція намѣрена, повидимому, обойтись только съ лодками и жить на ледяной глыбѣ все время, пока послѣдняя будетъ нестись».

Затѣмъ генераль *Грили* переходитъ къ доказательству невѣрности предположеній, на которыхъ былъ основанъ мой планъ. Относительно находки вещей, принадлежавшихъ «*Джаннетъ*», онъ прямо высказывается, что онъ этому не вѣритъ.

«Вѣроятно, были найдены кой-какіе занесенные моремъ предметы, но разумнѣе предполагать, что они происходятъ съ «*Протея*», погибшаго въ проливѣ *Смита*, приблизительно въ 1.000 морскихъ миляхъ къ сѣверу отъ *Юліанегаба*...

¹⁵⁾ Гора св. *Ильи* (*St. Elias*) находится въ Сѣв. Америкѣ, въ Аляскѣ, близъ границы съ Британскими владѣніями и недалеко отъ берега Тихаго Океана, подъ 60° 20' 45" с. ш. и 144° 20' зап. д. отъ *Гринъ*; она имѣетъ 5491 м. высоты.

«Кромѣ того, важно обратить вниманіе на то обстоятельство, что еслибы эти предметы проиходили дѣйствительно съ «Джаннеты», то ближайшій путь черезъ полюсъ былъ бы не вдоль восточнаго берега Гренландіи, а внизъ по каналу Кеннеди, черезъ проливъ Смита и Баффиновъ заливъ, т.-е. тотъ же путь, который пришлось бы принять при предположеніи, что эти предметы составляютъ остатки «Протея».

Къ самому полюсу,—по словамъ Грили,—намъ во всякомъ случаѣ нельзя бы было приблизиться, такъ какъ «мы знаемъ почти такъ же вѣрно, какъ будто бы видѣли собственными глазами, что въ этихъ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ находится обширная суша, являющаяся колыбелью плосковершинныхъ ледяныхъ горъ или наэвокретического льда». На этой покрытой глетчерами сушѣ, имѣющей, по его мнѣнію, болѣе 300 мор. миль въ поперечникъ и посылающей ледяныя горы какъ къ Гренландіи, такъ и къ Землѣ Франца-Иосифа *), долженъ лежать и самый полюсъ.

«Что же касается до непобѣдимаго судна,—говоритъ Грили,—то оно, конечно, представляетъ для д-ра Пансена въ высшей степени желательную вещь». По его мнѣнію, однако, такое судно невозможно построить. «Д-ръ Пансенъ, по-видимому, полагаетъ, что вопросъ о приданіи судну такой формы, чтобы оно могло оказывать наибольшее сопротивленіе давленію льда, не получилъ еще окончательнаго и удовлетворительнаго рѣшенія, хотя Обществами китоловства и тюленьяго промысла въ Шотландіи и на Ньюфундлендѣ затрачены сотни тысячъ долларовъ съ этою цѣлю».

Въ качествѣ авторитета, онъ цитируетъ Мельвила и говоритъ: «Всякій обладающій опытностью арктическій путешественникъ согласится съ мнѣніемъ Мельвила, что если даже судно будетъ выстроено исключительно изъ дерева, оно не въ состояніи выдержать давленіе тяжелаго полярнаго льда». Въ отвѣтъ на мое утвержденіе, что ледъ вдоль Сибирскаго берега сравнительно тонокъ (2—3 метра), онъ цитируетъ снова Мельвила, который сообщаетъ о льдѣ, достигающемъ 16 метровъ высоты и т. п. (чего мы не видали въ продолженіи всего нашего путешествія).

Установивъ затѣмъ, на основаніи еще многихъ другихъ рѣшительныхъ доказательствъ, что «Фрамъ» необходимо долженъ погибнуть, коль скоро онъ подвергнется нанору льда, Грили переходитъ къ обсужденію невозможности плыть съ дрейфомъ на лодкахъ среди льда. Онъ заканчиваетъ свою статью замѣчаніемъ: «Арктическія путешествія представляютъ въ своихъ законныхъ и признапныхъ методахъ уже достаточно примѣровъ безразсудной смѣлости и опасностей, чтобы еще взваливать на нихъ отвѣтственность за *нелогичный и самоубійственный планъ* д-ра Пансена».

Судя по одной статьѣ, написанной Грили послѣ нашего возвращенія, въ номерѣ «Harper's Weekly» отъ 19 сентября, онъ, по-видимому, пришелъ къ заключенію, что предметы «Джаннеты» подлинны и что мое предположеніе объ ихъ

---

*) Въ виду утвержденія Грили, что Лейфъ Смитъ видѣлъ такія горы на сѣверо-западномъ берегу Земли Франца-Иосифа, можно замѣтить, что туда еще изъ людей никто не проникалъ.

дрейфъ вѣрно, причѣмъ онъ называетъ «Мельвилля, Доля (Dall) и другихъ лицъ», которыя въ него не вѣрили. Онъ соглашается также, что планъ мой былъ осуществленъ въ противность его убѣжденіямъ.

На этотъ разъ онъ заканчиваетъ свою статью слѣдующими замѣчаніями:

«Сопоставляя экспедиціи Де-Лонга и д-ра Хансена, необходимо указать на единственное пятно, *омрачающее* во всѣхъ другихъ отношеніяхъ блестящую карьеру Хансена, именно на то, что онъ добровольно покинулъ своихъ товарищей на затертомъ среди льда суднѣ, въ разстояніи сотенъ миль отъ всякой извѣстной суши, и сдѣлалъ это не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы возвратиться, а чтобы, какъ онъ самъ говоритъ, «идти за 600 англійскихъ миль къ Шницбергену, гдѣ онъ былъ увѣренъ встрѣтить корабль». Де-Лонгъ и Эмдеръ обладали настолько развитымъ *чувствомъ чести*, что скорѣе готовы были жертвовать своею жизнью, чѣмъ разлучиться съ умирающимъ человекомъ, котораго своимъ присутствіемъ они все равно не могли бы спасти. Уклоненіе Хансена отъ исполненія священнѣйшей обязанности, лежащей на начальникѣ морской экспедиціи, превышаетъ пониманіе всякаго. Счастливое возвращеніе мужественнаго капитана Свердрупа вмѣстѣ съ «Фрамомъ» не оправдываетъ Хансена. Вѣрность, мужество и добросовѣтность Свердрупа, оставшагося на «Фрамѣ» и доставившаго своихъ товарищей обратно въ Норвегію, увѣчаютъ его въ глазахъ многихъ болѣе славными лаврами, чѣмъ какія выпадаютъ на долю его предприимчивому и высокоодаренному начальнику».

Одинъ изъ немногихъ научныхъ авторитетовъ, высказавшихъ открыто свое одобреніе плану, былъ профессоръ Зунанъ, извѣстный редакторъ «*Petermanns Mitteilungen*». Въ одной статьѣ этого журнала за 1891 годъ (стр. 191) онъ не только высказался въ теплыхъ выраженіяхъ въ пользу моего плана, но и поддержалъ его съ новой точки зрѣнія. Именно, онъ пояснилъ, какъ, въ продолженіи большей части года полярный бассейнъ долженъ подраздѣляться арктическимъ вѣтрораздѣломъ на двѣ части. Въ восточной части вѣтры, по всей вѣроятности, дуютъ къ Беринговому морю, а въ западной къ Атлантическому океану. Большую часть года этотъ вѣтрораздѣлъ, по его мнѣнію, долженъ лежать ближе къ Берингову морю, и преобладающіе вѣтры—въ мѣстностяхъ, черезъ которыя мы намѣрены были идти,—должны, въ силу этого, благопріятствовать нашему дрейфу. Опытъ нашей экспедиціи, повидимому, въ поразительной степени доказать вѣрность этой теоріи Зунана.

Нужно еще упомянуть, что извѣстный шотландскій естествоиспытатель д-ръ Джонъ Меррей (J. Murray) неоднократно высказывался за правильность моего плана. Уже въ 1888 году, когда я, на пути въ Гренландію, въ Эдинбургѣ говорилъ съ нимъ объ этомъ, онъ заявилъ, что согласенъ съ моими взглядами на вѣроятный дрейфъ полярнаго льда.

Вышнній президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, сэръ К. Маркгамъ (Sir Clements Markham), не присутствовавшій на указанномъ засѣданіи, впоследствии открыто высказалъ увѣренность въ благополучномъ исходѣ экспедиціи. Интересно, что этотъ выдающійся арктическій изслѣдователь уже 20 лѣтъ тому назадъ, въ своемъ сообщеніи о результатахъ полярной экспедиціи Пэреа, пришелъ къ такимъ выводамъ. Во-первыхъ, что черезъ полярное «море должно идти теченіе изъ восточ-

наго полушарія въ западное»; во-вторыхъ, что «Земля Франца-Иосифа, вѣроятно, составляетъ часть группы Шницбергена и поднимается изъ того же мелкаго моря съ болѣе глубокимъ бассейномъ къ сѣверу»; въ-третьихъ, что, если попытка проникнуть черезъ границу неизвѣстнаго полярнаго моря, къ сѣверу отъ Сибири, и сопряжена съ «ужасными трудностями», тѣмъ не менѣе, «важныя открытія вознаграждать будущаго путешественника, который смѣло и счастливо проникнетъ по этому направленію къ сѣверу» *).

Электронный архив библиотеки имени А.А. Кулешова

*) Report on the Expedition of 1875—76 (Лондонъ 1877 г.) стр. 547, 553, 557. Обстоятельство, что я не указалъ на эти замѣчательныя положенія въ упомянутыхъ докладахъ до моего отъѣзда, объясняется тѣмъ, что я только послѣ своего возвращенія получилъ на нихъ указаніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Приготовленія.

Песмотря на кажущуюся безразсудную смѣлость плана, послѣдній встрѣтилъ сильную поддержку у норвежскаго правительства и короля. Въ стортингъ было внесено королевское предложеніе ассигновать для выполненія плана 200.000 кронъ (около 100.000 руб.), что по разсчету составляло двѣ трети всѣхъ расходовъ. Послѣднюю треть я разсчитывалъ добыть частнымъ путемъ, такъ какъ со многихъ сторонъ мнѣ обѣщана была поддержка. Уже послѣ моего возвращенія изъ Гренландіи консуль Аксель Гейбергъ (Axel Heiberg) предоставилъ въ мое распоряженіе 10.000 кронъ на новое путешествіе. Ему же я обязанъ инициативой и относительно послѣдующихъ сборовъ.

30 іюня 1890 года былъ разрѣшенъ стортингомъ отпустить суммы, о которой я ходатайствовалъ, причемъ было высказано желаніе, чтобы экспедиція была *норвежской*. Въ январѣ 1891 года крупный коммерсантъ *Томасъ Фернлей* (Th. Fearnley), консуль *Аксель Гейбергъ* (Axel Heiberg) и владѣлецъ пивовареннаго завода *Эллефъ Риннесъ* (Ellef Ringnes) принялись собирать недостающую сумму, и въ нѣсколько дней она была покрыта.

Е. В. король Оскаръ пожертвовалъ . . . . . 20.000 кронъ.

Приватнымъ путемъ въ Норвегіи внесли:

Консуль Аксель Гейбергъ	10.000	»
(позднѣйшій взносъ . . . . .)	7.000	»)
Anton Chr. Houen	20.000	»
C. J. A. Dick	5.000	»
(позднѣйшій взносъ . . . . .)	7.000	»)
Thomas Fearnley	5.000	»
(позднѣйшій взносъ . . . . .)	1.000	»)
Ringnes & C ^o	5.000	»
(позднѣйшій взносъ . . . . .)	1.000	»)
A. S. Kjøsternd, Драмменъ	5.000	»
(позднѣйшій взносъ . . . . .)	1.000	»)
C. Sundt, Бергенъ	5.000	»
Консуль Westye Egeberg	10.000	»
Halvor Schou	5.000	»

Баронъ Harald Wedel Jarlsberg и государственный министр К. Lövenskiöld	10.000 кронъ.
Консуль Nicolay H. Knudtzon, Христианзундъ	5.000 »

Въ числѣ взносовъ изъ-за границы слѣдуетъ упомянуть о пожертвованіи Лондонскаго Королевскаго Географическаго Общества, которое суммою въ 300 фун. стер. (около 3.000 р.) выразило свое сочувствіе предпріятію.

Баронъ Оскаръ Диксонъ (Oskar Dickson) принялъ на себя расходы по устройству электрическаго освѣщенія (динамо-машины, аккумуляторы, проводники).

Во время снаряженія оказалось, что первая смета недостаточна. Судно, которое по расчету должно было стоить 150.000 кронъ, стало въ концѣ концовъ на 100.000 кронъ дороже. Тѣмъ не менѣе, я полагаю, что въ дѣлѣ, гдѣ столь многое ставилось на карту, нельзя было стѣбняться расходами, если приходилось убѣдиться, что принятіемъ особенныхъ мѣръ можетъ быть обезпечена удача предпріятія. Три лица, стоявшихъ во главѣ перваго комитета, согласились также функционировать и въ комитетѣ экспедиціи, и приняли на себя денежные дѣла послѣдней. Чтобы покрыть часть упомянутаго дефицита, они устроили вмѣстѣ съ нѣкоторыми членами дирекціи и совѣтомъ Норвежскаго Географическаго Общества новый сборъ по всей Норвегіи, а впоследствии стали во главѣ національной подписки. Затѣмъ я вынужденъ былъ ходатайствовать передъ норвежскимъ стортингомъ еще о 80.000 кронъ, и снова наше національное собраніе выразило симпатію предпріятію, разрѣшивъ мнѣ 9 июня 1893 года выдачу и этой суммы. Наконецъ, консуль Аксель Гейбергъ и г. Дикъ, каждый взносомъ въ 6.000 кронъ, а также и я самъ, покрыли послѣдній дефицитъ, который обнаружился при самомъ отъѣздѣ. (Смотри прилагаемый расчетъ).

Изъ изложеннаго мною выше плана слѣдуетъ, что наиболѣе важнымъ пунктомъ въ нашемъ снаряженіи была *постройка судна*, которое должно было перенести насъ черезъ ужасныя полярныя страны. И дѣйствительно, постройка эта была выполнена съ большимъ стараніемъ, чѣмъ какого-либо другого судна, посѣщавшаго арктическія воды. Въ извѣстномъ норвежскомъ корабельномъ мастерѣ *Колинѣ Арчерѣ* (Colin Archer) я нашелъ человѣка, который вполнѣ понималъ поставленную мною ему задачу и посвятилъ этой работѣ всю свою дѣятельность, предусмотрительность и рѣдкую заботливость. Если наше путешествіе имѣло счастливый исходъ, то этимъ мы не мало обязаны этому человѣку.

Просматривая длинный рядъ прежнихъ экспедицій и ихъ снаряженіе, нельзя не убѣдиться, что только немногія изъ нихъ строили для своихъ цѣлей собственныя, спеціально приспособленныя суда; мало того, большинство не имѣло даже вовсе въ своемъ распоряженіи судовъ, которыя бы предназначались первоначально для плаванія во льдахъ. Это должно въ особенности поражать, если вспомнить, какія суммы затрачивались на снаряженіе нѣкоторыхъ изъ этихъ экспедицій. Главная причина тому, несомнѣнно, спѣшка; путешественники стремились какъ можно скорѣе тронуться въ путь, такъ что не доставало времени для заботливаго снаряженія. Зачастую принимались за дѣло всего за два-три мѣсяца до отъѣзда. Понятно, что въ такое короткое время наша экспедиція не могла снарядиться. Если, какъ было предположено, она должна была продолжиться три года,

Расчетъ экспедиціи при отъздѣ въ 1893 году.

П Р и х о д ъ .		Р а с х о д ъ .	
Государственная субсидія	Кр. 280.000 —	Счетъ жалованья	Кр. 46.440 —
Взносы отъ Е. В. Короля и первоначаль- ные частныя	» 405.000 —	Премія за страхованіе жизни (для жена- тыхъ участниковъ)	» 5.361 90
Сборъ Географическаго Общества и Ко- митета	» 20.468 46	Счетъ инструментовъ	» 12.978 68
Проценты	» 9.729 78	» судна	» 271.927 08
Недочетъ, покрытый А. Гейбергомъ, Ди- комъ и Ф. Нансеномъ	» 19.862 50	» провіанта	» 39.172 98
Лондонское Географическое Общество . . . . . (300 ф. ст.)		» убытковъ	» 10.612 38
Г. Спэнгопъ, Манчестеръ . . . (100 ф. ст.)		» издержанія	» 57.846 34
Одинъ норвежскій въ Ригѣ . (1.000 руб.) и многіе другіе	» 9.278 62		
	<hr/> Сумма: Кр. 444.339 36		<hr/> Сумма: Кр. 444.339 36

Электронный архив библиотеки имени А.А. Кулешова

то приготовленія къ ней потребовали не меньшаго времени, а самъ планъ былъ задуманъ за время въ три раза большее.

Проектъ за проектомъ представлялъ Археръ, и модель за моделью изготовлялась и отвергалась. Все требовались новыя улучшения. Форма, въ пользу которой мы, наконецъ, рѣшились, быть-можетъ, по мнѣнію многихъ, некрасива, но что она пригодна и цѣлесообразна, это, я полагаю, доказало наше плаваніе. Особенно стремились мы къ тому, чтобы придать судну, какъ выше объяснено, такую конструкцию, при которой во время напора льда оно легко могло быть приподнято къверху, не подвергаясь риску быть раздавленнымъ ледяными глыбами.

Рис. 1. Колинъ Археръ, строитель „Фрама“.

Грили, Нерсъ и другіе, несомнѣнно, правы, говоря, что эта идея не представляетъ ничего новаго. Я основывался въ этомъ на печальномъ опытѣ прежнихъ экспедицій. Что можно было бы назвать новымъ, такъ это, можетъ быть, обстоятельство, что мы не только *знали*, что судно должно обладать такой формой, но и *фактически придали* ему эту форму и необходимую крѣпость для сопротивленія напору льда, и что это была единственная господствующая идея, которая руководила нами при постройкѣ. Колинъ Археръ правъ, выражаясь въ одной изъ своихъ статей въ норвежскомъ «Журналѣ мореходнаго дѣла» (1892 г.) такимъ образомъ:

«Если принять во вниманіе главную идею, положенную въ основаніе плана полярнаго путешествія д-ра Нансена,... то легко

убѣдиться, что судно, построенное исключительно въ виду этой цѣли, должно существенно отличаться отъ другихъ, построенныхъ до сихъ поръ судовъ... Въ вопросѣ о конструкціи этого судна нужно принять во вниманіе, во-первыхъ, чтобы форма корпуса представляла, насколько возможно, менѣе уязвимую поверхность для напора льда, и, во-вторыхъ, судно должно быть построено такъ солидно, чтобы оно было въ состояніи оказывать сопротивленіе наибольшему, возможному въ любомъ направленіи, давленію извнѣ».

Такъ и было построено судно, менѣе рассчитанное на скорость и пригодность къ плаванію подъ парусами, чѣмъ на то, чтобы давать безопасное и теплое убѣжище во время дрейфа среди льда.

Какъ выше упомянуто, предполагалась придать судну возможно меньшіе размѣры. Основаніемъ этому было соображеніе, что небольшое судно, какъ само собой понятно, легче крупнаго, и ему скорѣе можно придать большую крѣпость въ сравненіи съ его вѣсомъ. Маленькое судно болѣе удобно для плаванія среди льда; имъ въ критическіе моменты легче маневрировать и провести его въ безопасную гавань среди промоздязящихся одна на другую ледяныхъ глыбъ. Я предполагалъ, что судно въ 170 регистровыхъ тоннъ будетъ имѣть достаточную вмѣстимость. Но «Фрамъ» получилъ значительно большіе размѣры: онъ имѣлъ брутто 402 регистровыхъ тонны и вмѣстимость нетто въ 307 тоннъ¹⁶⁾. Были также приложены старанія сдѣлать судно покороче, чтобы ему было легче пробираться между льдинами; большая длина, кромѣ того, является недостаткомъ при папорѣ льдовъ. Но чтобы судно, имѣющее въ то же время сильно выдающиеся бока, сохранило необходимую вмѣстимость, оно должно имѣть большую ширину, и дѣйствительно ширина у него составляла приблизительно третью длины.

Преслѣдовалось, сверхъ того, еще одно важное условіе, именно, чтобы сдѣлать бока судна по возможности гладкими, безъ выдающихся граней, а также была сдѣлана попытка избѣгать неизогнутыхъ поверхностей по близости отъ мѣстъ, наиболѣе подвергающихся опасности. Корпусъ корабля получилъ поэтому округленныя, полныя формы; носъ, корма и киль, все было закруглено, чтобы ледъ нигдѣ не могъ найти достаточно удобнаго мѣста для нападенія. Съ этой же цѣлью киль былъ настолько вѣзанъ въ корпусъ судна, что выдавался наружу лишь на 7 сантиметровъ, причемъ края его были закруглены. Цѣль заключалась въ томъ, чтобы судно, будучи гладкимъ, какъ угорь, выскальзывало изъ объѣтій льда.

Корпусъ получилъ спереди и сзади по острому штевню и именовалъ по своей формѣ лоцманскую лодку, у которой отняты киль и острые шпунтовые пояса. Обоимъ концамъ была придана особенная крѣпость. *Носъ* сдѣланъ изъ трехъ тяжелыхъ, крѣпкихъ, дубовыхъ балокъ, расположенныхъ одна подъ другою съ совокушной толщиной въ 1,25 м.; внутрь отъ нихъ идутъ солидные угольные шпангоуты изъ дубоваго дерева и желѣза, имѣющіе своимъ назначеніемъ соединять бока судна, а отъ нихъ идутъ въ свою очередь кницы къ бимсамъ палубы¹⁷⁾. Кнаружи отъ носа, на передней его сторонѣ, прикрѣпленъ желѣзный штевень, на наружной сторонѣ котораго находятся желѣзныя шипы, направляющіяся поперекъ носа и на каждой сторонѣ немного назадъ, какъ это обычно на промысловыхъ судахъ. *Задняя часть* судна получила особую, своеобразную конетруцію, такъ какъ по обѣимъ сторонамъ отъ носового и винтового штевней, имѣющихъ, каждый, толщину въ 65 сант., положено по тяжелой дубовой кормовой балкѣ, повторяющей изгибъ кормы до верхней палубы, такъ что до извѣстной степени получается двойной аррьеръ-штевень (т.-е. задній, кормовой штевень). На наружной сторонѣ послѣдняго идетъ обшивка изъ до-

16) Регистровая тонна = 2240 англ. фунтамъ.

17) Угольные шпангоуты = бортовые ребра корпуса судна. Кница есть угольникъ для скрѣпленія двухъ перпендикулярныхъ брусевъ, а бимсъ—балка, идущая отъ борта до борта, поперекъ судна и поддерживающая палубу. Штевень — вертикальный брусъ, образующій носъ судна или нижнюю часть кормы

сошь, которая, въ свою очередь, защищена снаружи, на заднемъ концѣ судна, тяжелыми желѣзными пластинами.

Между двумя названными балками на заднемъ концѣ судна находится по туннелю для винта и руля; по этимъ туннелямъ оба они могутъ быть подняты на палубу. Такое приспособленіе для винта имѣетъ примѣненіе на всѣхъ промысловыхъ судахъ, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы въ случаѣ поврежденія винта напоромъ льдовъ, его легко можно было замѣнить новымъ; но по отношенію къ рулю такого приспособленія тамъ не имѣется. Въ то время какъ мы съ нашимъ небольшимъ экипажемъ и при помощи шпиза (ворота) могли въ нѣсколько минутъ поднять на палубу руль въ случаѣ внезапнаго напора льда и т. п. на промысловомъ суднѣ, какъ мнѣ приходилось наблюдать, для того же самаго требовалось участіе до 60 человекъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, а иногда и цѣлаго дня. Вообще, корма представляетъ Ахиллесову пятую для судна, предназначеннаго къ плаванію въ полярныхъ водахъ. Этой части лѣтъ скорѣе всего можетъ причинить вредъ, раздробивъ, напиримѣръ, руль. Чтобы защитить *руль*, онъ былъ помѣщенъ, сверхъ того, такъ глубоко, что его снаружи вовсе не было видно надъ водой. Когда льдина наталкивалась сзади на судно, она встрѣчала крѣпкій штевень и только съ трудомъ могла достигнуть самаго руля. Несмотря на сильную работу винта, намъ не приходилось съ этой стороны испытывать большого безпокойства.

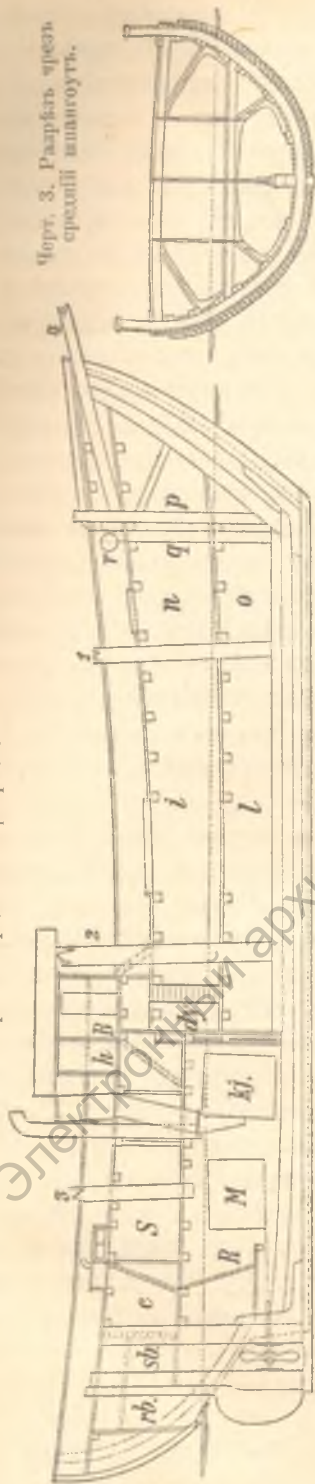
Чтобы придать *бокамъ судна* крѣпость, было сдѣлано, само собою разумѣется, все возможное. Шпангоуты были изъ отборнаго итальянскаго дуба, предназначавшагося первоначально для норвежскаго флота и пролежавшаго 30 лѣтъ подъ крышей въ складѣ (въ Христианіи). Это все было крупный кривой лѣсъ 25—28 сант. толщины. Шпангоуты были составлены изъ двухъ футоксовъ, плотно приложенныхъ одинъ къ другому и связанныхъ болтами, изъ коихъ нѣкоторые были заклепаны. Надъ каждымъ швомъ были проложены ленты изъ голстаго листового желѣза. Онѣ имѣли ширину приблизительно въ 56 сант. и были размѣщены тѣсно между собою, съ промежуткомъ всего въ 3—4 сант., причемъ послѣдній шовъ отъ киля и нѣсколько выше уровня воды былъ выполненъ смѣсью опилокъ и смолы, чтобы судно до извѣстной степени сохранило водонепроницаемость даже въ томъ случаѣ, если бы была протерта его наружная обшивка.

На шпангоуты снаружи были положены три слоя досокъ. Внутренній слой—изъ дуба, толщиной въ 7,5 сант., крѣпко прибитый гвоздями и плотно прилаженный; за нимъ слѣдуетъ вторая дубовая обшивка толщиной въ 10 сант., скрѣпленная и прилаженная при посредствѣ проходящихъ насквозь болтовъ; съ вишней стороны ея положена наконецъ «ледяная» обшивка изъ мыльнаго дерева (greenheart¹⁸), доходящая, какъ и другія двѣ, до киля. На уровнѣ воды она имѣетъ толщину въ 15 сант., а къ основанію утоняется до 7,5 сант. Пригнана она гвоздями и болтами съ крючками, но не проходящими насквозь, такъ что ледъ могъ содрать всю ледяную оболочку, не причинивъ этимъ даль-

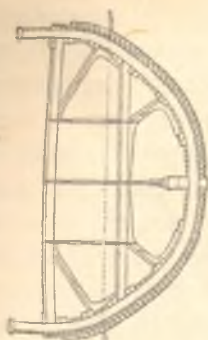
¹⁸ Мыльное дерево (greenheart)—очень скользко въ водѣ, почему имъ и пользуются для наружной обшивки судовъ полярнаго плаванія.

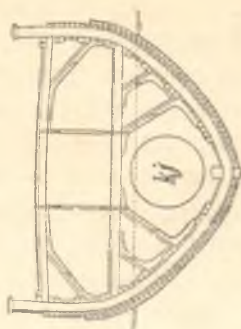
Черт. 1. Продольный разрезъ.

Черт. 3. Разрезъ чрезъ средней шпангоутъ.

Черт. 4. Попер. разрезъ чрезъ машинное помѣщеніе.

Черт. 2. Планъ палубы.

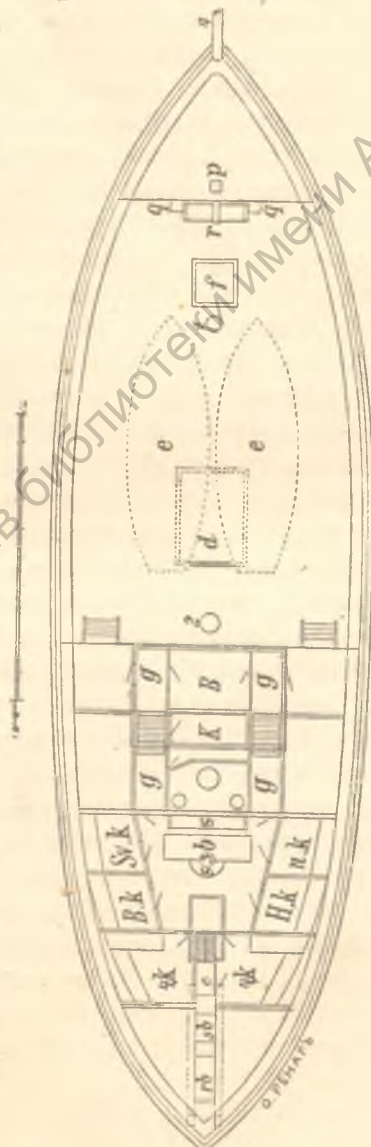

Рис. 2. Планъ и разрезъ «Фрама».

гб—туннель для руля, *об*—туннель для яхты, *S*—салонъ, *с*—софа въ салонѣ, *ф*—столъ въ салонѣ, *Svk*—каюта Спердгруна, *Bk*—каюта Блессинга, *К*—каюта для 4 человекъ, *HK*—каюта Скоттъ-Гансона, *н, к*—каюта Найдена, *с*—ступень къ машинѣ, *R*—помѣщеніе машины, *M*—машина, *KJ*—котель, *д*—выходъ изъ салона, *K*—кухня, *B*—помѣщеніе для парга, *к*—рабочіе кабинеты, *ду*—мѣсто для паромашинъ, *д*—большой люкъ, *е*—большіе люки, *і*—большой трюмъ, *і*—большой трюмъ подъ яхтой, *г*—передній люкъ, *н*—переднее помѣщеніе, *о*—передній трюмъ, *р*—палъ, *д*—стойки якорнаго шкеля, *г*—якорный шкель, *л*—фокс-яхта, *з*—большая средняя яхта, *і*—бушпритъ.

Электронный архив библиотеки имени А.А. Кулемина

нѣйшаго вреда корпусу судна. Обшивка шпангоутовъ съ внутренней стороны состоитъ изъ планокъ смолистой сосны (pitchpine), частью въ 10, частью въ 20 сант. толщины; эта обшивка была два раза старательно проконопачена.

Въ общемъ бока судна имѣли толщину въ 70—80 сант. и состояли изъ солидной, водонепроницаемой древесной массы. Понятно, что такіе бока при изогнутой формѣ уже сами по себѣ могли оказывать значительное сопротивление льду. Но чтобъ еще его усилить, внутреннія стороны боковъ были всевозможнымъ образомъ подперты, и судно выглядѣло изнутри какъ паутина изъ балокъ, подпорокъ и распорокъ. Во-первыхъ, имѣлись два слоя балокъ, верхней и средней палубы, по большей части изъ тяжелаго дубоваго лѣса, а частью изъ пичч-пайна; всѣ эти балки были соединены, кромѣ того, между собой и съ боками судна многочисленными подпорками. Способъ ихъ прикрѣпленія можно видѣть изъ приведенныхъ здѣсь чертежей. Принципъ кницъ естественно требовалъ, чтобъ онѣ упирались въ бока судна насколько возможно подъ прямымъ угломъ, способствуя тѣмъ большому сопротивленію давленіямъ снаружи и распредѣленію ихъ на большее пространство. Для послѣдней цѣли были также приспособлены вертикальныя подпорки между обоими слоями балокъ, а равно между самыми нижними балками и кильсономъ (внутреннимъ килемъ, положеннымъ поверхъ шпангоутовъ, вдоль кила). Все было крѣпко связано тяжелыми кницями и желѣзными обѣймами, и въ цѣломъ почти слилось въ одну нераздѣльную массу. Тогда какъ при прежнихъ экспедиціяхъ обыкновенно довольствовались тѣмъ, что придавали только некоторымъ среднимъ балкамъ судна особенныя подпорки,—на «Фрамъ» каждая балка палубы поддерживалась вышеуказаннымъ, изъясненнымъ на чертежѣ образомъ.

Въ помѣщеніи, занятомъ машиной, конечно, по срединѣ не было мѣста для подпорокъ; вмѣсто нихъ съ каждой стороны было придѣлано по двѣ кницы (см. черт. 4). Балки жилой палубы положены нѣсколько ниже, т.-е. тамъ, гдѣ давленіе во время напора льда должно быть наибольшее. Въ заднемъ помѣщеніи этотъ слой балокъ пришлось немного приподнять, чтобы дать мѣсто машинѣ. На этомъ же основаніи каютная палуба получила назадъ нѣсколько большую высоту въ сравненіи съ главной, и судно получило «роор» или открытую верхнюю палубу, подъ которой помѣщались каюты для всѣхъ участниковъ экспедиціи и кухня. Вдоль всего судна наложены свнутри на шпангоуты крѣпкіе желѣзные стрингерсы, проходящіе отъ планокъ внутренней обшивки, подъ бимсами верхней палубы, наискось почти до кильсона. Кильсонъ—изъ двухъ слоевъ и имѣетъ высоту приблизительно въ 80 сант., за исключеніемъ машиннаго трюма, гдѣ пространство допускаетъ только одинъ слой. Киль состоитъ изъ двухъ тяжелыхъ балокъ американскаго вяза, 35 сант. толщины съ каждой стороны; какъ уже сказано выше, онъ вдѣланъ такъ, что только 7 сант. его выдаются изъ паружной обшивки. Бока корпуса закругляются внизъ, къ килю, настолько, что поперечный разрѣзъ у средняго шпангоута весьма напоминаетъ половинку разрѣзаннаго кокосоваго орѣха (см. черт. 3).

Чѣмъ больше судно поднимается изъ воды, тѣмъ, естественно, оно дѣлается тяжелѣе и тѣмъ больше его давленіе на ледъ, но тѣмъ легче становится льду, именно вслѣдствіе такой формы, приподнимать судно. Чтобъ избѣжать слишкомъ

большого наклоненія судна на бокъ, въ случаѣ, если корпусъ будетъ приподнять очень высоко, дно было сдѣлано плоскимъ, что оказалось весьма цѣлесообразнымъ. Я пытался опытнымъ путемъ опредѣлить треніе льда о дерево и, вычисливъ на основаніи этихъ опытовъ крѣпость судна и принявъ во вниманіе уголъ, образуемый его боками съ поверхностью воды, пришелъ къ заключенію, что крѣпость должна быть болѣе чѣмъ достаточной, для того чтобъ оказывать сопротивленіе давленію, потребному для поднятія судна. Практика доказала полную вѣрность этого расчета.

Главные размѣры судна были таковы: длина по килю 31 м., длина по водной линіи 34,5 м., длина черезъ штевень по палубѣ 39 м., ширина на уровнѣ воды безъ ледяной обшивки 10,4 м., наибольшая ширина безъ ледяной обшивки 11 м., глубина трюма 5,25 м., погруженіе при легкой нагрузкѣ 3,75 м., водоизмѣненіе при легкой нагрузкѣ 530 тоннъ, водоизмѣненіе при нагруженіи на 4,75 м.—800 тоннъ. Судно имѣло въ последнемъ случаѣ свободный бортъ приблизительно въ 1 метръ. Корпусъ судна съ наполненными котлами долженъ былъ вѣсить по расчету около 420 тоннъ, а при водоизмѣненіи въ 800 тоннъ должна была еще остаться вмѣстимость въ 380 тоннъ для угля и другого груза. Кромѣ необходимаго провіанта для людей и собакъ, рассчитаннаго болѣе чѣмъ на пять лѣтъ, мы могли еще взять запасъ угля на 4 мѣсяца при полной работѣ машины, а этого было вполне достаточно для такой экспедиціи, какъ наша.

Самою важною задачею по отношенію къ *такелажу* (снастямъ) было устроить его возможно проще и прочнѣе и въ то же время такъ, чтобы онъ представлялъ наименьшее сопротивленіе въ случаѣ движенія судна подъ парами. Кромѣ того, при малочисленности имѣвшагося у насъ экипажа, представляла немалое значеніе возможность легче управлять снастями съ палубы. По этой причинѣ «Фрамъ» былъ снаряженъ какъ трехмачтовая шхуна. Это вызвало неодобреніе со стороны многихъ нашихъ старыхъ полярныхъ мореходовъ, привыкшихъ всю свою жизнь плавать на судахъ съ тяжелымъ такелажемъ и полагавшихъ съ свойственнымъ имъ консерватизмомъ, что то, чѣмъ они сами пользовались, является и вообще единственно пригоднымъ въ области льдовъ. Для нашихъ цѣлей, однако, такелажъ, который мы имѣли, оказался несомнѣнно наилучшимъ. Кромѣ обыкновенныхъ косыхъ парусовъ, мы имѣли на передней мачтѣ двѣ свободныя реи для брейтфока и штегеля. Такъ какъ реи сидѣли на шнявѣ, то ихъ легко можно было снимать, когда онѣ не находились въ употребленіи. Никакія мачты судна были довольно высоки и тяжелы. Средняя имѣла вышину въ 24,5 м., стеньга — 15,5 м., а бочка для наблюденій на концѣ мачты находилась приблизительно на 32 м. надъ водой. Было важно прикрѣпить ее возможно выше, чтобъ оттуда открывался болѣе далекій кругозоръ, на случай если пришлось бы отыскивать путь среди льда. Вся площадь парусовъ въ совокупности составляла около 600 кв. метр.¹⁹⁾

¹⁹⁾ Шхуна — небольшое судно съ косыми парусами. Брейтфокъ — четырехугольный парусъ, поднимаемый въ бурю; штегель — самый верхній парусъ, ставится только при тихомъ вѣтрѣ. Мачты дѣлаются обыкновенно составными, изъ трехъ частей, изъ коихъ ближайшая къ палубѣ называется нижней мачтой, средняя — стеньгой, а верхняя — брамъ-стенгой. Въ бочкѣ для наблюденій поднимаютъ на верхушку мачты человекъ для осмотра окрестностей.

большого наклона судна на бокъ, въ случаѣ, если корпусъ будетъ приподнятъ очень высоко, дно было сдѣлано плоскимъ, что оказалось весьма целесообразнымъ. Я пытался опытнымъ путемъ опредѣлить треніе льда о дерево и, вычисливъ на основаніи этихъ опытовъ крѣпость судна и принявъ во вниманіе уголъ, образуемый его боками съ поверхностью воды, пришелъ къ заключенію, что крѣпость должна быть болѣе чѣмъ достаточной, для того чтобъ оказывать сопротивленіе давленію, потребному для поднятія судна. Практика доказала полную вѣрность этого расчета.

Главные размѣры судна были таковы: длина по килю 31 м., длина по водной линіи 34,5 м., длина через штевень по палубѣ 39 м., ширина на уровнѣ воды безъ ледяной обшивки 10,4 м., наибольшая ширина безъ ледяной обшивки 11 м., глубина трюма 5,25 м., погруженіе при легкой нагрузкѣ 3,75 м., водоизмѣненіе при легкой нагрузкѣ 530 тоннъ, водоизмѣненіе при нагруженіи на 4,75 м.—800 тоннъ. Судно имѣло въ послѣднемъ случаѣ свободный бортъ приблизительно въ 1 метръ. Корпусъ судна съ наполненными котлами долженъ былъ вѣсить по расчету около 420 тоннъ, а при водоизмѣненіи въ 800 тоннъ должна была еще остаться вмѣстимость въ 380 тоннъ для угля и другого груза. Кромѣ необходимаго провѣанта для людей и собакъ, рассчитаннаго болѣе чѣмъ на пять лѣтъ, мы могли еще взять запасъ угля на 4 мѣсяца при полной работѣ машины, а этого было вполне достаточно для такой экспедиціи, какъ наша.

Самую важную задачей по отношенію въ *такелажу* (оснасткѣ) было устроить его возможно проще и прочнѣе и въ то же время такъ, чтобы онъ представлялъ наименьшее сопротивленіе въ случаѣ движенія судна подъ парами. Кромѣ того, при малочисленности имѣвшагося у насъ экипажа, представляла немалое значеніе возможность легче управлять снастями съ палубы. По этой причинѣ «Фрамъ» былъ снаряженъ какъ трехмачтовая шхуна. Это вызвало неодобреніе со стороны многихъ нашихъ старыхъ полярныхъ мореходовъ, привыкшихъ всю свою жизнь плавать на судахъ съ тяжелымъ такелажемъ и полагавшихъ съ свойственнымъ имъ консерватизмомъ, что то, чѣмъ они сами пользовались, является и вообще единственно пригоднымъ въ области льдовъ. Для нашихъ цѣлей, однако, такелажъ, который мы имѣли, оказался несомнѣнно наилучшимъ. Кромѣ обыкновенныхъ косыхъ парусовъ, мы имѣли на передней мачтѣ двѣ свободныя реи для брейтфока и пѣтеля. Такъ какъ реи сидѣли на нинявѣ, то ихъ легко можно было снимать, когда онѣ не находились въ употребленіи. Нижніе мачты судна были довольно высоки и тяжелы. Средняя имѣла вышину въ 24,5 м., стеньга — 15,5 м., а бочка для наблюденій на концѣ мачты находилась приблизительно на 32 м. надъ водой. Было важно прикрѣпить ее возможно выше, чтобъ оттуда открывался болѣе далекій кругозоръ, на случай если пришлось бы отыскивать путь среди льда. Вся площадь парусовъ въ совокупности составляла около 600 кв. метр.¹⁹⁾

¹⁹⁾ Шхуна — небольшое судно съ косыми парусами. Брейтфокъ — четырехугольный парусъ, поднимаемый въ бую; пѣтель — самый верхній парусъ, ставится только при тихомъ вѣтрѣ. Мачты дѣлаются обыкновенно составными, изъ трехъ частей, изъ коихъ ближайшая къ палубѣ называется нижнею мачтой, средняя — стеньгой, а верхняя — брамъ-стенъгой. Въ бочкѣ для наблюденій поднимаютъ на верхушку мачты человекъ для осмотра окрестностей.

Машина судна была построена особенно тщательно, въ механической мастерской *Акера*. Конструкція ея составила особенную заслугу инженера *Нёрбека*. Съ большимъ знаніемъ дѣла предвидѣль онъ всевозможныя случайности и принялъ противъ нихъ свои мѣры. Какъ наименѣе требующая уголь, была избрана тройная экспансионная система, но, такъ какъ возможно было предположить, что одинъ изъ цилиндровъ можетъ прійти въ безпорядокъ, то, помощью особой трубы, были приняты мѣры къ тому, чтобы любой цилиндръ могъ быть вынутъ, не нарушая дѣйствія двухъ другихъ; въ крайнемъ случаѣ можно было пользоваться даже однимъ цилиндромъ. Такимъ образомъ, машина, смотря потому, отворили ли одинъ или два клапана, могла, по произволу, быть превращаема то въ компаундъ-машину, то въ машину высокаго или низкаго давления. Несмотря на то, что съ цилиндрами ни разу ничего не случилось, мы неоднократно съ выгодною пользовались такимъ устройствомъ. Превращая ее въ компаундъ-машину, мы могли при небольшой тратѣ угля давать «Фраму» болѣе быстрый ходъ и, въ случаѣ надобности, форсировать такимъ образомъ проходъ черезъ льды. Машина обладала производительною способностью въ 220 индикаторскихъ лошадиныхъ силъ и могла при тихой погодѣ и легкой нагрузкѣ развивать скорость въ 6—7 морскихъ миль въ часъ. Винты, пара которыхъ была у насъ въ запасѣ, имѣли по два крыла и были сдѣланы изъ чугуна. Запасными винтами намъ пришлось столь же мало воспользоваться, какъ и взятымъ съ собою запаснымъ рулемъ.

Жилыя помѣщенія находились, какъ было упомянуто, назадъ, подъ верхней палубой и были такъ устроены, что нашъ общій салонъ, въ которомъ мы обѣдали и проводили большую часть времени, приходился посрединѣ, окруженный съ двухъ сторонъ каютами (см. черт. 2). Изъ нихъ четыре были односпальныя и двѣ четырехспальныя. Такое размѣщеніе было избрано съ цѣлью лучше защитить салонъ окружающими его помѣщеніями отъ вѣшняго холода. Кромѣ того, потолокъ, полы и стѣны повторной наслѣвкой были сдѣланы непроницаемыми и изолирующими тепло. Изнутри всѣ теплыя помѣщенія были выложены слоемъ непроницаемаго для воздуха линолеума, съ цѣлью воспрепятствовать теплomu и сырому воздуху каютъ осаждаться на стѣнахъ въ видѣ влаги, которая скоро превратилась бы въ ледъ. Бока корабля были устланы осоленнымъ войлокомъ, затѣмъ сѣдовалъ пробковый слой, потомъ обшивка изъ еловыхъ планокъ, снова толстый слой войлока, затѣмъ линолеумъ и, наконецъ, снова досчатая обшивка. Потолокъ салона и каютъ подъ палубой были сдѣланы изъ нѣсколькихъ различныхъ слоевъ: воздухъ, войлокъ, еловое дерево, линолеумъ, слой оленьей шерсти, досчатая обшивка, снова линолеумъ, воздухъ и снова досчатая обшивка; вмѣстѣ съ досками палубы, имѣющими толщину въ 10 сант., всѣ эти слои вмѣстѣ представляютъ толщину около 40 сант. На полу салона, на доски была положена пробка пластомъ въ 15—18 сант. толщины, на нее толстый паркетъ, а сверху линолеумъ. Окно на палубу, черезъ которое особенно легко могъ проникнуть холодъ, было защищено тройными рамами и разными другими приспособленіями.

Одно изъ наибольшихъ неудобствъ для жизни на судахъ во время прежнихъ полярныхъ экспедицій представляло то обстоятельство, что влага осѣдала на холодныя наружныя стѣны помѣщенія и тотчасъ же затѣмъ превращалась

въ пней или ручьями стекала со стѣнъ на койки и на полъ, отъ чего колючие матрасы превращались въ заскорузлые ледяные комки. Но намъ, благодаря только что указаннымъ предосторожностямъ, удалось вполне избѣжать этого неудобства, и когда въ салонѣ затапливали печь, не оказывалась на стѣнахъ ни слѣда влаги, даже въ спальнѣхъ каютахъ.

Впереди салона находилась кухня, а съ обѣихъ сторонъ послѣдней входы на палубу. Для защиты отъ холода въ каждомъ изъ нихъ были устроены четыре небольшихъ, но солидныхъ двери, чрезъ которыя долженъ былъ пройти каждый, выходящій на палубу. Двери эти состояли изъ нѣсколькихъ слоевъ дерева, раздѣленныхъ слоями войлока. Для большей задержки холоднаго воздуха, пороги у дверей сдѣланы были необычно высокими. Наверху, на полу-палубѣ, надъ кухней, между гротъ-мачтой и трубой, находилось впереди помѣщеніе для картъ (географическихъ), а назадъ—небольшой рабочій кабинетъ. Чтобы обезпечить судно на случай течи, корпусъ его былъ раздѣленъ внутри водонепроницаемыми перегородками на три отдѣленія. Сверхъ того, кромѣ обыкновенныхъ насосовъ, мы имѣли сильный центробѣжный насосъ, приводимый въ движеніе паровою машиной. Въ случаѣ надобности онъ могъ быть соединенъ съ любымъ помѣщеніемъ.

Существенное улучшеніе сравнительно съ прежними экспедиціями состояло еще въ томъ, что «Фрамъ» былъ снабженъ *электрическимъ освѣщеніемъ*. Было рассчитано приводить динамо-машину въ движеніе паровою машиной, пока послѣдняя будетъ въ ходу, а во время нахождения среди льда вѣтромъ или ручною силой. Съ этою цѣлью были взяты съ собою вѣтряная мельница и приспособленія для ворота, который мы предполагали приводить въ движеніе сами. Я ожидалъ, что этотъ послѣдній способъ будетъ для насъ не лишнимъ значенія, обуславливая необходимость движенія во время длинной полярной ночи. У насъ находилось, однако, постоянно вдоволь другой работы, и потому способомъ этимъ мы ни разу не воспользовались; зато вѣтряная мельница доставила намъ много удовольствія. На тотъ случай, еслибъ не оказалось достаточно силы для развитія электрическаго свѣта, мы захватили для освѣщенія 16 бочекъ керосина, предназначавшагося, кромѣ того, для кухни, а отчасти и для отопленія жилыхъ помѣщеній. Керосинъ, а также 20 бочекъ обыкновеннаго горнаго масла *), которое вмѣстѣ съ запасомъ угля предполагалось для нагрѣванія котла, сохранялись въ тяжелыхъ желѣзныхъ прѣмникахъ, изъ коихъ восемь помѣщались въ трюмѣ и одинъ на палубѣ.

Лодокъ на шхунѣ было 8, въ томъ числѣ двѣ особенно большихъ, именно 8,8 м. длины и 2,1 м. ширины. Онѣ предназначались на случай, если судно, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, будетъ раздавлено. Предполагалось въ

*) Это масло впрыскивалось въ видѣ мелкаго душа, при помощи специально съ этою цѣлью устроеннаго аппарата, паровымъ шприцемъ въ ходы топки, гдѣ оно сгарало весьма экономнымъ образомъ и въ то же время давало много жара. Аппаратъ имѣлъ такую же конструкцию, какая употребляется для локомотивовъ въ Англіи, откуда онъ и былъ выпущенъ. Оказалось однако, что котель вълѣдствіе этого слишкомъ нагрѣвался въ одномъ мѣстѣ, такъ что на немъ показались пузыри. Вслѣдствіе этого такой способъ топки примѣнялся нами лишь въ первое время, а затѣмъ былъ оставленъ.

такомъ случаѣ продолжать съ ними дрейфъ среди льда и поселиться въ нихъ. Онѣ были достаточно велики, чтобы вмѣстить въ себѣ весь экипажъ съ провіантомъ на много мѣсяцевъ. Четыре менѣе значительныхъ лодки имѣли форму обычную на промысловыхъ судахъ. Онѣ были построены особенно прочно и легко, двѣ изъ дубоваго дерева, а двѣ изъ вязаго. Седьмая лодка представляла изъ себя небольшой челнокъ, а восьмая имѣла керосиновый двигатель; она оказалась однако мало пригодной и причинила намъ довольно много хлопотъ.

Особенное вниманіе было обращено на *вопросъ о провіантѣ*, такъ какъ несомнѣнно, что въ немъ заключается самый опасный источникъ скорбута. Всѣ относящіеся сюда физиологическіе вопросы были подробно рассмотрѣны совместно съ профессоромъ Торупомъ, который въ этомъ важномъ для насъ дѣлѣ неутомимо помогалъ мнѣ и словомъ и дѣломъ.

Результатъ нашихъ соображеній выразился въ томъ, что для продолжительныхъ арктическихъ экспедицій способъ сохраненія мяса и рыбы соленіемъ, копченіемъ и неполнымъ высушиваніемъ долженъ быть отвергнутъ, какъ не достигающій цѣли. Руководящей идеей при заготовленіи провіанта должно быть предохраненіе пищевыхъ средствъ отъ порчи или старательнымъ и полнымъ высушиваніемъ, или стерилизаціей помощью нагреванія. Кромѣ того, я старался не только о питательномъ и здоровомъ провіантѣ, но и о возможно большемъ разнообразіи его. Мы взяли съ собою различные сорта мяса въ герметически закупоренныхъ жестянкахъ; сушеную рыбу и рыбные консервы *); картофель, какъ сушеный, такъ и въ жестянкахъ; всевозможныя консервированныя и высушенныя овощи; вареные и сушеные плоды; большія количества варенья и мармелада; подсахаренное и неподахаренное конденсированное молоко, консервированное сливочное масло, разные экстракты суповъ и многіе другіе предметы. Хлѣбомъ намъ служить, большею частью, обыкновенный хлѣбъ норвежскихъ моряковъ изъ ржи и пшеницы и англійскіе корабельные сухари. Кромѣ того, у насъ былъ запасъ муки для свѣжаго хлѣба. Каждое отдѣльное пищевое средство, прежде чѣмъ быть принято, подвергалось химическому изслѣдованію **) и особенное вниманіе обращалось на тщательность укупорки. Даже хлѣбъ, сушеные корни и т. п. запаивались въ цинковые ящики, въ цѣляхъ предохраненія отъ сырости.

Изъ *напитковъ* мы употребляли за завтракомъ и ужиномъ шоколадъ, кофе и чай, иногда также молоко; къ обѣду въ первые полгода мы имѣли пиво, а затѣмъ пили лимонный сокъ съ сахаромъ или сиропъ. Кромѣ пива и нѣсколькихъ бутылокъ мальцевскаго экстракта экспедиція не имѣла съ собою никакихъ спиртныхъ напитковъ ***).

*) Рыбные консервы являлись на суднѣ всегда желаннымъ блюдомъ. По особенно высоко цѣнились норвежскій рыбный фаршъ и пуддингъ, не говоря уже о консервированныхъ макреляхъ.

**) Экспедиція обязана этими изслѣдованіями химикамъ Л. Шмельку въ Христіаніи и Горкнесу въ Лондонѣ.

***) Нѣкоторые участники экспедиціи захватили однако съ собою приватно нѣсколько бутылокъ вина и коньяку. По прошествіи года, когда гигиеническія условія на суднѣ оказались благоприятными, я позволялъ въ отдѣльныхъ торжественныхъ случаяхъ употребленіе грога изъ морошки или сока другихъ плодовъ съ прибавленіемъ спирта.

За то табакъ имѣлся въ изобиліи, какъ для куренія, такъ и для жеванія. Большое значеніе въ такомъ путешествіи, какъ наше, имѣеть хорошая бібліотека, и, благодаря издателямъ и другимъ сотрудникамъ экспедиціи въ Норвегіи и за-границей, мы были въ этомъ отношеніи хорошо обставлены.

Важную часть снаряженія составляли, конечно, *инструменты*, при помощи которыхъ должны были производиться научныя наблюденія; на нихъ по-этому было обращено особое вниманіе. Кромѣ коллекціи инструментовъ, имѣв-шихся у меня со времени Гренландскаго путешествія, была приобрѣтена масса новыхъ, причемъ не стѣснялись средствами, чтобы получить ихъ въ возможно лучшемъ и полномъ видѣ. Для метеорологическихъ наблюденій, кромѣ обыкновенныхъ термометровъ, барометровъ, анероидовъ, психрометровъ, гигрометровъ, анемометровъ и т. д., были взяты съ собой и самопишущіе инструменты. Особенное значеніе представляли: самопишущій барометръ—анероидъ (барографъ) и пара самопишущихъ термометровъ (термографовъ). Для астрономическихъ опредѣленій мы имѣли большой универсальный инструментъ—для пользованія во время дрейфа, и два теодолита меньшихъ размѣровъ для поѣздокъ на саняхъ, а также нѣсколько секстантовъ различной величины. Далѣе, мы имѣли 4 корабельныхъ хронометра и различные карманные хронометры. Для магнитныхъ наблюденій у насъ былъ полный наборъ—для опредѣленія склоненія, наклоненія и напряженія (какъ горизонтальнаго, такъ и полнаго). Изъ другихъ инструмен-товъ слѣдуетъ упомянуть: спектроскопъ, предназначенный главнымъ образомъ для наблюденія надъ сѣвернымъ сіяніемъ, электроскопъ для опредѣленія электричества въ воздухѣ, фотографическіе аппараты, въ томъ числѣ семь большихъ и столько же малыхъ, и фотограмметрический аппаратъ для снимки картъ.

Особенную важность придавалъ я секундному маятнику со всѣми его при-борами, для производства соответственныхъ измѣреній надъ его качаніемъ на крайнемъ Сѣверѣ. Но для этого желательна была супа; а ее-то намъ и не уда-лось найти, такъ что этотъ инструментъ, къ сожалѣнію, мало былъ въ дѣлѣ.

Для гидрографическихъ изслѣдованій мы были снабжены всѣмъ необходимымъ въ лицѣ аппаратовъ, достающихъ воду съ глубины, глубоководныхъ термомет-ровъ и т. д. Для опредѣленія солености воды, кромѣ обыкновенныхъ ареомет-ровъ, у насъ былъ еще особый, устроенный стипендіатомъ Торнѣе (Thornøe) элек-трический аппаратъ. Для собиранія животныхъ и растений мы имѣли, конечно, драги, невода и т. д.

Вообще наше научное снаряженіе оказалось вполнѣ удачнымъ, и [этимъ я въ значительной степени обязанъ многимъ ученымъ, благосклонно помогавшимъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ. Я пользуюсь здѣсь случаемъ высказать особенную благо-дарность слѣдующимъ лицамъ: *профессору Мону* (Mohr), который не только принялъ на себя заботу о метеорологическихъ инструментахъ, но и въ другихъ отношеніяхъ былъ мнѣ полезенъ словомъ и дѣломъ; *профессору Гельмюйдену* (Gehmuyden), который интересовался астрономическою частью; *дѣйствительному тайному адмиралтействъ-совѣтнику профессору Неймайеру* (Neumaier) въ Гамбургѣ, по указаніямъ котораго происходило магнитное снаряженіе, а также профессору *Отто Петтерсону* (Otto Petterson) въ Стокгольмѣ и *стипендіату Торнѣе* въ Христианіи, которые оказали существенное содѣйствіе въ гидрогра-

фическомъ снаряженіи. Не малое значеніе имѣли также фізіолого-медицинскія приготвленія, которыя принялъ на себя профессоръ *Торунъ*.

Во многихъ отношеніяхъ для экспедиціи представлялось важнымъ получить хорошихъ *пздовыихъ собакъ*. Въ виду этого я обратился къ моему другу *барону Эдуарду фонъ-Толлю*, въ Петербургъ, съ вопросомъ, возможно ли будетъ достать изъ Сибири годныхъ собакъ *). Баронъ Толль отвѣтилъ очень любезно, что онъ надѣется самъ устроить это дѣло, такъ какъ собирается въ свое второе научное путешествіе въ Сибирь и на Ново-Сибирскіе острова. Онъ предложилъ выслать собакъ въ Хабарово, къ Югорскому Шару ²⁰). Во время своего проѣзда черезъ Тюмень, въ январѣ 1893 г., онъ, дѣйствительно, убѣдилъ, при содѣйствіи англійскаго купца *Вардроппера* (*Wardropper*), одного проживающаго тамъ чело-вѣка, по имени *Александра Ивановича Тронтейма*, купить 30 остяцкихъ собакъ и доставить ихъ къ Югорскому шару. Но баронъ Толль не ограничился этимъ. Въ виду того, что г. *Кельхъ* ²¹) изъявилъ готовность принять на себя расходы, онъ озаботился покупкой 26 восточно-сибирскихъ собакъ, которыя признаются болѣе пригодными для упряжи, чѣмъ западно-сибирскія (остяцкія), а норвежець *Иванъ Торгерсенъ* (*Torgersen*) взялся доставить ихъ къ устью р. Оленека, куда мы должны были зайти согласно договору.

Далѣе баронъ Толль полагалъ, что было бы полезно устроить нѣсколько запасныхъ депо на Ново-Сибирскихъ островахъ, на тотъ случай, если съ «Фрамомъ» случится несчастіе и экспедиція принуждена будетъ возвращаться этимъ путемъ. Когда онъ упомянулъ объ этомъ, то г. Кельхъ высказалъ тотчасъ же готовность покрыть расходы и на этотъ предметъ, выразивъ желаніе, чтобъ и въ этомъ случаѣ мы могли воспользоваться сибирскимъ гостепріимствомъ, даже на Ново-Сибирскихъ островахъ. Представилось, однако, затрудненіе въ выборѣ надежныхъ людей для выполненія столь отвѣтственнаго предпріятія. Поэтому баронъ Толль рѣшился самъ устроить эти запасныя депо. Въ маѣ 1893 г. онъ предпринялъ съ этою дѣлю опасную и въ высокой степени интересную поѣздку съ материка по льду на Ново-Сибирскіе острова и не только заложилъ **) тамъ для насъ три депо, но произвелъ также геологическія изслѣдованія, давшія весьма важныя результаты ***).

*) И думалъ также получить собакъ отъ эскимосовъ Гренландіи и Гудзонова залива, но оказалось, что присылка ихъ оттуда сопряжена съ слишкомъ большими затрудненіями.

²⁰) Югорскій шаръ—проливъ между островомъ Вайгачемъ и материкомъ.

²¹) Г. Кельхъ, къ сожалѣнію, преждевременно скончавшійся, былъ зятемъ извѣстной благотворительницы Ю. И. Базановой и находился въ то время въ Иркутскѣ по дѣламъ, связаннымъ съ золотыми приисками.

Прим. ред.

**) Депо были заложены съ большою предусмотрительностью *и о нашей участи настолько позаботились, что еслибы судьба бросила насъ туда, мы, несомнѣнно, не испытали бы никакихъ лишеній. Въ самомъ сѣверномъ депо, у становища Дурново по западному берегу Котельнаго острова, подъ 75° 37 с. ш., мы нашли бы провіанта на 8 дней. Этого было бы достаточно, чтобы мы могли пройти 100 км. къ югу вдоль берега и достигнуть второго депо, у Урассалаха, гдѣ мы нашли бы, въ построенной барономъ Толлемъ въ 1886 году избѣ, запасъ почти на цѣлый мѣсяць. Наконецъ, третій запасъ былъ оставленъ въ избѣ на южной сторонѣ Малаго Ляхова острова, съ провіантомъ на 4 мѣсяца, что дало бы намъ возможность уже легко достигнуть материка.

***) Свѣдѣнія о научныхъ результатахъ этого интереснаго путешествія можно найти

Вторымъ важнымъ условіемъ, по моему мнѣнію, было озаботиться посылкой къ какому-нибудь пункту на нашемъ пути запаса угля, для того, чтобы «Фрамъ», прежде чѣмъ порвать всякую связь съ остальнымъ міромъ, могъ снабдить себя возможно большимъ количествомъ топлива. Поэтому я съ радостью принялъ предложеніе одного англичанина сопровождать насъ на паровой яхтѣ до Новой Земли или Карскаго моря и передать намъ при разетаваніи 100 тоннъ угля. Но передъ самымъ отъѣздомъ я узналъ, что онъ измѣнилъ свое намѣреніе. Такъ какъ было уже слишкомъ поздно устраиваться инымъ образомъ, то я нанялъ яхту «Урація» изъ Брѣнѣзунда въ Нордландѣ, чтобы она доставила запасъ угля въ Хабарово у Югорскаго шара.

Когда мой планъ экспедиціи сдѣлался извѣстнымъ, то изъ всѣхъ странъ Свѣта, изъ Европы, Америки, даже изъ Австрали, несмотря на всѣ предостерегавшіе голоса, посылались сотни предложеній отъ лицъ, желавшихъ принять участіе въ экспедиціи. Нелегко было сдѣлать выборъ изъ числа всѣхъ отважныхъ молодцовъ, заявившихъ о своемъ желаніи. Понятно, особенное вниманіе должно было быть обращено на силу и здоровье; поэтому никто не принимался окончательно прежде, нежели онъ былъ тщательно изслѣдованъ профессоромъ Гейбергомъ въ Христіаніи.

Участниками экспедиціи были слѣдующія лица:

Отто Нейманъ Свердрупъ (Otto Neumann Sverdrup), капитанъ «Фрама», родился въ 1855 году въ Биндаленѣ въ Гельгенландѣ. 17-ти лѣтъ онъ въ первый разъ вышелъ въ море, въ 1878 году сдать экзаменъ на штурмана и плавать затѣмъ нѣсколько лѣтъ въ званіи капитана. Въ 1888—89 годахъ принималъ онъ участіе въ моемъ Гренландскомъ путешествіи. Какъ только услышалъ онъ о планѣ новой полярной экспедиціи, то выразилъ желаніе принять въ ней участіе. Я зналъ, что «Фрамъ» едва ли можно передать въ лучшія руки. Онъ женатъ и имѣетъ одного ребенка.

Сигурдъ Скоттъ-Ганзенъ (Sigurd Scott Hansen), старшій лейтенантъ норвежскаго флота, принялъ на себя метеорологическія, астрономическія и магнитныя наблюденія. Онъ родился въ 1868 году въ Христіаніи. Окончивъ курсъ въ морской школѣ въ Гортенѣ (Horten), онъ былъ произведенъ въ 1889 году въ офицера, а въ 1892 году—въ старшіе лейтенанты. Онъ сынъ приходскаго священника Андрея Ганзена въ Христіаніи.

Канд. мед. *Генрихъ Греве Блессингъ* (Henrik Greve Blessing), врачъ и ботаникъ экспедиціи, родился въ 1866 году въ Драмменѣ, гдѣ его отецъ былъ тогда священникомъ. Въ 1885 году онъ поступилъ въ университетъ, а весной 1893 года получилъ званіе кандидата медицины.

Теодоръ Клавдій Якобсонъ (Theodor Claudius Jacobson), штурманъ «Фрама», родился въ 1855 г. въ Тромзѣ, гдѣ его отецъ былъ капитаномъ, а впоследствии

въ „Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg“, VII-e série, tome XLII № 12. Самое путешествіе Толль описалъ въ „Ежегодникъ И. Русскаго Географическаго Общества“, а также въ „Petermanns Mitteilungen“ 1891, стр. 131 и 155. См. также „Землеводѣніе“ 1894 г., кн. 2, стр. 120—124.

командиромъ порта и главнымъ лоцманомъ. Пятнадцати лѣтъ совершилъ онъ первое плаваніе и черезъ четыре года сдать экзаменъ на штурмана. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ работалъ въ Новой Зеландіи. До 1886—90 г. онъ совершилъ плаваніе въ полярныхъ водахъ на яхтѣ изъ Тромзѣ. Онъ женатъ и имѣеть ребенка.

Антонъ Амундсенъ (Anton Amundsen), главный машинистъ «Фрама», родился въ 1853 году въ Гортенѣ. Въ 1875 году сдать онъ техническій экзаменъ, въ 1877 сталъ машинистомъ, въ 1892 году сдать экзаменъ на машиннаго строителя. Въ теченіе 25 лѣтъ онъ служилъ во флотѣ, гдѣ достигъ положенія главнаго машиниста. Онъ женатъ и имѣеть семь человѣкъ дѣтей.

Адольфъ Юель (Ad. Juell), экономъ и поваръ «Фрама», родился въ 1860 году въ округѣ Скотѣ (Scoto) близъ Крагерё. Его отецъ былъ крестьяниномъ и работалъ по оснасткѣ судовъ. Въ 1879 году онъ сдать экзаменъ на штурмана и затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ водилъ суда. Женатъ и имѣеть четверыхъ дѣтей.

Ларсъ Петтерсонъ (Lars Pettersen), второй машинистъ на «Фрамѣ», родился въ 1860 году въ Борре, близъ Ландскроны въ Швеціи, отъ норвежскихъ родителей. Это ученый кузнецъ и механикъ; въ послѣднемъ званіи онъ нѣскольکو лѣтъ служилъ въ норвежскомъ флотѣ. Женатъ и имѣеть четверыхъ дѣтей.

Лейтенантъ запаса *Фридрихъ Гьялмаръ Йогансенъ* (Fr. Cjalmar Johansen), родился въ 1867 г. въ Скленѣ, въ 1886 году сдѣлался студентомъ. Въ 1891—1892 годахъ посѣщаль онъ военное училище и сталъ затѣмъ офицеромъ запаса. Онъ былъ такъ воодушевленъ мыслію объ участіи въ экспедиціи, что, за неимѣніемъ другого свободнаго мѣста, принялъ на себя обязанности истопника. На суднѣ большую часть времени онъ былъ ассистентомъ при метеорологическихъ наблюденіяхъ.

Гарпунщикъ *Педръ Леонардъ Гендриксенъ* (Peder Leonard Hendricsen), родился въ 1859 году, въ Бальефюрденѣ, недалеко отъ Тромзѣ. Дѣтство свое онъ провелъ на морѣ и уже четырнадцати лѣтъ ѣздилъ по Ледовитому морю въ качествѣ гарпунщика и шкипера. Въ 1888 году потерпѣлъ онъ крушеніе у Новой Земли, на яхтѣ «Snighedden» изъ Христианзунда. Онъ женатъ и имѣеть четверыхъ дѣтей.

Бернардъ Нордаль (Bernhard Nordahl), родился въ 1862 г. въ Христианіи. Четырнадцати лѣтъ поступилъ онъ во флотъ и дослужился до конетэбля. Впослѣдствіи имѣлъ различныя занятія и, между прочимъ, нѣсколько лѣтъ работалъ по устройству электрическаго освѣщенія. На суднѣ ему былъ порученъ надзоръ за динамо-машинной и электрическимъ свѣтомъ; кромѣ того, онъ исполнялъ обязанности истопника и въ продолженіи нѣкотораго времени былъ помощникомъ при метеорологическихъ наблюденіяхъ. Онъ женатъ и имѣеть пятирехъ дѣтей.

Иваръ Отто Иргенсъ Могстадъ (Ivar Otto Irgens Mogstad), родился въ 1856 году въ Ауре въ Нордмѣре. Въ 1877 году сдать экзаменъ на лѣсничаго. Съ 1882 года былъ старшимъ надзирателемъ въ домѣ умалишенныхъ въ Гаустадѣ (Gaustad). На кораблѣ онъ былъ полезенъ во всемъ, начиная отъ обязанностей часовщика до—сторожа за собаками.

Бернтъ Бернсенъ (Bernt Bernsen), родился въ 1860 г. и много года про-

1 2 3 4 5 6

7 8 9 10 11 12 13

Участники норвежской полярной экспедиции 1893—1896.

- 1. Ханс мели. Бюелетт.
- 2. Мердал, зоотроном.
- 3. Мюстаде.
- 4. Гюстассен, германец.
- 5. Петерсен, датчанин.
- 6. Логалов, добывать ресурсы.
- 7. Нюссель.
- 8. Скотт-Галсен, лейтенант флота.
- 9. Нордстрём, капитан.
- 10. Илбосен, штурман.
- 11. Хансен.
- 12. Юль, старший врач и коварь.
- 13. Фредерик, первый помощник.

вель на морѣ. Въ 1890 году сдать экзаменъ на штурмана и съ тѣхъ поръ фз-диль неоднократно въ этомъ званіи по Ледовитому морю. Онъ былъ нанятъ въ Тромзѣ въ моментъ нашего отъѣзда. Произошло это довольно скоро; въ половинѣ 9-го онъ пришелъ на судно, чтобы поговорить со мной, а въ 10 часовъ «Фрамъ» вышелъ въ море.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отъѣздъ.

Такъ ѣду я на Сѣверъ, туда, въ мрачное царство, гдѣ не свѣтитъ солнце. Тамъ не бываетъ дня.

Народная пѣсня изъ Телемаркена.

Это было въ Ивановъ день 1893-го года. Сѣрый и хмурый наступилъ онъ; и вотъ настала минута разлуки—безповоротной разлуки. Дверь затворилась за мной. Одинокій пошелъ я въ послѣдній разъ изъ дому черезъ садъ на берегъ, гдѣ въ бухтѣ меня неумолимо ожидала паровая шлюпка «Фрама». Позади меня оставалось все, что мнѣ было дорого въ жизни. Что было *впереди*? И сколько лѣтъ можетъ пройти, прежде чѣмъ я все это увижу снова?

Чего бы я не далъ въ это мгновеніе за возможность вернуться. Вверху, на окнѣ, сидѣла моя дочурка Ливъ и хлопала въ ладоши. Счастливое дитя, ты еще не догадываешься, какъ сложна и измѣнчива жизнь!

Стрѣлой вылетѣла маленькая шлюпка изъ бухты Лизакеръ въ плаваніе, ставкой котораго была вся жизнь, если небольшое.

Наконецъ все готово. Наступила минута, на которую непрерывно былъ обращенъ трудъ многихъ лѣтъ. Насталъ давно жданный моментъ и вмѣстѣ съ нимъ сознаніе, что все необходимое имѣется и все настолько закончено, что можно сложить съ себя отвѣтственность и дать, наконецъ, отдыхъ мозгу.

Нетерпѣливо стоитъ «Фрамъ» въ заливѣ Пипервикенъ (Pipegviken), выпуская клубы дыма, и ждетъ сигнала, между тѣмъ какъ баркасъ проходитъ мимо маяка Дина и пристаетъ къ борту. Палуба полна людей, желающихъ сказать намъ послѣднее прощаніе; теперь они должны покинуть судно. «Фрамъ» подымаетъ якорь; сильно нагруженный, онъ трогается медленно и описываетъ кругъ въ бухтѣ. Набережныя покрыты толпой народа, махающей шляпами и платками. Молчаливо и тихо поворачивается «Фрамъ» носомъ къ фіорду и движется осторожно и вѣрно, мимо Бигдѣ и Дина, въ неизвѣстную даль, окруженный проворными лодками, яхтами и пароходиками. Мирныя виллы видѣются въ зелени берега. «Ахъ, прекрасны луга, никогда я ихъ не видѣлъ милѣе» *). Пройдетъ, вѣроятно, много времени, прежде чѣмъ мы снова вернемся въ знакомый фарватеръ.

Теперь послѣднее прощаніе родному дому, который виденъ тамъ, на мысу. Впереди залитый свѣтомъ фіордъ, кругомъ еловые и сосновые лѣса и улыбающіеся луга, а за ними удлиненные, покрытыя лѣсомъ, горныя вершины. Чрезъ

*) Знаменитое восклицаніе Гуннера фонъ-Лидоренде въ Ньяльс-сагѣ.

подзорную трубу я замѣтил промелькнувшую бѣлую фигуру на скамьѣ, подъ сосной. Это былъ самый тяжелый моментъ за все путешествіе.

Впередъ, въ фюрдъ. Пошелъ дождь, и ландшафтъ принялъ унылый видъ. Только утромъ слѣдующаго дня (25 іюня) «Фрамъ» медленно вошелъ въ заливъ Раеквикъ, гдѣ находилась его колыбель, верфь Архера въ Лаурвикѣ и гдѣ зародилось не мало золотыхъ грезъ объ его побѣдоносной карьерѣ. Здѣсь предетоило намъ взять два большихъ бота и укрѣпить ихъ на палубѣ, а также принять разный другой матеріалъ.

Прежде чѣмъ все было готово, прошелъ день и добрая половина слѣдующаго. 26-го, около 3 часовъ простились мы съ Раеквикомъ, завернули въ рейдъ Лаурвика, чтобы оттуда, мимо Фридрикеферна, направиться въ море. Археръ самъ долженъ былъ править рулемъ и вести свое созданіе «Фрамъ» на этомъ послѣднемъ разстояніи, до разлуки съ судномъ. Затѣмъ въ послѣдній разъ мы пожали другъ другу руки; словъ было произнесено немного. Археръ, мой братъя и мой другъ сошли съ палубы, тогда какъ «Фрамъ» тяжелымъ ходомъ двинулся впередъ. Невыразимо грустно было видѣть этихъ послѣднихъ родныхъ лицъ тамъ, въ маленькой лодкѣ, на большой голубой поверхности, а за ними судно съ бѣлыми парусами и немного дальше Лаурвикъ. Мнѣ показалось даже, что слеза блеснула на маститомъ старческомъ лицѣ, когда онъ стоялъ тамъ въ лодкѣ и разставался съ нами возгласомъ «Ура» въ честь насъ и «Фрама». Кто знаетъ, быть-можетъ, судно дѣйствительно было дорого его сердцу? Что онъ былъ твердо увѣренъ въ немъ,—я зналъ. Мы дали въ честь Архера первый салютъ изъ пушекъ «Фрама»; болѣе почетный поводъ едва ли могъ выпасть на ихъ долю. Подъ всѣми парами впередъ!—и вотъ въ тихую, ясную лѣтнюю погоду, въ то время, какъ вечернее солнце сіяло надъ землей, «Фрамъ» направился въ синее море, чтобы въ его медленной зыби принять первое морское крещенье. Долго стояли они въ лодкѣ и смотрѣли, какъ мы удалялись.

При хорошей погодѣ плыли мы вдоль берега, мимо Христианзанда. На слѣдующій вечеръ (27 іюня) мы были уже у Линдеснеса. До глубокой ночи сидѣлъ я и болталъ съ Скотъ-Гансеномъ. Онъ былъ капитаномъ на разстояніи отъ Христианіи до Дройтгейма, гдѣ къ намъ долженъ былъ присоединиться Свердрупъ, проводивъ свое семейство въ Стенкьеръ. Въ то время какъ мы сидѣли въ отдѣленіи для картъ и время шло незамѣтно, внезапно при увеличившейся качкѣ волна растворила двери и вкатилась внутрь. Мы посѣбнили на палубу; судно ковыляло какъ бревно; волны вкатывались съ обѣихъ сторонъ и скоро весь экипажъ собрался на палубѣ. Особенно я боялся, что не выдержатъ тонкія подпорки подъ большими ботами и послѣдніе упадутъ за бортъ, увлекутъ за собой, пожалуй, еще часть таселажа. Когда затѣмъ отвязались 25 пустыхъ бочекъ изъ-подъ парафина, которыя были крѣпко привязаны на палубѣ, и стали носиться взадъ и впередъ, постепенно наполняясь водой, то на душѣ у меня стало по истинѣ не весело; но дѣло приняло еще худшій оборотъ, когда, наконецъ, въ такія же странствія пустились груды запаснаго тѣса и досокъ и угрожали сбить подпорки подъ ботами. Это былъ моментъ, внушавшій большія опасенія. Большой морскою болѣзнью стоялъ я на мостикѣ, испытывая различныя ощущенія. то принося жертву морскимъ богамъ, то переживая опасенія за экипажъ, при-

лагавшій на палубѣ старанія подобрать все, что только было возможно. Часто я видѣлъ только хаосъ волнъ, несущихся досокъ, рукъ, ногъ и пустыхъ боченковъ. Здѣсь зеленая волна сшибала кого-нибудь съ ногъ и обдавала потокомъ брызгъ, тамъ молоды перепрыгивали черезъ крутящіяся бревна и бочки, изъ боязни защемить между ними ноги. Навѣрное на ихъ тѣлѣ не было ни одной сухой нитки.

Юель спалъ въ «Грандъ-Отелъ», какъ мы называли одинъ изъ большихъ ботовъ. Онъ проснулся и услышалъ подъ собой шумъ какъ отъ водопада. Я встрѣтился съ нимъ у каютной двери, когда онъ какъ разъ бросился бѣжать и кричалъ: «Тамъ наверху больше ненадежно, лучше спасти пару тринокъ!» — подъ мышкой у него былъ узелъ. Затѣмъ онъ поспѣшилъ спасти свой сундукъ, который весело плавалъ въ соленомъ озерѣ на передней палубѣ; онъ волокъ и тащилъ его за собой на корму, а опрокидывающаяся волна обливала его съ ногъ до головы. Разъ «Фрамъ» погрузился вѣзмъ носомъ въ воду и волны покрыли бакъ. Кто-то повисъ и карабкался по якорному канату надъ блѣлой пучиной. Это опять былъ Юель.

Съ трудомъ удалось намъ прибрать наши вещи. Прекрасныя парафиновыя бочки пришлось все бросить за бортъ, отборныя баки, одна за другой, подверглись той же участи; печально смотрѣлъ я, какъ онѣ уплывали отъ насъ все дальше и дальше. Остатокъ палубнаго груза былъ помещенъ на нижнюю палубу. Боясь, что ящики экспедиціи стояли въ эту минуту очень низко.

Когда наши дѣла находились въ самомъ печальномъ положеніи, внезапно передъ нами изъ тумана стала вырисовываться барка. Она такъ увѣренно и спокойно плыла подъ вѣтми парусами, какъ будто ничего не случилось, и качалась тихо на волнахъ. Было почти досадно смотрѣть.

Въ кухнѣ между тѣмъ случилось большое несчастіе. Могстадъ входитъ и видитъ, что вся стѣна обрызгана темно-красными пятнами. Онъ бѣжитъ къ Нордалю съ извѣстіемъ и выражаетъ подозрѣніе, что это застрѣлился Юель въ отчаяніи отъ невыносимой жары, на которую онъ такъ сильно жаловался. Кривая драма на палубѣ «Фрама». При болѣе тщательномъ изслѣдованіи оказывается, однако, что «кровь» происходитъ отъ порціи шоколада, опрокинувшейся въ шкапу.

Приблизиться къ берегу мы не рѣшились изъ-за тумана; приходилось держаться курса къ морю, пока къ утру не прояснилось и лоцманъ не увидалъ землю у Фарзунда и Гумердуза. Мы направились въ Листеръ-фіордъ, чтобы бросить тамъ якорь и лучше прибраться для дальнѣйшаго плаванія; но такъ какъ погода стала лучше, то мы рѣшились продолжать путь. Только послѣ полудня вошли мы подъ дождемъ и при сильномъ бризѣ въ Экеерзундъ и бросили якорь въ бухтѣ Говландъ, у мѣста родины нашего лоцмана Говланда *). На слѣдующее утро боты были укрѣплены и другія вещи приведены въ надлежащій морской порядокъ. «Фрамъ» былъ однако слишкомъ нагруженъ, чтобы хорошо держаться на морѣ, но этого уже нельзя было измѣнить. Все, что у насъ имѣ-

*) Какъ этотъ послѣдній, бывшій у насъ лоцманомъ отъ Христианіи до Бергена, такъ и Юганнъ Гегензень, сопровождавшій насъ отъ Бергена въ Вардѣ, были любезно представлены въ наше распоряженіе Норденфильдскимъ Обществомъ пароходства въ Дронтегймѣ.

лось, составляло для насъ необходимость и послѣ того какъ мы хорошенько прибрали и прикрѣпили наши вещи на палубѣ, волны не могли причинить намъ существеннаго вреда, еслибъ даже погода сдѣлалась еще бурнѣе; а что судно и такелажъ выдержать, въ этомъ мы были увѣрены.

Поздно вечеромъ въ послѣдній день іюня повернули мы у Кварвена и среди пасмурной, сумрачной ночи пошли къ Бергену. Когда я на слѣдующее утро (1 іюля) выпшелъ на палубу, передо мной уже предстала гавань, облитая солнечными лучами. Это былъ настоящій солнечный-праздникъ; горы Ульрикенъ, Флѣенъ и Лѣвстаккенъ сверкали и сіяли, посылая намъ дружескій привѣтъ. Чудное мѣсто этотъ древній ганзейскій городъ!

Вечеромъ мнѣ предстояло сдѣлать сообщеніе, но я опоздалъ на полчаса. Когда я уже собрался переодѣваться, мнѣ доставили массу счетовъ, и если я желалъ покинуть городъ состоятельнымъ плательщикомъ, то долженъ былъ уплатить, а публикѣ пришлось ждать. Непріятнѣе было, что салонъ былъ наполненъ вѣчными путешествующими вопросительными знаками. Я могъ слышать, какъ цѣлое общество англичанъ осаждало двери моей каюты, въ то время какъ я одѣвался; они непремѣнно хотѣли «shake hands with the doctor» (пожать руку доктору). Одна англичанка заглянула даже на меня черезъ замочную скважину, какъ это сообщилъ мнѣ послѣ мой секретарь, наблюдавшій происходившее. Пріятное зрѣлище, должно быть, представилось молодой особѣ. Говорятъ, она ментально отвернула свой носикъ!

Дѣйствительно вездѣ, гдѣ мы ни останавливались, на насъ смотрѣли какъ на дикихъ животныхъ въ звѣринцѣ. Любопытные безъ всякаго стѣсненія ходили вокругъ насъ и осматривали насъ въ каютахъ, какъ медвѣдей и львовъ въ клеткахъ, разсуждали о томъ, мы ли это или нѣтъ, и такъ громко, что мы должны были слышать, а также критиковали портреты нашихъ близкихъ, висѣвшіе на стѣнахъ.

Когда все было готово, я осторожно отворилъ дверь и въ два прыжка очутился на палубѣ, миновавъ толпу любопытныхъ, кричавшихъ другъ другу: «There he is, there he is!» (Вотъ онъ, вотъ онъ). И все общество бросилось за мной. Но въ одно мгновеніе я пробѣжалъ по мосткамъ на берегъ и былъ уже въ каретѣ, прежде чѣмъ они добрались до палубы. Въ 8 часовъ вечера начался большой праздникъ, много прекрасныхъ рѣчей, хорошая ѣда и питье, красивыя дамы, музыка и танцы—вплоть до яснаго утра.

На слѣдующее утро (2 іюля), въ 11 часовъ,—это было въ воскресенье,—пошли мы, со многими провожавшими насъ друзьями, по фюрду изъ Бергена къ сѣверу, при ясной погодѣ. Не забудется этотъ прекрасный солнечный день. У Герле-фюрда, въ шхерахъ, разетались мы съ нашими друзьями; шляпы и платки замелькали въ воздухѣ. Долго еще видѣли мы, какъ небольшой паровой катеръ выдѣлялся на блестящей водной поверхности своимъ темнымъ столбомъ дыма. Впередѣ въ солнечномъ туманѣ перекатывались волны, а тамъ, далѣе, виднѣлся плоскій островъ Мангерланъ, со всѣми его воспоминаніями о прежней жизни натуралиста, въ теченіе многихъ лѣтъ, на солнцѣ и подъ дождемъ. Здѣсь одинъ изъ величайшихъ норвежскихъ естествоиспытателей, *Михаиль Сарсо*, жилъ какъ одинокій монахъ вдали отъ суеты міра и дѣлалъ свои великія открытія.

Здѣсь и я самъ прошелъ первые пробные шаги на узкомъ пути изслѣдованія природы.

Вечеръ былъ чудесный. На сѣверѣ заря исчезающаго дня, позади насъ, надъ Бергенемъ, мѣсяцъ, большой и круглый. Впереди, какъ сказочная страна, выступали изъ моря Альденъ и Кинъ. Какъ ни бытъ я уставши, но не могъ рѣшиться отправиться на свою койку; я долженъ былъ вполнѣ отдаться освѣжающему влиянію этихъ красотъ. Какъ бальзамъ дожились онѣ на мою душу послѣ всѣхъ этихъ заботъ и стѣненій съ чужими людьми.

Такъ плыли мы къ сѣверу, болѣею частью при хорошей погодѣ, рѣже въ дождь и туманъ, между проливами и островами, вдоль норвежскаго побережья. Что за чудная страна! Желать бы я зналъ, есть ли гдѣ-либо еще подобный фарватеръ. Невозможно забыть эти утренніе часы, когда природа пробуждается изъ своей дремоты, когда бѣлый и серебристый туманъ лежитъ на горахъ и изъ него выдаются только вершины, какъ острова въ морѣ. Этотъ лучезарный день надъ бѣлыми, сверкающими снѣговыми горами, а затѣмъ эти вечера съ ихъ заходомъ солнца и блѣдною луной, эти горы и острова, молчаливые и задумчивые, какъ мечты юности! Мѣстами путь идетъ мимо миловидныхъ садиковъ и домиковъ, окруженныхъ зелеными деревьями. Ахъ, съ какою силой пробуждаютъ они снова стремленіе къ жизни и теплу, — эти мирныя жилища подъ защитой острововъ! Можно пожимать плечами надъ красотами природы, но для народа, даже если онъ бѣденъ, пріятно владѣть прекрасной страной. Никогда не было это для меня болѣе яснымъ, какъ въ тотъ моментъ, когда мнѣ предстояло покинуть родную страну.

Снова доносится съ берега ура, то изъ толпы дѣтей, то изъ среды взрослыхъ; по большей части это удивленные крестьяне, которые долго слѣдятъ за страннымъ судномъ и размышляютъ о загадочномъ плаваніи. Въ яхтахъ и гребныхъ яликахъ сидятъ женщины и мужчины въ ихъ красныхъ рубашкахъ, сверкающихъ на солнцѣ. Они перестаютъ грести, смотря на насъ и удивляются.

Изъ городовъ, мимо которыхъ мы идемъ, выходятъ пароходы, наполненные народомъ, и привѣтствуютъ насъ музыкой, пѣніемъ и пушечными выстрѣлами. Большіе пароходы съ туристами, а равно яхты, встрѣчаютъ насъ флагами и

Рис. 3. Прощеніе съ Бергенемъ.

салютами. Тягостное чувство быть предметомъ такихъ чествованій раньше, чѣмъ что-нибудь достигнуто. Одно древнее изреченіе гласитъ:

День хвали вечеромъ; жену,—когда она превратилась въ пепель;
Мечъ—который тобою испытанъ; дѣвку—когда она выдана замужъ;
Ледъ—когда онъ тебя выдержалъ; ниво—которое ты отвѣдалъ *).

Всего трогательнѣе были интересъ и чествованія, которыя выпадали на нашу долю со стороны бѣдныхъ рыбаковъ и крестьянъ. Часто это меня удивляло; я чувствовалъ, что они слѣдятъ за мной съ напряженнымъ вниманіемъ. Миѣ припоминается, какъ однажды,—это было къ сѣверу отъ Гельгеланда,—одна старуха сидѣла на голомъ выступѣ скалы и кивала головой.

— Я бы желалъ знать,—сказала я стоявшему рядомъ со мной лодману:— намъ ли киваетъ эта женщина.

— Да, конечно,—отвѣчала она.

— Но какимъ же образомъ она могла узнать что-нибудь о насъ?

— О, здѣсь знаютъ уже о «Фрамѣ» и о вашей поѣздкѣ въ каждой избѣ, и вы можете быть увѣрены, что они будутъ дожидаться вашего возвращенія.— отвѣчала она.

По-истинѣ мы принимаемся за отвѣтственное дѣло, если такимъ образомъ имѣемъ заодно съ собою весь народъ. И вдругъ, еслибъ все это предпріятіе оказалось однимъ большимъ заблужденіемъ!...

Вечеромъ сидѣлъ я на палубѣ и осматривалъ окрестности. Отдѣльныя хижины были разбросаны тамъ и сямъ на мысахъ и островахъ. Въ нихъ проводить норвежскій народъ свое одинокое, трудовое существованіе въ борьбѣ съ камнемъ и съ моремъ. Этотъ народъ посылаетъ насъ въ великое, полное опасностей, неизвѣстное,—тотъ самый народъ, который стоитъ тамъ, въ рыбачьихъ лодкахъ, и съ изумленіемъ слѣдитъ, какъ тяжело нагруженный «Фрамъ» медленно направляется къ сѣверу. Одни машутъ своими шляпами и кричатъ ура, другіе уснѣваютъ только безмысленно поглазѣть. Тамъ, на мысу, толпа женщинъ влагается и кричитъ; въ морѣ нѣсколько лодокъ съ дамами въ свѣтлыхъ лѣтнихъ нарядахъ и съ болтающими мужчинами; они машутъ зонтиками и носовыми платками.

Да, это они посылаютъ насъ. Грустное чувство пробуждается при мысли о будущемъ. Никто изъ нихъ, вѣроятно, не знаетъ, на что онъ жертвовалъ свои деньги. Быть можетъ, они слышали, что предполагается славное предпріятіе, но какова его цѣль, какую пользу оно принесетъ?—И не есть ли все это обманъ? Тѣмъ не менѣе, судно привлекаетъ ихъ взгляды; и передъ ихъ духовными глазами, быть-можетъ, на мгновеніе просвѣчиваетъ новый, необозримый міръ, пробуждается стремленіе къ тому, что для нихъ еще чуждо.

А здѣсь, на суднѣ, мужья, покидающіе своихъ женъ и дѣтей. Сколько боли причиняетъ разлука, сколько тоски и лишений скрываетъ будущее! И не ради выгоды это сдѣлалось. И развѣ дѣло шло о славѣ и чести? И въ этомъ отношеніи дѣло обстояло скудно. То же самое стремленіе къ подвигамъ, тотъ же порывъ за предѣлы извѣстнаго, которые уже во времена сагъ бродили въ этомъ народѣ.

*) Изъ Гавамале, одной изъ пѣсенъ древней Эдды.

побуждаютъ еще и теперь на то же потомковъ. Несмотря на все наши матеріальныя заботы, несмотря на всю нашу крестьянскую политику, мысль о выгудѣ, пожалуй, не такъ уже всеобща.

Такъ какъ время было дорого, то я не заходилъ, какъ первоначально предполагалось, въ Дронтгеймъ, а только въ Бейанъ, гдѣ къ намъ присоединился Свердрупъ. Здѣсь на палубу взошелъ и профессоръ Брётнеръ, чтобы проводить насъ до Тромзё. Въ то же время нашъ врачъ получилъ три громадныхъ ящика съ медикаментами, даръ аптекаря Брунна въ Дронтгеймъ. Затѣмъ мы пошли къ сѣверу, вдоль живописнаго сѣвернаго берега. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы останавливались, чтобы купить сушеной рыбы въ качествѣ провіанта для собакъ. Мы шли мимо Торгаттена, Семи Сестеръ, Гестмандѣ, Ловупдена, Тренена, мимо Лофотенскихъ острововъ и еще разныхъ другихъ пунктовъ. Мощныя, дикія исполинскія скалы смѣнялись одна красивѣе другой. Это настоящее сказочное царство—страна грезъ. Мы боялись плыть слишкомъ быстро, чтобы не потерять лишняго наслажденія красивыми видами.

12-го іюля прибыли мы въ Тромзё, гдѣ намъ предстояло принять запасъ углей и другое снаряженіе: лапландскія шубы (пяски), башмаки изъ оленьей шкуры (комяги), фишккіе башмаки, осоку (*Carex vesicaria*), сушеную оленину и т. д.; все это было принашено благодаря посредничеству неутомимаго друга экспедиціи, судебнаго стряпчаго Мака.

Тромзё устроилъ намъ холодный пріемъ, поднялась сильная буря съ сѣверо-запада съ дождемъ и снѣгомъ. Горы, поля и крыши были покрыты на слѣдующій день снѣгомъ. Это были самыя непривѣтливые іюльскіе дни, какіе только мнѣ пришлось когда-либо переживать. Жители Тромзё увѣряли, что они не запомнятъ подобнаго іюля мѣсяца. Но это происходило, быть-можетъ, изъ опасенія, какъ бы мѣсто не получило дурной славы; въ городѣ, гдѣ ходьба на лыжахъ прекращается въ Ивановъ день, можно ожидать всего. На слѣдующій день въ Тромзё былъ завербованъ новый членъ экспедиціи—Веритъ Бентсенъ, сильный паренъ. Первоначально предполагалось, что онъ будетъ сопровождать насъ до Югорскаго Шара, но онъ принялъ участіе во всемъ путешествіи и благодаря своей дѣловитости, веселому характеру и многимъ забавнымъ продѣлкамъ составилъ желательное дополненіе нашего персонала.

Послѣ двухдневной остановки поплыли мы дальше. Къ востоку отъ Нордкана или Магерё испытали мы 16 іюля такое сильное волненіе и получили столько воды за бортъ, что вынуждены были войти въ Кіелле-фіордъ, чтобы еще разъ размѣстить поудобнѣе грузъ «Фрама», причемъ мы снесли уголь и т. д. въ заднюю часть судна. Два дня потратили мы на то, чтобы лучше приготовиться для плаванія къ Новой Землѣ. Первоначально я думалъ захватить еще запасъ угля въ Вардѣ; но такъ какъ «Фрамъ» и безъ того уже былъ слишкомъ нагруженъ, а яхта «Урапія» съ грузомъ угля должна была встрѣтить насъ въ Югорскомъ проливѣ, то мы сочли за лучшее удовольствоваться уже имѣвшимся запасомъ, тѣмъ болѣе, что въ Вѣломъ морѣ и въ морѣ Баренца ²⁰⁾ можно было

²⁰⁾ В. Баренцъ—голландскій мореходъ XVI вѣка—отправился въ 1594 г. на двухъ судахъ для отысканія сѣверо-восточнаго прохода и 10-го іюля достигъ Новой Земли, подѣ

разсчитывать на дурную погоду. Въ 10 часовъ вечера подняли мы якорь и къ вечеру слѣдующаго дня прибыли въ Вардѣ, гдѣ намъ былъ устроенъ грандіозный пріемъ. Цѣлый оркестръ музыки на молѣ; фюрдъ полонъ лодокъ; убранство изъ флаговъ и салюты выстрѣлами. Какъ намъ сообщили, насъ поджидали уже наканунѣ вечеромъ; нѣкоторые прибыли даже изъ Вардѣ; чтобы посмотрѣть на насъ. При этомъ случаѣ была устроена даже подписка, чтобы доставить городскому оркестру «Сѣверный полюсъ» турецкій барабанъ. Прежде чѣмъ мы сказали послѣднее прости Норвегіи, въ честь насъ былъ устроенъ великолѣпный раугъ, на которомъ рѣчи и шампанское лились ручьями.

Послѣднею работою, посвященной «Фраму», была очистка судна отъ раковинъ и морскихъ растений, въ цѣляхъ достигнуть возможно быстрого плаванія. Эта работа была выполнена водолазами, любезно предоставленными въ наше распоряженіе начальникомъ порта. Наши собственные тѣла требовали также послѣдняго культурнаго очищенія, прежде чѣмъ начнется наша жизнь «стгарей». Помѣщеніе бани представляетъ низкую комнату, уставленную по стѣнамъ скамьями. Пару постоянно подбавляютъ, поливая водою горячіе камни въ большой печи. Молоденькія квенскія дѣвушки парятъ васъ березовыми вѣтвями, затѣмъ нѣжно разминаютъ члены, моютъ и обсушиваютъ. Вся эта процедура столько же чиста, сколько пріятна. Не примѣнилъ ли отецъ Магометъ такое устройство въ своемъ рабѣ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Прощаніе съ Норвегіей.

Въ странномъ настроеніи духа сидѣлъ я послѣднюю почъ и писалъ письма и телеграммы. Мы распрощались съ нашимъ превосходнымъ лоцманомъ Юганномъ Регензеномъ, который велъ насъ сюда изъ Бергена. Теперь на суднѣ остались только тринадцать участниковъ экспедиціи и мой секретарь Христоферзень, который долженъ былъ сопровождать насъ до Югорскаго Шара. Все было тихо; только перо царапало на бумагѣ послѣднее прости родинѣ и друзьямъ. Внизу всё улеглось и спали.

Накопецъ была готова послѣдняя телеграмма. Я послалъ моего секретаря съ телеграммами и письмами на берегъ. Когда онъ возвратился, было 3 часа

73° 25' с. ш. Отсюда онъ продолжалъ плаваніе вдоль западнаго и сѣвернаго берега острова, пока не былъ остановленъ льдами. Въ это же время Корнелисъ Най, на другомъ суднѣ, открылъ проливъ—Югорскій Шаръ. Въ 1595 г. Баренцъ отправился во вторую экспедицію и вынужденъ былъ зимовать на Новой Землѣ, гдѣ пятеро участниковъ, въ томъ числѣ и самъ Баренцъ, умерли отъ скорбута; остальные на двухъ лодкахъ достигли Мурманскаго берега, гдѣ были приняты голландскими судами. Въ 1871 г. норвежцы Югансенъ и Карлсенъ посѣтили то мѣсто на Новой Землѣ, гдѣ зимовалъ Баренцъ, и нашли его хижину, и въ ней разную утварь, книги и т. д., переданные впоследствии, какъ драгоценныя реликвіи, голландскому правительству. Въ честь Баренца—море около Новой Земли было названо его именемъ.

Прим. ред.

утра (21 июля). Я разбудил Свердрупа и двух других товарищей. Мы подняли якорь и оставили гавань Вардэ въ тихій утренній часъ. Городъ покоился еще въ глубокомъ снѣ. Все было такъ мирно и прекрасно кругомъ. Только слабый шумъ пробуждавшейся работы доносился съ единственнаго парахода, стоявшаго въ гавани. Когда мы проходили мимо мола, изъ одной лодки высунуль голову осовѣлый отъ сна рыбакъ, да на таможенномъ катерѣ стоялъ какой-то человекъ и удилъ рыбу въ ранній утренній часъ.

Было какъ разъ подходящее настроеніе для разлуки съ Норвегіей—мирное, тихое, дающее отдыхъ мыслямъ, далекое отъ оглушительнаго людскаго шума съ его громкими привѣтствіями и пушечными салютами. Мачты въ гавани, крыши домовъ и трубы въ городѣ тянулись къ прохладному утреннему небу. Солнце только-что прорѣзало туманъ и съ улыбкой освѣтило берегъ, скалистый, голый, почернѣвшій отъ дождей, но все-таки прекрасно выглядѣвшій изъ утренняго тумана. Кое-гдѣ видѣлись домики и суда, а за ними лежала вся Норвегія. Въ то время какъ «Фрамъ» медленно направлялся въ море, къ нашей далекой цѣли, я стоялъ и смотрѣлъ, какъ земля исчезала на горизонтѣ. Чего не можетъ случиться, прежде чѣмъ мы опять тебя увидимъ? Но скоро спустился туманъ и заволокъ собою все.

Среди тумана, непрерывно въ туманѣ, шли мы безостановочно цѣлыхъ четыре дня. Но когда я утромъ, 25-го іюля, вышелъ на палубу, погода проявилась. Міръ вокругъ былъ снова голубой, солнце сіяло съ безоблачнаго, голубого неба, и голубое, искристое море колебалось слабою зыбью. Снова было пріятно чувствовать себя человекомъ и наслаждаться прелестью морекой тишины.

Передъ полуднемъ увидѣли мы *Гусиную Землю* на *Новой Землѣ*. Приготовили ружья и патроны и уже радовались, что будемъ имѣть жаркое изъ гусей и другой дичи. Но когда мы были уже на небольшомъ разстояніи отъ берега, съ юго-востока надвинулся тяжелый, густой туманъ и покрылъ собою всю окрестность. Снова міръ исчезъ вокругъ насъ. Приближаться къ сушѣ при такихъ условіяхъ было едва ли благоразумно. Мы повернули поэтому и направились къ востоку, къ *Югорскому Шару*, но восточный вѣтеръ заставилъ насъ скоро крейсировать подъ парами и парусами, причемъ мы два дня провели въ совершенномъ туманѣ. О, этотъ безконечный упорный туманъ Ледовитаго океана! Когда онъ опускаетъ евой покровъ и закрываетъ синеву неба и моря, когда все кругомъ на цѣлые дни превращается въ сѣрый и мокрый туманъ, тогда требуется все напряженіе душевныхъ силъ, чтобы не быть задушеннымъ въ это влажно-холодныхъ объятіяхъ. Туманъ ложится на снасти и капаетъ на каждой точкѣ палубы; онъ осѣдаетъ на платье и промачиваетъ его насквозь, но онъ заволакиваетъ также настроеніе и чувство, и среди сѣраго все становится сѣро.

27-го іюля, вечеромъ, все еще среди тумана, мы совершенно неожиданно встрѣтились съ льдомъ, правда, на небольшомъ пространствѣ, черезъ которое легко прошли. Ночью мы натолкнулись на болѣе широкую полосу, которую, впрочемъ, тоже миновали. Но на слѣдующій день утромъ я былъ разбуженъ извѣстіемъ, что мы имѣемъ передъ собой тяжелый, старый ледъ. Гмъ... неужели затрудненія со льдомъ должны начаться уже теперь? Это было бы печально. Но къ

такимъ неожиданностямъ надо быть всегда готовымъ въ Ледовитомъ морѣ. Въ одно мгновѣніе я одѣлся и взлѣзъ въ бочку на мачтѣ. Ледъ простирался всюду, куда могъ проникнуть взоръ черезъ слегка порѣдѣвшій туманъ. Онъ былъ крѣпокъ, но сначала довольно рѣдокъ, и не оставалось ничего другого, какъ, согласно нашему лозунгу, двигаться «впередъ» (fram). Въ продолженіи долгаго времени мы пролагали себѣ путь, но затѣмъ ледъ сталъ становиться плотнѣе, и временамъ встрѣчались тяжелыя ледяныя глыбы. Плыть при большомъ скопленіи льда и въ туманъ неблагоразумно. Не знаешь, куда его несетъ, и легко можешь быть совершенно имъ окруженнымъ. Мы должны были остановиться и выждать. Но туманъ и ледъ становились все плотнѣе. Надежда то возрастала, то падала. То обстоятельство, что мы уже въ этомъ фарватерѣ, гдѣ въ данное время года море бываетъ обычно свободнымъ, встрѣтили такъ много льда, не предвѣщало ничего добраго. Уже въ Тромзѣ и Вардѣ нами были получены дурныя

извѣстія. Сообщали, что Бѣлое море только незадолго до того вскрылось ото льда, и что одно парусное судно, пытавшееся достигнуть Югорскаго Шара, должно было повернуть обратно изъ-за массы льдовъ.

Со страхомъ думали мы о Карскомъ морѣ; что могло насъ тамъ ожидать? Для «Ураніи» съ углемъ этотъ ледъ могъ представить во всякомъ случаѣ существенныя затрудненія;

она могла пройти развѣ только въ томъ случаѣ, еслибы нашла свободный проходъ южнѣе, вдоль русскаго берега.

Какъ разъ когда наши шансы находились въ наихудшемъ положеніи, и мы уже намѣревались предпринять обратный путь изъ дѣлающагося все плотнѣе и плотнѣе льда, Свердрупъ сообщилъ радостное извѣстіе, что туманъ проясняется и что впереди, на востокъ, можно различить свободное море по другую сторону льда. Дѣйствительно, пробившись въ теченіе нѣсколькихъ часовъ среди тяжелыхъ льдинъ, мы снова очутились въ открытомъ морѣ.

Уже здѣсь, при первой стылкѣ со льдомъ, мы могли убѣдиться, какъ превосходно приспособленъ «Фрамъ» для полярнаго плаванія. Управлять имъ среди тяжелаго льда доставляло истинное удовольствіе. Онъ извивался и вертѣлся, «какъ вѣлецъ на тарелкѣ». Ни одинъ каналъ между льдинами не оказывался для него слишкомъ извилистымъ, ни одна ледяная глыба не представляла непреодолимаго препятствія. Но для рулевого такое маневрированіе требуетъ боль-

Рис. 4. Первая встрѣча со льдомъ.

ливается потомъ, снова вертеть, причеъ рулевое колесо ходитъ какъ въ прялкѣ. А «Фрамъ» качается и извивается между ледяными глыбами, не касаясь ихъ, если только существуетъ малѣйшій для него проходъ. Гдѣ же такого прохода нѣтъ и судно наталкивается на ледъ, оно тяжелымъ ходомъ надвигаетъ свой острый киль и раздробляетъ глыбы пополамъ. А какъ проченъ «Фрамъ!» Даже налетая на ледъ полнымъ ходомъ, онъ не издастъ ни треска, ни звука, только немного дрожить.

Въ субботу (29 Юля) мы шли по прежнему на востокъ, къ Югорскому Шару со скоростью, какую только допускали паръ и паруса. Открытое море лежало передъ нами; была прекрасная погода при хорошемъ вѣтрѣ. Утромъ мы достигли южнаго конца острова *Долаго* или *Langöia*, какъ его зовутъ норвежскіе рыбаки, откуда мы должны были направиться къ сѣверу. У сѣверной стороны этого острова мы снова направились къ востоку. Я увидѣлъ здѣсь изъ бочки многіе острова, не обозначенные на картахъ. Для насъ было теперь очевидно, что «Уранія» не могла пройти среди льдовъ. Когда мы послѣ обѣда сидѣли въ салонѣ и разговаривали объ этомъ, раздался съ палубы крикъ, что видна яхта. Это была большая радость, но далеко не продолжительная. Скоро оказалось, что судно имѣетъ на мачтѣ бочку. Это было слѣдовательно промысловое судно. Замѣтивъ насъ, оно повернуло на югъ, можетъ быть изъ опасенія, что мы представляемъ изъ себя русскій военный крейсеръ. Мы не особенно имъ интересовались и предоставили ему уходить съ миромъ.

Позже, въ тотъ же день, мы приблизились къ Югорскому Шару. Мы все искали суши, но ничего не было видно. Проходилъ часъ за часомъ, мы быстро скользили впередъ; но земля все не показывалась. Правда, она не должна была быть высокой, но все-таки это казалося страннымъ.

Но вотъ впереди, у лѣваго борта показалась какъ будто низкая тѣнь надъ морскимъ горизонтомъ. Это земля, это островъ Вайгачъ! Скоро онъ сталъ больше, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ другой стороны, на югъ сталъ обрисовываться берегъ, выростая все больше и больше предъ нами. Все низкая, ровная земля; ни одной вершины, никакого разнообразія, кромѣ пролива передъ нами; отъ него по обѣ стороны къ сѣверу и югу берегъ тянется ровной, плоской, слегка волнообразной линіей. Это предверіе къ своеобразной, безконечной азіатской низменности. Такъ вошли мы въ проливъ, ограниченный съ обѣихъ сторонъ низкими скалистыми берегами. Пласты горныхъ породъ поставлены стоймя, сдвинуты и изогнуты, но тѣмъ не менѣе, на поверхности они всюду сглажены и выровнены. Странствуя по зеленой равнинѣ и тундрѣ, никто не въ состояніи и подозрѣвать этихъ сдвиговъ и изгибовъ въ слояхъ подъ покровомъ почвы. Гдѣ нѣбогда были горы и долины, теперь все сглажено и смыто ²¹⁾.

²¹⁾ По изслѣдованіямъ О. Н. Чернышева («Повоземельская экспедиція 1895 г., въ „Извѣстіяхъ И. Р. Географ. Общества“ 1896 г., в. 1), о-въ Вайгачъ и южная часть Новой Земли составляютъ непосредственное продолженіе хребта Пай-Хоя; складчатость здѣсь слѣдуетъ тому же сѣверо-западнему направленію, какъ и складчатость Пай-Хоя, Тимана и сѣверной окраины Кольскаго полуострова. Но, начиная отъ Безымянной губы къ сѣверу Новая Земля представляетъ иное направленіе складчатости, соответствующее собственно

Мы искали глазами Хабарова. На сѣверномъ берегу пролива увидѣли мы первую примѣту. На берегу лежала разбитая промысловая яхта, повидимому, норвежская. Обломки судна меньшихъ размѣровъ лежали рядомъ. На южной сторонѣ—шесть съ краснымъ флагомъ. За нимъ должно находиться Хабарово. Наконецъ изъ-за мыса выглянуло нѣсколько построекъ или амбаровъ; вскорѣ все мѣстечко лежало передъ нами съ чумами и немногими избами.

На небольшомъ выступѣ, всего ближе къ намъ, стояло большое красное зданіе съ бѣлыми дверными косяками, отсылавшееся чѣмъ-то родственнымъ. Это, дѣйствительно, былъ норвежскій амбаръ, перевезенный сюда Сибиряковымъ изъ Финмаргена. Но здѣсь было мелко, мы должны были подвигаться осторожно, чтобы не сѣсть на мель. Глубина не превышала 10—8 метровъ; это немногимъ больше, чѣмъ сколько намъ нужно. Затѣмъ глубина уменьшилась до 7 и 6 метровъ; это было уже очень мало. Мы должны были отойти подальше и выждать, покуда намъ удастся подойти ближе.

Вдругъ мы замѣтили, что отъ берега отошла лодка и стала медленно приближаться къ намъ. Человѣкъ средняго роста, съ открытымъ добродушнымъ лицомъ и золотистой рыжей бородой, взомель на нашу. Судя по наружности, его можно было принять за норвежца. Я вышелъ къ нему навстрѣчу и сказалъ по-нѣмецки, что онъ, вѣроятно, *Тронтеймъ*. Дѣйствительно, это былъ онъ. За нимъ появилось нѣсколько странныхъ фигуръ въ тяжелыхъ халатахъ или пѣскахъ изъ оленьихъ шкуръ. На головахъ у нихъ были своеобразныя, похожія на башлыки шапки изъ пыжиковыхъ шкурокъ, а изъ-подъ этихъ шапокъ выглядывали здоровыя бородатыя лица, которыя отлично могли бы принадлежать древнимъ норвежскимъ викингамъ; вообще весь ихъ видъ невольно напоминалъ картины изъ эпохи викинговъ, изъ ихъ странствій въ Гардарике и въ Біармию. Статные и brave люди были эти русскіе купцы, доставляющіе туземцамъ водку и вымѣнивающіе у нихъ медвѣжьи мѣха, тюленьи шкуры и другіе цѣнные продукты. Они держатъ тѣхъ, кто разъ попалъ въ ихъ лапы, въ такой отъ себя

Рис. 5. Александръ Ивановичъ Тронтеймъ.

эпохи и съ тѣхъ поръ она (и Вайгачъ) въ теченіе долгаго времени была лишь ареной денудационныхъ процессовъ (т.е. размыва и смыва), которымъ были обязаны своимъ появленіемъ и многочисленныя поперечныя долины, раздѣлившія всю систему мѣстныхъ кражей на отдѣльные горные массивы. Въ ледниковый періодъ вся эта область была покрыта сплошными льдами, а въ слѣдующую эпоху послѣдовало ея опусканіе, т.е. погруженіе подъ уровень Ледовитаго океана. Въ современный геологическій періодъ наблюдается обратное явленіе: Новая Земля подымается, ледники ея увеличиваются и въ будущемъ надо ожидать, что она вновь вся будетъ покрыта льдами.

Примѣч. ред.

зависимости, что послѣдніе едва ли могутъ что дѣлать, кромѣ того, что угодно купцамъ. «Старая и вѣчно новая исторія». Векорѣ вся палуба наполнилась и самоѣдами. Добродушныя, широкоскулыя лица азіатскаго типа, и конечно, только мужчины.

Первое, о чемъ я спросилъ Тронтейма, было насчетъ льда. Онъ сообщилъ, что Югорскій Шаръ уже давно освободился отъ льда и что онъ съ тѣхъ поръ со дня на день поджидаль насъ съ возрастающимъ опасеніемъ, что мы не придемъ. Туземцы и русскіе начали уже смѣяться надъ нимъ, такъ какъ время постепенно проходило и не было видно никакого «Фрама». За то теперь онъ весь сіялъ отъ удовольствія. Условія въ Карскомъ морѣ, по его мнѣнію, благоприятны, судя по рассказамъ самоѣдовъ, которые нѣсколько дней тому назадъ были на ловлѣ у восточнаго устья пролива. На это, конечно, нельзя было положиться, но во всякомъ случаѣ этого было достаточно, чтобы посѣтовать, отчего мы не пришли раньше. Затѣмъ дошла очередь до «Ураніи». Ея, конечно, никто не видалъ. Только промысловая яхта, встрѣченная нами утромъ, была здѣсь нѣсколько дней тому назадъ. Относительно собакъ мы узнали, что все обстоитъ наилучшимъ образомъ. Тронтеймъ на всякій случай купилъ сорокъ собакъ, хотя я просилъ всего о тридцати. Пять изъ нихъ покончили свое существованіе въ пути вслѣдствіе разныхъ причинъ; одна была до смерти искутана, двѣ слишкомъ крѣпко привязаны и затянулись во время проѣзда черезъ лѣсъ и т. д. Одна, кромѣ того, нѣсколько дней тому назадъ заболѣла и еще не поправилась; но остальные 34 живы и хорошіе экземпляры; мы могли слыпать, какъ онѣ выли и лаяли на берегу. Во время этого разговора мы настолько приблизились къ Хабарову, насколько это было возможнымъ, и въ 7 часовъ вечера (29 іюля) бросили якорь на глубинѣ приблизительно 7 метровъ.

За ужинкомъ Тронтеймъ рассказывалъ намъ свои приключенія. На пути отъ Сосвы и Урала къ Печорѣ онъ узналъ, что въ этой мѣстности появилась чума на собакахъ. Поэтому онъ не рѣшился продолжать свой путь до Печоры, какъ было предположено, но отправился прямо съ Урала къ Югорскому проливу. Наконецъ стаялъ снѣгъ и онъ продолжалъ свой путь съ собаками въ сопровожденіи каравана оленей по голой равнинѣ, черезъ пни и камни, но все-таки въ саняхъ. Самоѣды и вообще туземцы Сѣверной Сибири не знаютъ кромѣ саней иного экипажа. Лѣтнія сани нѣсколько выше, чѣмъ зимнія, во избѣжаніе опасности застрять на камняхъ и пняхъ. Само собой понятно, что подобная лѣтняя поѣздка идетъ не совсемъ гладко.

Послѣ ужина мы поѣхали на берегъ и векорѣ сдѣлались на Хабаровскомъ берегу предметомъ величайшаго любопытства со стороны русскихъ и самоѣдовъ. Прежде всего наше вниманіе остановили на себѣ двѣ церкви: старый почтенный деревянный срубъ, продолговатой, прямоугольной формы, и другой восьмиугольный, похожій на садовую бесѣдку, какія я видѣлъ на родинѣ. Первое зданіе было представителемъ старой, второе — новой вѣры. Затѣмъ мы осмотрѣли «скитъ», гдѣ жили, или лучше сказать, умерли шесть монаховъ — по словамъ моихъ провожатыхъ — отъ скорбута. Скитъ находился какъ разъ противъ новой церкви и походилъ на обыкновенную русскую избу. Въ настоящее время въ ней живетъ священникъ съ причтомъ, предложившій Тронтейму поселиться у

него. Тронтеймъ просилъ насъ войти. Мы размѣстились въ двухъ теплыхъ уютныхъ комнахахъ съ открытымъ очагомъ, похожимъ на нашъ норвежскій «Peis». Затѣмъ мы направились къ стоянкѣ собакъ, на поле, въ небольшомъ разстояніи отъ строеній и чумовъ. Вой и шумъ становились по мѣрѣ нашего приближенія все сильнѣе. Уже издали я былъ изумленъ при видѣ норвежскаго флага, развѣвавагося на концѣ мачты. Лицо Тронтейма сіяло отъ радости и гордости, когда мы замѣтили этотъ флагъ. «Моя экспедиція, — сказалъ онъ, — предпринята подъ тѣмъ же флагомъ, какъ и ваша». Собаки были крѣпко привязаны среди поля и выли и лаiali немилосердно. Многія изъ нихъ выглядели настоящими породистыми псами, — длинношерстныя, ослѣпительно бѣлыя, со стоячими ушами и острою мордой. Своимъ кроткимъ, добродушнымъ видомъ онѣ сразу снискали наше расположеніе. Другія болѣе походили на лисицъ и отличались болѣе

короткой шерстью; нѣсколько изъ нихъ было черныхъ и пестрыхъ. Новидимому, въ числѣ ихъ были представители нѣсколькихъ породъ, и нѣкоторыя, своими отвислыми ушами, выдавали сильную примѣсь европейской крови. Подивившись на то, съ какой жадностью онѣ пожирали сырую рыбу (fik), причемъ дѣло не обходилось безъ потасовки между сосѣдями, мы предприняли небольшую охотничью экскурсію внутрь страны, къ

Рис. 6. Новая и старая церковь въ Хабаровѣ.

находящемуся неподалеку озеру, но встрѣтили тамъ только одну чайку (*Lestris parasitica*) съ молодыми. Отъ этого озера былъ прокопанъ каналъ, проводившій воду для питья въ Хабарово. Его провели, какъ объяснилъ Тронтеймъ, монахи.

На холмѣ надъ моремъ стоялъ шестъ съ флагомъ, на который мы прежде всего обратили вниманіе при нашемъ прибытіи. Онъ былъ воздвигнутъ бравымъ Тронтеймомъ, чтобы насъ привѣтствовалъ. Какъ я впоследствии случайно открылъ, на вымпелѣ было изображено на нѣмецкомъ языкѣ: «Впередъ» (*Vortwärts*). Тронтейму сообщили, что таково было названіе нашего судна; онъ былъ поэтому сильно разочарованъ, когда узналъ, что истинное названіе судна «Фрамъ». Я однако утѣшилъ его, что смыслъ одинъ и тотъ же, и что привѣтствіе одинаково достигаетъ цѣли, выражено ли оно по-нѣмецки или по-норвежски. Впоследствии Тронтеймъ разсказалъ мнѣ, что онъ норвежскаго происхожденія. Его отецъ, капитанъ судна, былъ родомъ изъ Дронтейма; мать же его была прожи-

вавшая въ Ригѣ пѣмка. Отецъ отплавился въ море и преждевременно умеръ такъ что сынъ не научился по-норвежски.

Для насъ прежде всего было желательнo получить свѣдѣнія объ условіяхъ льда въ Ледовитомъ океанѣ. Мы рѣшились поэтому двинуться возможно скорѣе, но намъ нужно еще было предпринять очистку котла *) и исправить различныя трубки и клапаны, пришедшіе немного въ безпорядокъ. Для этого требовалось нѣсколько дней. Поэтому Свердрупъ, Педеръ Гендриксенъ и я поѣхали на слѣдующее утро, на маленькой керосиновой шлюпкѣ, по направленію къ восточному концу Югорскаго Шара, чтобы собственными глазами убѣдиться насчетъ состоянія льда на востокъ. До конца Югорскаго пролива было 4 мили. Съ востока несло черезъ проливъ немного льда, и, такъ какъ вѣтеръ былъ сѣверный то мы направились тотчасъ же къ сѣверу, къ берегу острова Вайгача, гдѣ скорѣе можно было рассчитывать найти свободный фарватеръ. На мою долю выпала неблагоприятная задача быть одновременно штурманомъ и машинистомъ. Шлюпка шла какъ юный богъ, со скоростью приблизительно шести морскихъ миль въ часъ. Все шло великолѣпно. Къ сожалѣнію, счастье рѣдко бываетъ продолжительнымъ, по крайней мѣрѣ, когда имѣешь дѣло съ керосиновой шлюпкой. Вслѣдствіе неправильности въ циркуляціонномъ насосѣ машина вскорѣ остановилась, и мы могли проѣхать только небольшое разстояніе, пока не достигли лежащей къ сѣверу земли, гдѣ я послѣ двухчасовой работы настолько привелъ машину въ порядокъ, что мы снова могли продолжать путь черезъ проливъ, по которому плыли ледяныя глыбы. Дѣло все-какъ шло, только по временамъ наступали перерывы, когда машина, по трудно объяснимымъ причинамъ, переставала дѣйствовать.

Издѣдка пролетали стаи дѣлѣхъ утокъ (*Harelda glacialis*) или другихъ птицъ и всякій разъ одна - двѣ падали жертвами нашихъ ружей. До сихъ поръ мы держались вдоль острова Вайгача, теперь мы повернули къ южной сторонѣ пролива. Приблизительно на серединѣ послѣдняго я, къ моему изумленію, внезапно убѣдился, что подъ нами видно дно, и лодка чуть не сѣла на мель. Глубина не достигала одного метра, и теченіе несло надъ этимъ мѣстомъ какъ бурный потокъ. Мели и подводныя скалы находятся здѣсь повсюду, въ особенности на южной сторонѣ Югорскаго Шара, а потому желающій пройти этотъ проливъ на суднѣ долженъ принимать особыя предосторожности.

Въ маленькой бухтѣ, недалеко отъ восточнаго конца пролива, мы пристали къ берегу и вытащили на него лодку. Затѣмъ съ ружьемъ за плечами мы направились внутрь страны, къ замѣченнымъ нами грядамъ холмовъ. Мы шли по такой же плоской, волнообразной равнинѣ съ невысокими грядами возвышенностей, каковую можно видѣть всюду въ окрестностяхъ Югорскаго пролива. По равнинѣ стелется коричневато-зеленый коверъ изъ мха и травы, вытканный цвѣтами замѣчательной красоты. Во время продолжительной, холодной сибирской зимы мощныя массы снѣга покрываютъ тундру. Еще солнце не справилось съ ними, а уже цѣлый міръ маленькихъ сѣверныхъ цвѣтовъ пробивается изъ подъ

*) Котелъ очищался отъ соли, осадившейся вслѣдствіе испаренія морской воды на днѣ котла.

последних исчезающих слоевъ снѣга и стыдливо раскрываетъ свои вѣнички краснѣя среди сіяющаго лѣтняго дня, который обливаетъ потоками свѣта безкочечную равнину. Крупные цвѣты кампеломокъ и желтовато-бѣлый полевой макъ (*Paraver nudicaule*) стоятъ рядомъ пышными кучками; тамъ и сямъ выглядываютъ голубыя незабудки и бѣлые цвѣты морошки; на отдѣльныхъ болотинахъ пушица простираетъ свой волнующійся пуховой покровъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ рошицами стоятъ голубыя колокольчики и качаются на своихъ тонкихъ черешкахъ. Все это невидные цвѣты,—немногіе изъ нихъ достигаютъ высоты нѣсколькихъ дюймовъ,—но тѣмъ милѣе они и въ этой обстановкѣ красота ихъ еще привлекательнѣе. Здѣсь, гдѣ взоръ тщетно ищетъ, на чемъ бы остановиться среди безконечной равнины, ему улыбаются робкія головки цвѣтовъ и привлекаютъ къ себѣ его вниманіе. Въ этихъ равнинахъ, простирающихся на безконечное пространство къ востоку, по обширнымъ тундрамъ Азіи, кочуетъ номады со стадами сѣверныхъ оленей. Прекрасная, свободная жизнь! Гдѣ ему задумается, тамъ онъ и разбиваетъ свой шатеръ; вокругъ него пасутся олени и, какъ только у него явится желаніе, онъ можетъ перекочевать на другое мѣсто. Я ему почти завидую,—нипачкой цѣли, никакихъ мукъ, только жить! Пожалуй, я желалъ бы быть на его мѣстѣ и, подобно ему, свободно вести спокойную жизнь съ женой и ребѣнкомъ въ этихъ безконечныхъ равнинахъ.

Пройдя немного дальше, замѣтили мы бѣлую фигуру, сидѣвшую на голомъ, каменистомъ склонѣ небольшого кряжа. Вскорѣ мы увидѣли и нѣсколько другихъ такихъ фигуръ. Тихо и неподвижно сидѣли онѣ, имѣя весьма таинственный видъ. Въ подзорную трубу мы узнали въ нихъ бѣлыхъ совъ. Немедленно предприняли на нихъ охоту, но дробь не причиняла имъ никакого вреда. Свердрупъ убилъ пару ихъ изъ винтовки. Онѣ встрѣчались здѣсь въ изумительномъ количествѣ; я могъ насчитать вокругъ себя восемь—десять штукъ. Ухая спокойно сидѣли онѣ на кочкахъ и камняхъ и, навѣрно, караулили неструшекъ (лемминговъ, земляныхъ мышей), которыя, судя по многочисленнымъ ходамъ въ землѣ, должны были водиться тутъ массамаи. Тѣмъ не менѣе, мы не видали ни одной.

Сверху съ холмовъ открывался видъ на сѣверо-востокъ, на Карское море. Въ зрительную трубу мы видѣли, что повсюду вдоль горизонта находился ледъ и притомъ довольно плотный; но между нимъ и берегомъ виднѣлась полоска свободной воды, въ широкомъ каналѣ, простиравшемся далеко къ юго-востоку.

Большаго мы и не могли узнать, да въ сущности этого было и довольно. Представлялось, но крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ, что пройти можно, и мы, довольные, возвратились къ лодкѣ. Здѣсь мы развели костеръ изъ наноснаго лѣса и сварили превосходный кофе. Всякій разъ, какъ котелъ начиналъ закипать надъ такимъ огнемъ, а мы располагались вокругъ и закуривали наши трубки,—Свердрупъ чувствовалъ себя въ своей стихіи; языкъ его тогда развязывался, и анекдотъ слѣдовалъ за анекдотомъ. Какъ бы печальна и пустынна ни была страна, только бы было достаточно наноснаго лѣса на берегу, чтобы можно было разложить порядочный костеръ—чѣмъ больше, тѣмъ лучше—и глаза его разгорались; это было его Эльдorado. Поэтому то влослѣдствіи ему и понравился такъ сибирскій берегъ. По его мнѣнію, это было самое надлежащее мѣсто для зимовки.

На возвратномъ пути мы полнымъ ходомъ налетѣли на подводную скалу;

лодка стукнулась раза два и соскользнула, но въ то самое мгновеніе, какъ она перевалилась на другую сторону, винтъ ударился о скалу, кормовую часть подбросило вверхъ и машина быстро повернулась; все это произошло менѣе, чѣмъ въ секунду. Къ несчастію, одно крыло винта оказалось отбитымъ; но мы, тѣмъ не менѣе, продолжали путь съ другимъ крыломъ. Дѣло шло не совсѣмъ гладко, но мы все-таки подвигались.

Подъ утро мы приблизились къ «Фраму» и проѣхали мимо двухъ самоѣдовъ, которые вытащили лодку на льдину и караулили тюленей. Я хотѣлъ бы знать, что они думали, видя, какъ мы проѣзжали въ маленькой лодкѣ безъ пара, парусовъ и веселья. А мы сами, пролетѣвъ мимо, смотрѣли на этихъ «обѣдныхъ дикарей» съ самодовольнымъ состраданіемъ европейцевъ. Но высокомеріе ведетъ къ надеждѣ. Не успѣли мы отѣхать, какъ вдругъ—трррр...—ужасное зрѣлище! Куски разломанной стальной пружины пролетѣли мимо моихъ ушей. Лодка ни съ мѣста, ни впередъ, ни назадъ. Вслѣдствіе толчковъ однокрылатого винта лишь отъ лота занутался въ маховомъ колесѣ, въ одно мгновеніе былъ втянутъ машиной и опуталъ ее такъ основательно, что потомъ потребовалось ее разобрать, чтобы привести снова въ порядокъ. Мы должны были смиренно возвратиться на веслахъ къ нашему гордому судну, уже давно манчившему насъ своими горшками съ мясомъ.

Добычей дня были относительно благопріятныя извѣстія о Карскомъ морѣ, запасъ дичи, преимущественно гусей и утокъ, одинъ тюлень—и неспособная къ плаванію лодка. Последняя, однако, была приведена Амундzenомъ и мною снова въ полный порядокъ. При этомъ случаѣ я, къ сожалѣнію, навсегда потерялъ мой престижъ у мѣстныхъ русскихъ и самоѣдовъ. Кое кто изъ нихъ были передъ обѣдомъ у насъ на палубѣ и видѣли, какъ я работалъ въ одной рубашкѣ, съ лицомъ и руками, запачканными масломъ и грязью. Вслѣдствіи они явились къ Тронштейму и заявили, что невѣроятно, чтобы я былъ большой баринъ, такъ какъ я изъ всѣхъ силъ тружусь на палубѣ какъ всякій другой рабочій и выгляжу хуже бродяги. Тронштеймъ не могъ, къ несчастію, привести ничего въ мое оправданіе; противъ фактовъ спорить было нельзя.

Вечеромъ нѣкоторые изъ насъ сошли на берегъ, чтобы испробовать собаку. Тронштеймъ выбралъ изъ нихъ десять штукъ и запрягъ ихъ въ самоѣдскія нарты. Но только что мы приготовились и я усѣлся, какъ животныя замѣтили приближеніе несчастнаго чужака, и вся собачья стая, вмѣстѣ съ моей дражайшей особой и санями, понеслась на это существо. Произошла ужасная сцена. Какъ дикіе волки, бросились всѣ десять на одну, кусали и рвали ее изъ всѣхъ силъ; кровь лилась ручьями, а грѣшникъ былъ самымъ жалкимъ образомъ, въ то время какъ Тронштеймъ бѣгалъ вокругъ и билъ длинными палками направо и налево. Со всѣхъ сторонъ сѣжались съ криками самоѣды и русскіе. Я самъ сидѣлъ въ качествѣ зрителя въ саняхъ, нѣмой отъ ужаса, и прошло немало времени, прежде чѣмъ я догадался, что и для меня, пожалуй, найдется дѣло. Съ крикомъ бросился я на нѣсколько самыхъ крупныхъ забіякъ, схватилъ ихъ за шиворотъ и далъ такимъ образомъ грѣшнику время подняться и убѣжать.

Во время этой баталіи наша упряжь спуталась, и не мало потребовалось времени для того чтобы снова привести ее въ порядокъ. Наконецъ все было

готово. Тронтгеймъ ударилъ кнутомъ, закричалъ: *пrr, пrr*, и мы помчались по травѣ, глинямъ и камнямъ, до тѣхъ поръ пока намъ не стала угрожать опасность попасть въ лагуну при устьѣ рѣчки. Я уперся ногами и старался всѣми силами удержатъ животныхъ, но они тащили меня за собой. Съ большимъ трудомъ удалось Тронтгейму и мнѣ, соединенными силами удержатъ собакъ, какъ разъ въ ту минуту, когда онѣ намѣревались погрузиться въ воду, хотя мы и кричали всѣмъ горломъ «*sass, sass*» (стой, стой), такъ что крики разносились по всему Хабарову. Наконецъ намъ удалось направить нашу свору въ другую сторону и мы помчались такъ быстро, что мнѣ стоило не малаго труда держаться. Это была удивительная лѣтняя поѣздка и мы почувствовали уваженіе къ силѣ собакъ, видя съ какою легкостью онѣ тащили насъ двухъ по этой, вѣжливо выражаясь, плохой дорогѣ. Довольные возвратились мы на судно, обогащенные новымъ опытомъ, что ѣзда на собакахъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, требуетъ порядочнаго терпѣнія.

Сибирская собачья упряжка удивительно примитивна; всего лишь веревка или ремень изъ парусины вокругъ спины и брюха животнаго. Вверху веревка укрѣпляется бичевкой, соединенной съ ошейникомъ. Постромка прикрѣплена подъ брюхомъ и проходитъ назадъ между ногами; она, несомнѣнно, часто затрудняетъ животныхъ. Когда я узналъ, что всѣ собаки, за исключеніемъ четырехъ, кастрированы, я былъ неприятно пораженъ и не скрывалъ своего изумленія. Но Тронтгеймъ по крайней мѣрѣ столько же былъ удивленъ мною; онъ объяснилъ мнѣ, что въ Сибири кастрированные собаки считаются лучшими *). Это разстроивало мои расчеты, такъ какъ я надѣялся на приращенія семейства во время плаванія. Мнѣ оставалось возложить надежду на четырехъ кобелей и привезенную мною суку «Квикъ».

На другой день (1-го августа) въ Хабаровѣ былъ большой церковный праздникъ, Ильинъ день. Самоблѣ изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ прибыли на оленяхъ, чтобы почтить праздникъ, сходить въ церковь и затѣмъ напиться до полусмерти. Намъ потребовались передъ обѣдомъ люди, чтобы помочь наполнить котелъ и бочки свѣжей водой; но по случаю праздника трудно было найти даже одного человѣка. Наконецъ, обѣщаніемъ значительнаго вознагражденія Тронтгейму удалось собрать нѣсколько бѣдняковъ, которымъ не хватило напиться такъ, какъ требовалъ подобный праздникъ. Утромъ въ этотъ день я сошелъ на берегъ, отчасти чтобы уладить дѣло о снабженіи водой, отчасти чтобы собрать окаменѣлости, въ боцманомъ изобилии встрѣчавшіяся въ почвѣ, въ особенности на мысу, ниже амбара Сибирякова. Затѣмъ я отправился на холмъ, гдѣ находилась фляга Тронтгейма, и сталъ высматривать на западъ въ морѣ «Уранію», но ничего не было видно кромѣ непрерывной морской линіи. Съ богатыми находками возвратился я въ Хабарово, гдѣ, конечно, воспользовался случаемъ посмотрѣть на празднество.

Уже съ ранняго утра появились женщины въ лучшихъ нарядахъ. Яркіе цвѣта, платья съ многочисленными складками и сборками, косы, спускающіяся

*) Вслѣдствіе тренія о постромку, кобели легко подвергаются орхитису.

**) „Квикъ“ представляла изъ себя помѣсь эскимосской и ньюфаундлендской собаки, рожденную во время датской экспедиціи въ восточную Гренландію, бывшей подъ начальствомъ лейтенанта Ридера. Ридеръ подарилъ мнѣ ее, и она оказалась отличной упряжной собакой.

низко по спишь и украшенныя большими цвѣтными бантами. Передъ крестнымъ ходомъ старый самоѣдь и молодая стройная дѣвушка привели тощаго оленя, предназначеннаго въ жертву церкви, т.-е. старой церкви. И здѣсь сказанъ расколь; почти все самоѣды этой мѣстности принадлежатъ старой вѣрѣ и ходятъ въ старую церковь. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они посѣщаютъ изрѣдка и новую церковь, насколько я могъ понять, для того чтобы не огорчить священника и господина Сибирякова. Или, быть можетъ, это дѣлается для того, чтобы вѣрнѣе обезпечить себѣ царствіе небесное?

Сегодня былъ большой праздникъ въ обѣихъ церквяхъ. Все самоѣды заходили сначала въ новую церковь, чтобы затѣмъ устремиться въ старую. Правда, тамъ у нихъ нѣтъ священника, но сегодня они сложились и предложили священнику новой церкви два рубля за совершеніе богослуженія въ старой церкви,—предложеніе, которое и было принято послѣ зрѣлаго размышленія. Въ полномъ священническомъ облаченіи духовное лицо переступило порогъ старой церкви. Однако воздухъ тамъ былъ настолько испорченъ, что я не могъ выдержать болѣе двухъ минутъ и предпочелъ возвратиться на судно. Послѣ обѣда начался шумъ и крикъ, и мало-по-малу становился все сильнѣе. Легко можно было уѣдаться, что началась самая серьезная часть праздника. Нѣсколько самоѣдовъ, словно бѣшеные, мчались на своихъ оленяхъ взадъ и впередъ по равнинѣ. Они не могли уже сидѣть въ саняхъ, а лежали или волочились езади, и только орали. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей были на берегу и сообщили мнѣ мало назидательныя свѣдѣнія о состояніи населенія. Мужчины и женщины были безъ исключенія все пьяны и шатались съ мѣста на мѣсто. Въ особенности одинъ молодой самоѣдь оставилъ неизгладимое впечатлѣніе. Онъ уѣлся въ сани, ударилъ по оленямъ и сталъ ѣздить какъ сумасшедшій между чумами, поперекъ привязанныхъ собакъ, лисицъ и всего, что ни попадалось на его пути; затѣмъ онъ скатился съ саней, съ димомъ во всемъ повисъ на упряжномъ ремнѣ и волочился по песку и глинѣ.

Въ утру шумъ сталъ постепенно стихать; все мѣстечко спало спомъ пьянаго. На слѣдующій день нельзя было найти никого для переноски угля; большинство спало весь день послѣ ночной попойки. Мы вынуждены были обойтись собственными силами, но къ вечеру еще не управились, и я начинать испытывать нетерпѣніе. Дорогое время проходило. Разсчитывать на «Уранію» я пересталъ уже давно. Да намъ и не нужно было больше угля. Вътеръ уже нѣсколько дней какъ стоялъ благоприятный. Это былъ южный вътеръ, несомнѣнно отблѣсающій ледъ на сѣверъ въ Карское море, Свердрупъ былъ вполне увѣренъ, что намъ удастся проѣхать до Ново-Сибирскихъ острововъ; въслѣдствіе этого, полагалъ онъ, нѣтъ основанія торопиться. На надежду однако нельзя полагаться и мои ожиданія не были столь санвиничны. Я торопился къ возможно скорому отъѣзду.

За ужинкомъ мы торжественно передали Тронтеггейму золотую медаль, установленную королею Оскаромъ за заслуги, въ награду за заботливость, съ которой онъ выполнилъ свою нелегкую задачу, и за существенную поддержку, оказанную тѣмъ экспедиціи. Его честное лицо сіяло отъ удовольствія при взглядѣ на красивую медаль на цвѣтной шелковой лентѣ.

На слѣдующій день (3 августа) мы были наконецъ готовы къ отъѣзду; послѣ обѣда съ большимъ гамомъ были доставлены на бортъ 34 собаки. Онѣ были все привязаны на палубѣ и первое время постарались доставить намъ болѣе музыкальнаго развлечения, чѣмъ это могло быть намъ приятно.

Вечеромъ наступила наконецъ часть разлуки. Машинна была растоплена, все было готово. Но спустился такой густой туманъ, что мы не могли видѣть берега. Наступила затѣмъ минута, когда нашъ послѣдній другъ Христоферзенъ долженъ былъ покинуть судно. Мы снабдили его необходимыми съѣстными припасами и небольшимъ количествомъ шива. Во время этихъ приготовленій, мы съ лихорадочной посѣпшиностью писали послѣднія письма на родину. Затѣмъ послѣднее рукопожатіе, онъ и Тронтгеймъ спустились въ лодку, и скоро исчезли въ туманѣ. Съ ними пошла домой послѣдняя почта; съ ними же разрывалась послѣдняя связь съ родиной и культурой.

Совершенно одни остались мы въ морѣ тумана. Съ этой минуты едва ли могло придти въ Свѣтъ какое либо извѣстіе о насъ прежде, чѣмъ мы сами сообщимъ о нашей удачѣ или неудачѣ. Сколько времени, сколько опасней предстоило пережить до тѣхъ поръ оставшимся дома? Правда, представлялась еще возможность послать письмо съ устья Оленека, куда, по уговору съ барономъ Толлемъ, намъ предстояло зайти за добавочными собаками, но я не считалъ этого вѣроятнымъ. Лѣто было уже на исходѣ, и я предчувствовалъ, что условія льда будутъ не такъ благоприятны, какъ это было бы желательнымъ.

Путешествіе Тронтгейма.

Александръ Ивановичъ Тронтгеймъ сообщилъ самъ о своемъ продолжительномъ и трудномъ путешествіи съ собаками, въ «Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ». Его разсказъ, съ его словъ, былъ записанъ г. Крыловымъ и затѣмъ перепечатанъ въ „Извѣстіяхъ И. Р. Географическаго Общества“ за 1893 годъ. Я привожу здѣсь краткое изъ него извлеченіе. Послѣ того, какъ былъ заключенъ контрактъ съ барономъ Толлемъ, Тронтгеймъ уже 28 января (16 января рус. стили) былъ въ Березовѣ, гдѣ въ это время происходилъ сборъ ясака (подати—мѣхами) и гдѣ поэтому было большое сборище остяковъ и самоѣдовъ. Тронтгеймъ воспользовался этимъ и купилъ 40 отборныхъ ѣздовыхъ собакъ. Съ ними онъ отправился въ село Мужей, гдѣ сталъ собираться въ «очень долгій путь»; сборы заняли время до 16 апрѣля. Тронтгеймъ заготовилъ около 300 пудовъ корма для собакъ, особенно сушеной рыбы, и подрядилъ зырянина Терентьева—доставить его съ собаками и кладью, съ помощью стада оленей въ 450 головъ, къ Югорскому Шару. Три мѣсяца шли они съ ихъ караваномъ, съ оленями, собаками, женами и дѣтьми по пустыннымъ мѣстностямъ сѣверной Сибири. Сначала пришлось пересечь Уральскіе горы. «Выѣздъ изъ Мужей послѣдовалъ 4 (16) апрѣля. Собаки были привязаны къ нартамъ по 4 штуки. Экспедиція двигалась довольно быстро. Въ теченіе дня дѣлали не болѣе двухъ приваловъ: на время обѣда и ночи. Зыряне-оленеводы ѣхали на кочевку со своими семьями, а потому вечеромъ, при остановкахъ, ставились чумы, разводился огонь и варились пища какъ людямъ, такъ и собакамъ. Затѣмъ весь станъ засыпалъ, предоставляя собакамъ караулить оленей.

Рано утромъ, когда при началѣ пути еще можно было различать, когда кончается ночь и начинается день, зыряне, при помощи тѣхъ же собакъ, собирали въ кучу оленей, быстро снимали чумы и вновь двигались. Это была скорѣе кочевка, чѣмъ путешествіе: двигались не прямо къ цѣли, а огибая большія пространства, и останавливались не тамъ, гдѣ хотѣлось, а тамъ, гдѣ было удобно для оленей и гдѣ послѣдніе могли найти себѣ мохъ.

«Изъ села Мужей экспедиція шла по р. Войкару до его вершины, а съ вершины стала подниматься на Уральскій хребетъ, черезъ проходъ Хайла. Переваливая черезъ хребетъ, она старалась идти у подошвъ горъ, не поднимаясь на нихъ. Это хотя и удлиняло путь, но сбѣжить вообще не было надобности; удобовошь, къ этому времени вершины горъ уже очистились отъ снѣга и слѣдовать по нимъ на нартахъ было бы крайне затруднительно.

«На сѣверномъ Уралѣ замѣчается вообще противоположность его южнымъ горамъ: тамъ снѣгъ быстро таетъ внизу, оставаясь на вершинахъ горъ, здѣсь же наоборотъ,—вершины горъ освобождаются прежде, чѣмъ лучи солнца проникнуть въ долины. Въ нѣкоторыхъ долинахъ, особенно защищенныхъ съ юга отрогами и болѣе открытыхъ для сѣверныхъ вѣтровъ, снѣгъ не сходитъ въ теченіе всего лѣта.

«Переваливъ за Уралъ, путники шли сначала по р. Лембѣ, а потомъ, переправившись черезъ нее, по цѣлой системѣ небольшихъ рѣчекъ, названія которыхъ не могъ сказать ни одинъ зырянинъ. Наконецъ, 22 апрѣля экспедиція дошла до р. Усвы (вѣроятно Усы), на которой расположена изба зырянина Никитцы.

«Изба зырянина Никитцы (или Никиты), много лѣтъ поселившагося здѣсь и устроившаго ее себѣ вмѣсто чума для зимы, является единственнымъ жилымъ пунктомъ на громадномъ пространствѣ, измѣряемомъ сотнями верстъ. На этомъ пространствѣ лишь изрѣдка можно встрѣтить кочующихъ зырянгъ и еще рѣже забреднаго по прихоти оленей самоѣдина.

«Необходимо замѣтить, что, приближаясь къ избѣ Никитцы, путешественники съ большимъ трудомъ перешли р. Усву, благодаря образовавшимся на ней отъ оттепелей ледянымъ мѣстамъ. Въ тундрѣ снѣгъ былъ еще очень глубокой, но вслѣдствіе оттепелей и почныхъ холодовъ образовалась гололедица, что замедляло путь и представляло трудность оленямъ добывать пищу. Поэтому было рѣшено, чтобы не изнурять оленей, остаться близъ избы Никитцы недѣли двѣ.

«На всемъ протяженіи, отъ верховьевъ Войкара до р. Усвы и далѣе, растетъ лѣсъ, въ которомъ преобладаетъ ель; иногда же встрѣчаются лиственница, низкорослая сосна и изрѣдка береза. Особеннаго вниманія заслуживаетъ тонкая и крѣпкая ель,—одно изъ полезныхъ деревьевъ для сѣвернаго населенія. Она рѣдко достигаетъ здѣсь значительной толщины, хотя иногда и довольно высока; растетъ же, благодаря неблагоприятнымъ климатическимъ условіямъ и почвѣ, очень медленно.

«Съ р. Усвы до р. Воркуты и еще нѣсколько далѣе Тронтгеймъ съ спутниками шель тоже лѣсомъ, который росъ въ изобиліи. Къ средній май по мѣрѣ того, какъ караванъ подвигался далѣе въ тундру, лѣсъ становился все мельче и мельче и 15 (27) мая сѣнился совершенно мелкимъ перелѣскомъ. Здѣсь лѣсъ

переходить въ кустарники, растущіе мѣстами зарослями, и начинается настоящая необозримая тундра. Чтобы при вступленіи въ тундру не остаться безъ топлива, въ лѣсу было нарублено и набрано валежника и другого сухого лѣса восемь нартъ. 16 (28) мая лѣсъ окончился совершенно и путники вступили въ настоящую тундру; но дорогѣ изрѣдка лишь попадались небольшіе кустарники, которые чѣмъ дальше, тѣмъ становились рѣже и меньше. Мѣстность была гористая. На вершинахъ горъ снѣгъ стоялъ совершенно, въ оврагахъ же и у подошвы было его еще довольно. Старались идти низменностями, что было легче для оленей.

«Двинувшись далѣе 17-го мая, караванъ Тронштейма пошелъ довольно быстро, такъ какъ зыряне старались скорѣе пройти мѣсто, гдѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, пало цѣлое стадо оленей. Такія мѣста всѣ оленеводы хорошо знаютъ и стараются ихъ обойти, такъ какъ на нихъ олени легко могутъ заразиться. Находя кости своихъ собратьевъ, олени грызутъ ихъ и получаютъ заразу. Не дай Богъ, если стадо постигнетъ это несчастье: болѣзнь быстро переходитъ отъ одного оленя къ другому, и въ одинъ день уноситъ десятки головъ.

«Чѣмъ далѣе шелъ караванъ, тѣмъ меньше и меньше становился запасъ дровъ, приходилось набирать мелкій кустарникъ и, подложивъ подъ него нѣсколько сухихъ полѣнъ, бывшихъ въ запасѣ, разводилъ костеръ; на немъ съ трудомъ можно было вскипятить воду и приготовить пищу. Погода въ теченіе всего мая стояла сырая, туманная; за все время пребыванія Тронштейма за Ураломъ выдалось только два-три хорошихъ дня. Но увѣренію зырянъ, погода въ этой мѣстности весной и лѣтомъ бываетъ лучше.

«Въ мѣстности этой много болотъ, или, скорѣе, всѣ низменности представляютъ одно сплошное болото. Мѣстами присутствіе его было очень ощутительно: приходилось идти на четверть въ водѣ; такъ, 24-го мая (5 іюня) весь день брели по водѣ, боясь, что собаки простудятся. 25-го мая (6 іюня) дулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ. Ночью былъ сильный морозъ, такъ что замерзли два молодыхъ оленя, да, кромѣ того, три такихъ же оленя были похищены изъ стада волками. На слѣдующій день морозъ увеличился: снѣгъ подъ копытами оленей уже не проваливался. Утромъ караванъ достигъ небольшой рѣчки, впадающей въ Каратайку; названія рѣчки зыряне не знали, но она была очень быстра, почему и пришлось искать удобнаго перехода, который найденъ былъ только къ вечеру. На слѣдующее утро, при помощи жердей, снятыхъ съ чума, и досокъ, тутъ устроенъ былъ мостъ, по которому караванъ и перебрался на другой берегъ благополучно. Это было недалеко отъ верховьевъ Каратайки.

«Слѣдуя далѣе, Тронштеймъ вскорѣ встрѣтилъ нѣсколько самоѣдовъ, кочевавшихъ въ этой мѣстности. Разказывая о своей кочевкѣ прошлаго лѣта, самоѣды сообщили ему, что на устьѣ Кары, верстахъ въ 40 отъ Карскаго моря, въ срединѣ прошлаго лѣта, обсохъ и погибъ неизвѣстно какъ зашедшій въ рѣчку китъ, имѣющій въ длину сажень до десяти. Самоѣды никогда не видали такого чудовища. Они топоромъ отрубили у него хвостъ, нашли много жиру, но не знали, что дѣлать съ нимъ далѣе. Къ концу лѣта труниъ началъ разлагаться и покрывался червями. Киты вообще весьма рѣдко заходятъ въ Карское море, а потому самоѣды не умѣютъ извлекать изъ нихъ выгоду.

«Переправившись черезъ верховья Воркуты, караванъ 2-го іюня дошелъ до Балбинскаго озера, одного изъ самыхъ большихъ и глубокихъ въ тундрѣ. Не смотря на іюнь мѣсяць, на немъ былъ еще довольно крѣпкій ледъ, по которому караванъ осторожно перешелъ на другую сторону. Изъ Балбинскаго озера вытекаютъ двѣ рѣчки: Сыльва, впадающая въ Усву, и Кара, оканчивающаяся въ Карскомъ морѣ. По разсказу одного самоѣда, встрѣтившагося Тронштейму за Балбинскимъ озеромъ, съ р. Печоры можно безъ труда попадать рѣчками въ Карское море: рѣки Усву и Кару въ одномъ мѣстѣ раздѣляетъ волокъ не болѣе 15—18 сажень. Этимъ путемъ иногда и пользуются самоѣды при рыболовствѣ, во время кочевокъ.

«5-го (17) іюня встрѣтились съ однимъ торгующимъ зырянникомъ оленеводомъ, у котораго купили двѣ бутылки вина по 70 коп. за бутылку. Встрѣча, по обыкновенію, носила очень дружелюбный характеръ и закончилась обоюднымъ угощеніемъ. Въ тундрѣ вообще видно простымъ взглядомъ на очень большое разстояніе, и зоркіе глаза зырянника за десятокъ верстъ различаютъ другое стадо или дымокъ изъ чума, свидѣтельствующій о жителяхъ. Поэтому ни одинъ кочевникъ, замѣтивъ за десять-двадцать верстъ присутствіе другого человѣка, не пропуститъ случая побывать у него въ стану и поговорить и угоститься чаемъ, а тѣмъ болѣе водкой. На другой день встрѣчи, 6-го (18) іюня, въ станъ пріѣхало на четырехъ партахъ нѣсколько человѣкъ самоѣдовъ, узнавшихъ о пребываніи каравана. Самоѣдовъ угостили чаемъ. Разговоръ, происходившій по-самоѣдски, касался здоровья оленей, пройденнаго пути, дороги къ Югорскому Шару. Когда всѣ немногочисленные новости тундры были исчерпаны, самоѣды отправились обратно.

«Вдали видны уже были отроги Малаго Урала, до которыхъ караванъ шелъ болѣе трехъ дней. Этотъ путь былъ затруднительнымъ: не было топлива, и мохъ попадался очень рѣдко; оленей кое-какъ прокармливали прошлогоднею травой, росшей также не особенно въ большомъ количествѣ. На пути встрѣчалось много рѣчекъ и озеръ, ледъ на которыхъ еще не стаялъ, а потому и можно было переходить черезъ нихъ безопасно. Добхавъ до Малаго Урала, караванъ старался идти по долинамъ между горъ, гдѣ былъ еще глубокій снѣгъ. Охота въ горахъ была очень хорошая и въ ней приняли участіе и зыряне. Особенно много было утокъ и гусей.

«Начиная съ начала іюня, почти до 16-го числа караванъ не встрѣчалъ обильнаго корма для оленей; приходилось довольствоваться немногимъ. Между тѣмъ время шло быстро, для Тронштейма скоро долженъ былъ наступить срокъ явки на Югорскій Шаръ, а потому приходилось идти ускоренно, что, при болѣе чѣмъ 40 партахъ и 450 оленяхъ, не считая телятъ, дѣлать было трудно. Приходилось разбить караванъ надвое, оставить женъ, дѣтей и весь домашній скотъ и двинуться налегкѣ, захвативъ лишь ницу. Сдѣлать это раздѣленіе можно было лишь въ мѣстности, въ которой былъ мохъ въ количествѣ, могущемъ дать ницу для оленей на одинъ мѣсяць. Такое мѣсто и было встрѣчено 16-го (28) іюня. Въ этотъ день караванъ раздѣлился: на мѣстѣ осталось 30 партъ, чумъ и т. н., а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ женщины и дѣти, которыя должны были кочевать здѣсь и черезъ двѣ-три недѣли притти на то же мѣсто; мужчины же зыряне, вмѣстѣ съ Тронштеймомъ, взявъ десять партъ, отправились далѣе.

«Утромъ 24-го іюня (6 іюля) Тронтгеймъ замѣтилъ, что караванъ сильно уклонился отъ должнаго направленія. Чтобы совершенно не сбиться съ пути, на легкихъ нартахъ былъ посланъ для осмотра дороги работникъ, встрѣтившій верстахъ въ пяти-шести чиновника Архангельской губернии, вѣдвшаго для разбора самоѣдскихъ дѣлъ, который сказалъ, что до Кары всего 40 верстъ. Когда возвратился развѣдчикъ, караванъ двинулся дальше. Чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе становилось ѣхать: слѣгу было мало, мѣстами же была голая земля или камень.

«27-го іюня (9 іюля), чтобы обозрѣть окрестности, путешественники на двухъ легкихъ нартахъ поднялись на высокую гору, съ вершины которой увидѣли на сѣверѣ открытое море. Какъ Тронтгеймъ, такъ и зыряне были очень довольны скорымъ окончаніемъ пути.

«Отправившись на слѣдующій день въ путь, караванъ скоро увидѣлъ небольшую церковь и нѣсколько чумовъ. Это оказалось Сибиряковское селеніе, отстоящее отъ Хабарова въ 5-ти верстахъ. Въ полночь 28-го іюня (10 іюля) караванъ прибылъ и къ горѣ Хабарова. Зыряне на другой же день были разчитаны и отпущены. По разспросамъ оказалось, что въ Югорскій Шаръ никакого парохода и судна нынѣ еще не заходило. Въ это время весь берегъ Югорскаго Шара и море на необозримое пространство было покрыто льдомъ, нанесеннымъ сюда сѣверными вѣтрами. Только къ 10-му (22) іюля море очистилось совершенно.

«Въ ожиданіи прихода парохода Грамъ Тронтгеймъ короталъ время въ охотѣ и уходѣ за своими собаками, которыя находились въ прекрасномъ состояніи. Нередко Тронтгеймъ бывалъ и въ Сибиряковскомъ селеніи, которое является сборнымъ пунктомъ для окрестныхъ самоѣдовъ, собирающихся сюда въ значительномъ числѣ, чтобы сдать свои товары. Невеселую картину приходится видѣть въ этомъ маленькомъ, заброшенномъ на край свѣта селеніи. Сюда ежегодно лѣтомъ, въ большинствѣ случаевъ изъ Нустозерска, пріѣзжаютъ 2—3 приказчика или торгующіе крестьяне-кулаки для того, чтобы скупить у пріѣзжающихъ самоѣдовъ и частью зырянъ медвѣжьи шкуры, пернечье сало и кожу, оленины шкуры и т. п. товары. Торговля идетъ мѣшковая на чай, сахаръ, [муку, домашнюю утварь и т. п. Ни одна купая и продажа не обходится безъ водки, до которой самоѣды большіе охотники. Подшювъ бѣднаго дикаря, кулакъ безиреяетственно обираетъ его, покупая у него все за безцѣнокъ. Въ концѣ сдѣлки оказывается, что самоѣдъ остается должнымъ своему благодѣтелю. Водкой торгуютъ все пріѣзжающіе въ селеніе торговцы, и потому все лѣто здѣсь происходитъ страшное пьянство. Какъ великъ расходъ на вино, можно судить потому, что винными боченками уставленъ цѣлый амбаръ. Никакого надзора за торговлею здѣсь нѣтъ, да трудно его и организовать. Зимой, когда установится санный путь, изъ Сибиряковскаго селенія отправляются на оленяхъ караваны съ товарами, кушечными у самоѣдовъ, и пустыми винными боченками.

«18-го (30) іюля Тронтгеймъ съ берега увидѣлъ сначала дымъ, за которымъ вскорѣ показался пароходъ. Не было никакого сомнѣнія, что это давно ожидаемый Грамъ. Тронтгеймъ на маленькой самоѣдкой лодочкѣ поѣхалъ навстрѣчу и, подплывая къ пароходу, закричалъ по-русски, чтобы его взяли на палубу. Съ парохода спросили, кто онъ, и, когда онъ назвалъ свое имя, его приняли на палубу. Здѣсь

его встрѣтилъ самъ Хансенъ, одѣтый въ замазленную рабочую куртку; Хансенъ совѣтъ еще молодой человѣкъ невысокаго роста. Каждое его движеніе и слово говорятъ объ энергіи, силѣ воли и стойкости. Его обращеніе съ подчиненными, подобранными молодецъ къ молодцу, отличается задумчивостью и любовью. По-видимому, это одна семья, соединенная одною идеей, страстно стремящаяся къ ея осуществленію. Весь тяжелый, черный трудъ раздѣленъ между экипажемъ поровну и тутъ уже нѣтъ различія между простымъ рабочимъ-матросомъ, капитаномъ и самимъ начальникомъ экспедиціи, подающимъ всегда и во всемъ при-мѣръ. Въ общей работѣ участвуетъ и докторъ, и этотъ общій трудъ является связующимъ звеномъ всего экипажа. Такія отношенія между экипажемъ произвели на Тронтгейма очень благоприятное впечатлѣніе. Эти отношенія другъ къ другу всего болѣе даютъ надежду, что въ трудную минуту путешествія экипажъ сумѣетъ постоять за себя.

«А. И. Тронтгеймъ бывалъ на Грашъ ежедневно, обѣдая и завтракая тамъ. По его словамъ, судно прекрасно устроено и ни въ чемъ не нуждается. Каюты обширны и устроены съ комфортомъ. Прекрасная бібліотека: снабженная лучшими произведеніями европейской классической литературы, различные музыкальные инструменты отъ прекраснаго концертнаго рояля до флейты и гитары, шахматы, шашки и т. п. развлеченія,—все къ услугамъ экипажа. Техника судна—не оставляетъ желать лучшаго; оно какъ нельзя болѣе приспособлено къ плаванію между льдами. Экипажъ состоитъ изъ тринадцати человѣкъ; составляютъ его все люди, неоднократно плававшіе въ полярныхъ водахъ и бывшіе не простыми матросами; при Хансенѣ находится также и докторъ. Грашъ снабженъ провизіей на пять лѣтъ, но ее хватитъ болѣе чѣмъ на шесть. Мясо консервировано и герметически закупорено въ стеклянныя банки; въ такихъ же банкахъ находятся различные бульоны и т. п.; остается большой запасъ жировыхъ веществъ, нѣсколько тысячъ бутылокъ пива и эля довершаютъ запасы. Вина на суднѣ нѣтъ. Только въ аптекѣ находится десятка два-три бутылокъ хорошаго коньяку; весь спиртъ, запасенный для коллекціи, отравленъ. По мнѣнію Хансена, употребленіе вина на крайнемъ сѣверѣ вредно и оно, взятое въ такую трудную и опасную экспедицію, можетъ сослужить очень печальную службу, а потому онъ намѣтъ лучше замѣнить вино фруктами и различными сладостями, запасъ которыхъ на пароходѣ довольно великъ. Освѣщается Грашъ электричествомъ. Большую часть дня во время стоянки экипажъ проводитъ вмѣстѣ. При общности труда, всѣ обязанности каждаго члена экипажа распределены точно до мельчайшихъ подробностей. Завтракаютъ и обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ, исключая исполняющаго обязанности повара, прислуживая другъ другу. Здоровье и веселье видны на всѣхъ лицахъ. Непокончивая увѣренность главы экспедиціи, Хансена въ благополучномъ и счастливымъ исходѣ экспедиціи вселяетъ бодрость и увѣренность во всемъ экипажѣ.

«22-го іюля (3 августа) на Грашъ перегружали изъ трюма уголь въ кочегарню. Въ этой работѣ участвовали всѣ во главѣ съ самимъ Хансеномъ. Работа шла дружно, весело. Въ этотъ же день Хансенъ со своими спутниками пробо-валъ на берегу собакъ, для чего ихъ запрягли по 8 штукъ (слѣдовало бы сказать 10) въ парту, въ которую садилось по три человѣка. Хансенъ остался очень доволенъ собаками, благодарилъ Тронтгейма за умный выборъ и прекра-

сное состояніе, въ которомъ находились собаки. Когда собаки были приняты и переведены на судно, Тронтгеймъ обратился къ Нансену съ просьбою дать ему удостовѣреніе въ точномъ и добросовѣстномъ исполненіи данного ему порученія. Нансенъ на это отвѣтилъ: «О, нѣтъ, удостовѣренія и аттестата мало! Вы выполнили условіе весьма добросовѣстно и тѣмъ оказали экспедиціи большую услугу. Я имѣю порученіе передать вамъ золотую медаль, пожалованную вамъ нашимъ королемъ за ту немалую помощь, которую вы вызвались оказать». При этихъ словахъ Нансенъ передалъ г. Тронтгейму большую съ короной золотую медаль. На лицевой сторонѣ медали находится слѣдующая надпись: Oskar II Norges og Sveriges Konge. Broderfolkenes vel; а на другой сторонѣ: Belønning for fortjenstlig virksomhed A. I. Trontheim. Вручивъ медаль, Нансенъ далъ Тронтгейму и удостовѣреніе о пожалованіи медали и объ отличномъ исполненіи доставки. Въ этотъ же день ночью Нансенъ рѣшилъ отправиться въ дальнѣйшій путь, не дожидаясь прихода вспомогательнаго судна съ добавочнымъ углемъ, «Урани», которая, по его предположеніямъ, была задержана льдами. Тронтгеймъ подъ вечеръ простился со всѣмъ экипажемъ, пожелавъ достигнуть наученной цѣли. Вмѣстѣ съ нимъ на берегъ съ Fram'a вышелъ и секретарь Нансена, г. Оли-Христоферсенъ, сопровождавшій путешественниковъ изъ Вардѣ. При прощаніи, Нансенъ оставилъ сошедшимъ съ судна обильный запасъ провизіи, такъ какъ Христоферсену и Тронтгейму приходилось ждать «Урани» и на ней возвратиться обратно. Ровно въ 12-ть часовъ ночи съ 23 на 24 іюля (4 — 5 августа) Fram далъ отходный свистокъ и направился къ выходу въ море».

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Плаваніе по Карскому морю.

Простившись съ Христоферсеномъ и Тронтгеймомъ, мы могли только поздно ночью, съ 4 на 5 августа, выйти въ море. Фарватеръ здѣсь былъ слишкомъ опасенъ, чтобы можно было рискнуть плыть раньше, среди густаго тумана. Но затѣмъ погода прояснилась, и керосиновая лодка была наготовѣ. Я предполагалъ ѣхать на ней впереди, чтобы дѣлать примѣры. Мы отплыли въ полночь. Скотъ-Гаизенъ стоялъ на носу лодки съ лотомъ. Сначала мы направились къ сѣверо-западу, къ концу острова Вайгача, какъ совѣтуетъ Паландеръ (командиръ «Ветти» въ экспедиціи Норденшѣльда), затѣмъ дальше черезъ проливъ, ближе къ острову. Туманъ временами былъ настолько густъ, что «Фрамъ», слѣдовавшій непосредственно за нами, едва былъ намъ виденъ; точно также и оставшіеся на суднѣ едва могли видѣть нашу лодку. Но пока глубина была значительна, мы шли довольно смѣло впередъ. Скоро и туманъ немного разсѣялся, но за то глубина стала какъ разъ уменьшаться; мы имѣли долгое время 9 и 10 метровъ, затѣмъ 8, наконецъ 7. Это было слишкомъ мало. Мы дали «Фраму» знакъ, чтобъ онъ замедлилъ ходъ. Затѣмъ мы отѣхали подальше отъ берега и нашли болѣе глубокой фарватеръ, такъ что «Фрамъ» могъ снова двинуться полнымъ ходомъ.

Отъ времени до времени машина на нашей шлюпкѣ стала снова проявлять свои обычные капризы и останавливаться. Я долженъ былъ долить нефти, чтобы привести ее въ движеніе. Въ то время, какъ я былъ занятъ этимъ, лодка приподнялась волною и, нѣкоторое количество нефти пролилось и высухло. Горящая нефть разлилась по дну шлюпки, гдѣ уже раньше было пролито довольное ея количество. Въ одно мгновеніе! вся кормовая часть представила изъ себя сплошное море огня; загорѣлось также мое платье, забрызганное нефтью. Я долженъ былъ броситься на носъ лодки и одинъ моментъ положеніе представилось критическимъ, тѣмъ болѣе, что наполненная до краевъ жестянка воспламенилась въ свою очередь. Погасивъ загорѣвшееся платье, я поспѣшилъ снова назадъ, схватилъ жестянку и вылилъ горящую нефть въ море, причѣмъ сильно обжегъ пальцы. Тотчасъ же вся водная поверхность вокругъ насъ запылала яркимъ пламенемъ. Затѣмъ я схватилъ ведро и сталъ изъ всѣхъ силъ члалывать въ лодку воду. Векорѣ крайняя опасность была устранена. Съ палубы «Фрама» все это представляло довольно страшную картину, и экипажъ стоялъ наготовѣ съ капатами и спасательными поясами, чтобы бросить ихъ намъ въ критическій моментъ.

Скоро мы вышли изъ Югорскаго пролива. Туманъ тѣмъ временемъ разсѣялся настолько, что мы могли видѣть вокругъ насъ низкій берегъ, впереди море, а въ самой дали плывущій ледъ. Въ 4 часа утра (4 августа) мы миновали *Соккоий островъ* и вошли въ *Карское море*. Теперь должна была рѣшиться наша судьба. До отъѣзда изъ родины я постоянно говорилъ: только бы намъ удалось счастливо миновать Карское море и мысъ Челюскинъ,—тогда самое трудное преодолено. Шансы были теперь недурны. Насколько я могъ видѣть изъ бочки на мачтѣ, къ востоку простирался открытый каналъ.

Спустя полтора часа мы достигли окраины льда. Ледъ былъ настолько плотенъ, что нечего было и думать пробиться черезъ него. Къ сѣверо-западу онъ, повидимому, былъ рѣже и видѣлся довольно большой участокъ голубого неба *). Мы держались поэтому юго-восточнаго направленія, вдоль берега, среди плывущихъ льдинъ, а въ полдень свернули болѣе въ открытое море, такъ какъ голубое небо на востокѣ и сѣверо-востокѣ указывало на открытый фарватеръ. Около трехъ часовъ ледъ однако сталъ настолько сплошнымъ, что я съчелъ за лучшее повернуть снова въ каналъ, тянувшійся вдоль берега. Правда, представлялось возможнымъ пробиться черезъ эту полосу льдовъ, но мы могли быть затертыми имъ, а подвергнуться этой участи здѣсь было бы преждевременно. На слѣдующее утро (5 августа), идя вдоль берега, мы достигли устья *Кары* и стали держать курсъ на полуостровъ *Ялмалъ*. Векорѣ мы завидѣли эту низменную страну, но послѣ обѣда попали въ туманъ и частый ледъ. На слѣдующій день было не лучше. Мы прикрѣпили тогда судно къ большому торосу **), лежавшему на днѣ у берега Ялмала.

*) Бѣлый ледъ даетъ свѣтлое отраженіе на небѣ, такъ что послѣднее имѣетъ бѣловатый оттѣнокъ надъ мѣстами, гдѣ находятся ледяныя поля; напротивъ того отраженіе бываетъ голубое или темное тамъ, гдѣ имѣется свободная поверхность воды. Поэтому мореплаватели въ Ледовитомъ океанѣ могутъ по виду неба судить о характерѣ отдаленнаго фарватера.

**) Торосами называются у русскихъ обломки морского льда, которые, нагромождаясь другъ на друга и постепенно округляясь съ краевъ, смирзлись въ громадныя глыбы.

Вечеромъ нѣкоторые изъ насъ высадились на берегъ. Было такъ мелко, что лодка съѣла на мель въ порядочномъ разстоянн отъ берега и мы принуждены были итти въ бродъ. Это былъ плоскнй, гладко смытый, песчаный берегъ, совершенно заливаемый моремъ во время прилива; за нимъ возвышался крутой, песчаный обрывъ до высоты 10—12, мѣстами даже 20 метровъ.

Мы побродили немного по берегу. Мѣстность всюду ровная и голая. Понадавшнйся наносный дѣсъ былъ засыпанъ насекомъ и совершенно мокрый. Не видѣлось ни одной птицы, за исключенемъ немногихъ куликовъ. Мы пришли къ небольшому озерку, и въ туманѣ я слышать передъ собою крикъ чайки, но не видѣть ни одного живого существа. Кругомъ туманъ заволакиваетъ окрестности. Понадалось немало оленьихъ сѣдвовъ, но, само собой понятно, ручныхъ оленей, принадлежащихъ самоѣдамъ. Эта страна исключительно самотная. Ахъ, какая пустынная и унылая!

Одинъ только ботаникъ сдѣлалъ интересныя находки. Сквозь туманъ мило выглядывали тамъ и сямъ цвѣты, какъ вѣтники изъ свѣтлаго царства. Мы углубились далеко въ равнину, но встрѣтили только озера съ низкими раздѣляющими ихъ перешейками и кряжами. Всѣ они имѣли удивительно правильную круглую форму, съ обрывистыми берегами, какъ будто бы они сами вырыли свое ложе въ песчаной равнинѣ.

Изъ весель лодки и брезента мы устроили себѣ родъ палатки. По счастью, нашлось немного сухого дерева, и векоръ въ палаткѣ запахло теплымъ, подкрѣпляющимъ кофе. Когда мы закусили, нашлись и закурили трубки, Югалеенъ удивилъ насъ тѣмъ, что, при всей своей толщинѣ и сытости, сталъ продѣлывать на мокромъ песку одно сагтомартале за другимъ, невзирая на свой длинный офицерскнй плащъ и на болотные сапоги, наполовину залитые водой.

Въ половинѣ седьмого утрома (7 августа) мы были снова на суднѣ. Туманъ разбѣлал, но ледъ, передвигавшнйся взадъ и впередъ, съ приливомъ и отливомъ, выглядывалъ, повидимому, столь же частымъ, какъ и ранѣе. Передъ полуднемъ насъ постигла лодка съ двумя рослыми самоѣдами. Мы ихъ приняли любезно и угостили кѣой и табакомъ. Они дали намъ понять, что живутъ въ чумахъ на сушѣ дальше къ сѣверу. Это были *послѣднне люди*, съ которыми мы встрѣтились.

На другой день (8 августа) ледъ все еще былъ частъ, и такъ какъ предпринимать ничего было нельзя, то нѣкоторые изъ насъ снова отправились на берегъ, частью чтобы болѣе ознакомиться съ этой мало извѣстной сушей, а частью, чтобы, по возможности, отыскать стоянку самоѣдовъ и вымѣнять у нихъ мѣховъ и оленьяго мяса.

Своеобразна эта равнина. Ничего, кромѣ песку; всюду одинъ голый песокъ. Еще изменише и уныше, чѣмъ земля у Югорскаго пролива, и еще болѣе необозримый горизонтъ. Равнину покрываетъ зеленый коверъ изъ травы и мха, мѣстами помятый, вырванный вѣтромъ и занесенный летучимъ насекомъ. Но сколько мы ни искали, нигдѣ не удалось замѣтить самоѣдекаго жилья. Лишь издали увидѣли трехъ мужчинъ, которые, однако, примѣтивъ насъ, поспѣшили скрыться. Дичи встрѣчалось мало,—лишь нѣсколько бѣлыхъ куропадокъ, зуйковъ и ледяныхъ утокъ. Главную нашу добычу составила коллекцн растений и нѣкоторыя

геологическія и географическія наблюденія. Последнія убѣдили, что берегъ на этомъ мѣстѣ ошибочно показанъ на картахъ болѣе чѣмъ на полградуса долготы (36—38 минутъ) къ югу противъ дѣйствительности.

Только на слѣдующій день, въ полдень (9 авг.), вернулись мы на судно. Ледъ на сѣверѣ, повидимому, сдѣлался нѣсколько рыхлѣе. Въ 8 часовъ вечера начали мы наконецъ снова наше плаваніе. Ледъ оказался удобо проходимъ и черезъ три дня мы вышли въ открытый фарватеръ.

Въ воскресенье (13 августа) шли мы открытымъ Карскимъ моремъ, мимо сѣвернаго конца полуострова Ямала и *Бьлаго острова*. Нигдѣ не видать было льда. Въ теченіе слѣдующихъ дней дуть постоянно сильный восточный вѣтеръ. Чтобы подвигаться къ востоку, мы должны были постоянно лавировать подъ парусами, но «Фрамъ» не можетъ считаться хорошимъ ходокомъ при такихъ условіяхъ, въ виду его большой ширины и отсутствія киля. Къ тому же теченіе было слишкомъ сильно, а слѣдовательно надежды на движеніе впередъ не велики. Въ корабельномъ журналѣ постоянно значилось: «противный вѣтеръ», «противный вѣтеръ». Это было болѣе чѣмъ однообразно; но такъ какъ нашъ дневникъ можетъ имѣть нѣкоторое значеніе для плаванія по этому морю, то я приведу важнѣйшія частности, въ особенности гдѣ идетъ рѣчь объ условіяхъ льдовъ.

«Понедѣльникъ (14 авг.). Крейсеруемъ подъ парусами противъ сильного вѣтра. Отдѣльные льдины встрѣчались подъ утро (12—4 час. утра); поздне ледъ не показывался въ предѣлахъ горизонта.

«Вторникъ (15 августа). Подъ утро вѣтеръ утихъ, паруса были укрѣплены и котель растопленъ. Въ 5 часовъ утра пошли подъ паромъ къ востоку, по свободному отъ льда морю, но послѣ полудня снова поднялся вѣтеръ съ востока-сѣверо-востока и пришлось снова крейсеровать подъ паромъ и парусами. Отдѣльные полосы льда были видны вечеромъ и ночью.

«Среда (16 августа). Въ виду того, что Карское море оказывалось поразительно свободнымъ отъ льда и тяжелыя волны надвигались съ сѣверо-востока, было рѣшено, насколько то представлялось возможнымъ, держаться курса на сѣверъ, примѣрно до острова Уединенія. Но къ четыремъ часамъ по полудни показалась масса темнаго льда, и мы принуждены были повернуть обратно. Свѣжій вѣтеръ и значительное волненіе. Мы продолжаемъ крейсеровать въ восточномъ направленіи, вдоль окраины льда.

«Вечеромъ едва не потеряли керосиновый боть. Волны напояли его мало по малу водой, въ двухъ мѣстахъ у него обломилась края, и тяжелыя роулены, на которыхъ онъ висѣлъ, согнулись какъ проволока. Въ послѣдній моментъ намъ удалось кое-какъ укрѣпить его на палубѣ, въ то время какъ волны обливали насъ съ головы до ногъ. Словно одна неудача за другой преслѣдовала эту лодку.

«Четвергъ (17 августа). Пробиваемся по-прежнему на востокъ, черезъ рыхлый ледъ, вдоль окраины сплошнаго льда. Все еще продолжается штурмъ и, какъ только высовываемъ носъ изъ льда, сильное волненіе.

«Пятница (18 авг.). Упорный штурмъ. Идетъ на юго-востокъ. Въ половинѣ пятаго утра Свердрупъ замѣтилъ къ югу землю. Онъ былъ тогда въ бочкѣ и высматривалъ медвѣдей и моржей на льдинахъ. Въ 10 часовъ утра отправился и я въ бочку, чтобы обозрѣть окрестность. Мы находились въ разстояніи едва

ли большею 20 километровъ отъ низменнаго берега, повидимому такого же характера, какъ берегъ Ялмала. Ближе къ берегу море было мельче. Невдалекѣ отъ насъ на днѣ лежали торосы. Лотъ показывалъ все меньшую и меньшую глубину; въ половинѣ двѣнадцатаго было уже только 16 метр., но въ 12 стало разомъ снова 40 м., и затѣмъ глубина начала увеличиваться. Между берегомъ и полосой сплошнаго льда, въ подвѣтряную*) сторону отъ насъ, находился повидимому, каналъ съ нѣсколько болѣе глубокимъ фарватеромъ, на днѣ котораго не лежало такъ много льда. Трудно было повѣрить, чтобы въ этомъ мѣстѣ, мимо котораго проѣзжали Норденшѣльдъ, Югансенъ и, вѣроятно, многіе русскіе, чтобы здѣсь могла оказаться новая, незамѣченная ранѣе земля. Но наши наблюденія не оставляли никакого сомнѣнія, и мы назвали новую землю островомъ Свердрупа, по имени перваго ее открывшаго.

Такъ какъ съ навѣтренной**) стороны все еще было много льда, то мы продолжали держаться юго-восточнаго направленія и старались идти по возможности по вѣтру. Была ясная погода, и въ 8 часовъ мы увидѣли материкъ у *острова Диксона*. Наше намѣреніе было стать здѣсь на якорь и сложить наши письма въ специально устроенномъ для этого депо. Капитанъ Виггинсъ далъ намъ обѣщаніе захватить отсюда нашу корреспонденцію въ ближайшей своей рейсѣ къ устью Енисея²³). Тѣмъ временемъ вѣтеръ перемѣнился, минута была благопріятная и время дорого. Мы отказались поэтому отъ мысли сложить здѣсь нашу корреспонденцію и продолжали курсъ вдоль берега. Страна здѣсь имѣетъ совершенно иной характеръ, чѣмъ Ялмалъ. Хотя она и не высока, но все-таки это горная страна съ пятнами снѣга по ущельямъ, а мѣстами съ болѣе значительными снѣжными участками, спускающимися часто до берега.

На слѣдующій день утромъ (19 августа) показался самый южный изъ Каменныхъ острововъ. Мы направились къ нему, чтобы посмотреть, не найдется ли тамъ какихъ либо животныхъ, но ничего не было видно. Островъ со всѣхъ сторонъ равномерно поднимается изъ моря, но имѣетъ обрывистые берега, то состоящіе изъ скалъ, то изъ вывѣтрившихся продуктовъ разрушенія горныхъ породъ. На видъ берега представляются наслоениями съ сильно наклоненными пластами. Островъ покрытъ въ изобиліи галечникомъ, перемежающимся съ болѣе крупными валунами, а весь сѣверный мысъ состоитъ, повидимому, изъ песка, круто обрывающагося къ берегу. Но въ особенности бросаются въ глаза на этомъ островѣ рѣзко выраженные береговые линіи²⁴).

Ближе всего къ мысу находится особенно выступающая береговая линія,

*) Подвѣтряная сторона—куда дуетъ вѣтеръ.

**) Навѣтряная сторона—откуда дуетъ вѣтеръ.

²³) Капитанъ Виггинсъ—извѣстный англійскій морякъ, совершавшій неоднократно плаванія въ устье Енисея и обратно и доказавшій тѣмъ возможность правильнаго морского пути въ сѣверную Сибирь.

²⁴) Береговою линіей называется идущій на извѣстной высотѣ вдоль склона покатый уступъ. Кверху уступъ этотъ ограниченъ крутою стѣной утеса, съ которою образуетъ входящій уголъ, книзу онъ оканчивается исходящимъ угломъ, за которымъ слѣдуетъ нижняя часть береговаго склона. Береговые линіи и террасы развиты особенно по берегамъ Норвегіи; онѣ указываютъ, съ одной стороны, на бывший болѣе высокій уровень моря, съ другой—на слѣды древнихъ ледниковъ. *Прим. Ред.*

рѣзко выдѣляющаяся на западной и сѣверной сторонахъ въ видѣ уступа и идущая затѣмъ въ видѣ темной полосы поперечно къ длинѣ острова. Ближе къ линіи морского уровня видно еще нѣсколько явственнѣхъ береговыхъ террасъ, сходныхъ по своимъ признакамъ съ самою верхней изъ нихъ и, повидимому, образованныхъ тѣмъ же способомъ, именно дѣятельностью моря и въ особенности льда. Подобно верхней, и остальные выражены всего рѣзче на западной и сѣверной сторонахъ острова, особенно подверженныхъ дѣйствию открытаго моря.

Для тѣхъ, кто изучалъ исторію Земли, эти слѣды прежняго уровня моря представляютъ большой интересъ, такъ какъ они указываютъ на происшедшее со времени ихъ образованія поднятіе суши или отступаніе моря, однимъ словомъ, на колебанія уровня, испытанныя послѣ великаго ледниковаго періода въ сѣверномъ побережьи Сибири такъ же, какъ берегами Скандинавіи²⁵⁾.

Страннымъ образомъ, къ сѣверу отъ этого острова мы не видали никакихъ другихъ, а между тѣмъ, судя по картѣ Норденшѣльда, они должны составлять цѣлый рядъ къ сѣверо-востоку отъ Каменныхъ острововъ. Зато я могъ нанести на карту два другихъ острова приблизительно въ направленіи прямо на востокъ.

На другое утро, нѣсколько сѣвернѣе, мы прошли еще мимо одного незначительнаго острова. Изъ птицъ мы видѣли въ этихъ мѣстностяхъ только стаи двѣ дикихъ гусей, нѣсколько хищныхъ чаекъ (*Stereorarius crepidatus* и *St. Buffonii*), а также нѣсколько чаекъ другихъ видовъ и морскихъ ласточекъ.

Въ воскресенье (20 августа) была удивительная хорошая погода. Голубое море, яркій блескъ солнца и слабый вѣтерокъ, все еще съ сѣверо-востока. Послѣ полудня приблизились мы къ островамъ *Кьелмана*, положеніе которыхъ опредѣлялось безъ затрудненія по картѣ Норденшѣльда; но къ югу отъ нихъ мы встрѣтили еще много другихъ, неизвѣстныхъ острововъ. Всѣ они выказываютъ округленные формы и имѣютъ видъ какъ будто они были сглажены глетчерами ледниковаго періода. «Фрамъ» бросилъ якорь у сѣверной стороны наибольшаго острова, названнаго нами впоследствии *Оленьимъ*. Въ то время, какъ котель стали наполнять водой, нѣкоторые изъ насъ изъявили желаніе отправиться на берегъ для охоты.

Не успѣли мы еще сойти съ палубы, какъ штурманъ съ бочки замѣтилъ сѣверныхъ оленей. Тогда обществомъ овладѣло оживленіе; каждый хотѣлъ принять участіе; самъ штурманъ какъ будто свихнулся отъ охотничьяго рвенія, его глаза широко раскрылись, и руки у него дрожали, какъ у пьянаго. Но только въ лодкѣ нашлось у насъ время разсмотрѣть замѣченныхъ штурманомъ оленей. Напрасно, нигдѣ не было видно и слѣда живыхъ существъ. Но вотъ, уже ближе къ берегу, мы увидѣли большую стаю поднимавшихся дикихъ гусей.

²⁵⁾ По словамъ О. Н. Чернышева, какъ на западномъ берегу Новой Земли замѣчаются отчетливо выраженные морскія террасы, распространяющіяся и далеко внутрь страны. Вообще, можно полагать, что въ настоящее время берега Новой Земли поднялись надъ уровнемъ моря не менѣе 160 метровъ; на такой высотѣ, по крайней мѣрѣ г. Чернышевъ находилъ въ пепельно-сѣрой песчаной глинѣ террасъ многочисленныя раковины моллюсковъ, живущихъ въ настоящее время въ Ледовитомъ океанѣ. *Прим. Ред.*

Къ стыду нашему нужно признаться, что мы не утерпѣли выразить предположеніе, что штурманъ видѣлъ гусей,—подозрѣніе, которое онъ сначала съ презрѣніемъ отвергъ. Но мало-по-малу и его увѣренность уменьшалась. Однако, можно оказаться неправымъ и передъ штурманомъ. Первое, что я увидѣлъ, выскочивъ на берегъ, были старые слѣды сѣвернаго оленя. Тотчасъ же вернулась самоувѣренность и къ штурману; онъ бѣжалъ отъ слѣда къ слѣду, осматривалъ ихъ и клялся, что дѣйствительно видѣлъ сѣверныхъ оленей. Взобравшись на первый холмъ, мы увидѣли нѣсколько животныхъ, на равнинѣ къ югу отъ насъ. Но такъ какъ вѣтеръ дулъ съ сѣвера, то мы принуждены были возвратиться, чтобы зайти съ подвѣтряной стороны и приближаться съ юга, вдоль берега. Одинъ только штурманъ не одобрялъ этой предосторожности; съ лихорадочною поспѣшностью хотѣлъ онъ прямо устремиться на нѣсколькихъ оленей, которыхъ онъ будто бы замѣтилъ къ востоку отсюда; конечно, это былъ бы вѣрный способъ отогнать отъ насъ дѣнную дичь. Ему дано было позволеніе остаться съ Скотъ-Ганзенемъ, который долженъ былъ произвести магнитное наблюденіе, но подъ условіемъ не сходить съ мѣста до полученія сигнала. Идя вдоль берега, мы проходили мимо одной стаи гусей за другой; они вытягивали свои шеи, отходили цемного въ сторону и наконецъ, когда мы подходили совсѣмъ близко, улетали. Немного дальше мы увидѣли двухъ оленей, не замѣченныхъ нами до этой минуты. Мы могли бы легко подкрасться къ нимъ, но опасались спугнуть другихъ, находившихся южнѣе. Наконецъ мы были на подвѣтряной сторонѣ относительно послѣднихъ; они паслись посреди равнины, такъ что подойти къ нимъ было не легко. Не видѣлось ни одного возвышенія, ни одного камня, за которымъ можно было бы спрятаться. Единственное, что мы могли сдѣлать, это образовать длинную цѣпь стрѣлковъ и, по мѣрѣ возможности, обойти стадо. Тѣмъ временемъ мы замѣтили, дальше къ сѣверу, другое стадо. Но къ нашему изумленію составлявшіе его олени внезапно помчались по равнинѣ къ востоку,—не съялъ ли причиной тому штурманъ, потерявшій терпѣніе?

Отъ берега, цемного дальше къ сѣверу, шель оврагъ, по направленію къ оленямъ. Отсюда было, пожалуй, возможно подойти къ нимъ на разстояніе выстрѣла. Я вернулся, чтобы сдѣлать попытку въ этомъ направленіи, тогда какъ остальные должны были остаться на своихъ мѣстахъ. Прямо предо мной разстилалось спокойное, прекрасное море. Солнце только что зашло за горизонтъ. Небо горѣло краснымъ отблескомъ среди ясной ночи. Я на минуту остановился: среди этой чудной красоты природы человекъ преслѣдуетъ свои кровожадные помыслы!.. Но вотъ я вижу, что, по направленію къ сѣверу, съ холма, гдѣ должны были находиться штурманъ и Скотъ-Ганзенъ, спускается темное пятно; оно раздѣляется на два, и одно движется къ востоку, какъ разъ съ навѣтренной стороны къ животнымъ, которыя были моею цѣлью. Еще немного, и послѣднія почувуютъ опасность и кинутся бѣжать; нужно было спѣшить. Нельзя сказать, чтобы посланныя мною въ этотъ моментъ по адресу обоихъ пожеланія были для нихъ благоприятны.

Оврагъ оказался не такъ глубокъ, какъ я ожидалъ. Края его были какъ разъ настолько высоки, чтобы прикрыть меня, когда я ползъ на четверенькахъ

Въ серединѣ лежали камни и глинистый щебень, размягченный небольшимъ ручьемъ. Олени все еще спокойно паслись и только по временамъ поднимали головы. Но прикрытіе становилось все ненадежнѣе, а съ сѣвера слышалъ я приближеніе штурмана. Скоро ему, вѣроятно, удалось бы и отсюда прогнать животныхъ. Я долженъ былъ торопиться, но здѣсь не оказывалось даже прикрытія, необходимаго для того, чтобы ползти на четверенькахъ. Не оставалось ничего другого какъ подвигаться на животѣ, подобно червю, въ этой мягкой глини ручья. Но мясо на суднѣ имѣть слишкомъ большую цѣну, и хищный звѣрь еще силенъ въ человекѣ. Не бѣда, что рвется платье, я ползъ отчаянно, такъ что брызги грязи летѣли во все стороны. Но скоро прикрытіе сошло на нѣтъ. Я прижался между камнями и работалъ въ грязи, продолжая неустанно подвигаться впередъ.

Тѣмъ временемъ небо за мной окрашивалось все въ болѣе темный красный цвѣтъ, и цѣлиться становилось все затруднительнѣе, не говоря уже о глини, отъ которой мнѣ съ трудомъ удавалось оберегать ружейное отверстие и прицѣлъ. Олени продолжали спокойно щипать траву; когда они поднимали головы и настораживались, я долженъ былъ притаиваться, какъ мышь, и слышалъ, какъ вода медленно струилась подъ моимъ тѣломъ. Начинали они снова щипать мохъ, и я снова двигался впередъ въ грязи. Вскорѣ я сдѣлалъ непріятное открытіе, что олени удаляются приблизительно съ такою же скоростью, съ какой я ползъ впередъ. А къ этому еще штурманъ, который мѣнялъ мнѣ съ сѣверной стороны, и темнота, наступающая все сильнѣе, — но истинѣ печальные шансы! Оставалось наирѣчь все свои силы.

Низина становилась все положе, и скоро утратился всякій слѣдъ прикрытія; я долженъ былъ все глубже опускаться въ глину. Вогнутость почвы позволила мнѣ достигнуть ближайшаго небольшого холмика. Теперь животныя были отъ меня удалены на разстояніе, которое, при дневномъ свѣтѣ, я считалъ бы достаточнымъ для выстрѣла. Я попытался было прицѣлиться, но лишь съ трудомъ могъ различить прицѣлъ. О судьба человека, какъ тяжело бываетъ иногда тебѣ подчиняться! Въ платьѣ, затвердѣвшемъ отъ глины и послѣ удивительныхъ, какъ мнѣ казалось, усилій, я былъ наконецъ у цѣли, но не могъ воспользо-ваться достигнутымъ положеніемъ.

Но вотъ олени спустились въ небольшую котловинку. Быстро проползъ я еще небольшое разстояніе. Наступало время стрѣлять, но прицѣлъ былъ виденъ не лучше, чѣмъ раньше. Ближе подойти не было никакой возможности; передо мной возвышался голый холмъ. Оставаться лежать здѣсь и дожидаться, пока разсвѣтетъ, было также невозможно; теперь была еще только полночь, опасный штурманъ все еще долженъ быть къ сѣверу отъ меня, да и на вѣтеръ я не могъ положиться. Я поднялъ ружье, чтобы яснѣе разглядѣть прицѣлъ, и направилъ его на оленей: разъ два, три. Хорошимъ этотъ выстрѣлъ быть не могъ, но мнѣ казалось, что онъ все-таки долженъ попасть, и я встрѣтилъ. Оба оленя испуганно оглянулись, побѣжали къ югу и вновь остановились; въ тотъ же моментъ къ нимъ присоединился третій, стоявшій нѣсколько поодаль. Я разстрѣлялъ все имѣвшееся у меня въ магазинкѣ заряды, но съ тѣмъ же успѣхомъ. Животныя сбѣгались, останавливались на моментъ послѣ каждаго выстрѣла, затѣмъ продолжали подвигаться къ югу. Вскорѣ они снова остановились, чтобы долго и пристально приемотрѣть-

ся ко мнѣ. Я побѣжалъ изо всѣхъ силъ на западъ, чтобы ихъ обойти. Тогда они снова помчались какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ должны были находиться нѣкоторые изъ нашихъ. Я ждалъ каждую секунду, что услышу выстрѣлы и одинъ-два оленя упадутъ; но они спокойно и безприсяетвенно бѣжали рысью къ югу по равнинѣ. Наконецъ, далеко на югѣ раздался выстрѣлъ. По дѣлу я могъ догадаться, что разстояніе было слишкомъ велико. Въ сердцахъ закинулъ я ружье за плечи и пошелъ вслѣдъ оленей. Но — истина, удовольствіе получить такую награду за всѣ усилія!

Индѣ не видно было ни души. Проплю порядочно времени, покуда я встрѣтилъ Свердруна; оказалось, что это стрѣлялъ онъ. Вскорѣ затѣмъ пришелъ Блессингъ; остальные давно покинули свои посты. Блессингъ направился къ лодкѣ и къ своей ботанической бандуркѣ; я же съ Свердрумомъ пошелъ дальше, чтобы еще разъ попытать счастья. Немного южнѣ подошли мы къ долинѣ, идущей поперекъ острова. Здѣсь мы замѣтили человека, стоявшаго на ту сторону на вершинѣ холма. Певдалекѣ отъ него паслось стадо изъ пяти-шести оленей, и такъ какъ мы были почти увѣрены, что онъ намѣревается къ намъ подкрасться, то мы оставили намѣреніе идти въ этомъ направленіи, чтобы ему не мѣшать, а вскорѣ затѣмъ исчезли на западъ какъ онъ, такъ и олени. Только впоследствии я узналъ, что онъ не видѣлъ вовсе оленей. Такъ какъ было очевидно, что животныя, находящіяся къ югу отъ насъ, въ случаѣ если ихъ спугнуть, должны возвращаться этою долиною, и такъ какъ островъ былъ настолько узокъ, что мы легко могли ихъ здѣсь подарудить, то мы рѣшились остановиться и засѣсть въ засаду. Мы ушли на большіе камни, въ защищенномъ отъ вѣтра положеніи. Какъ разъ передъ Свердрумомъ внизу, на берегу, при устьѣ ручья, столпилось большое стадо гусей. Они непрестанно гоготали, и соблазнъ выстрѣлить былъ великъ; но изъ опасенія спугнуть оленей мы сочли за лучшее оставить ихъ въ покоѣ, и они скоро улетѣли.

Ожиданіе становилось тѣгостнымъ. Сначала вниманіе наше было напряжено; животныя должны были скоро показаться, и глаза безпрестанно пробѣгали вдоль склона, по той сторонѣ долины, но ничто не показывалось, и скоро нами стала овладѣвать сонливость. Голова невольно склонялась на грудь, тѣмъ болѣе, что послѣдніе дни приходилось мало спать. Но мы всекакивали и пріободряли себя. Олени могли явиться каждую минуту. Глаза вновь начинали переходить съ предмета на предметъ, пока снова не смыкались, въ то время какъ холодный вѣтеръ пропитывалъ мокрыя платья, такъ что я дрожалъ отъ холода. Такимъ образомъ провели мы часа два. Затѣмъ я нашелъ это мало интереснымъ и вынозъ изъ своей засады, чтобы направиться къ Свердруну, который такъ же мало, какъ и я, былъ доволенъ этимъ методомъ охоты.

Мы поднялись по противоположному склону, но едва достигли вершины, какъ увидѣли на возвышеніи, прямо передъ нами, рога шести превосходныхъ оленей. Они были неспокойны, настораживались на западъ, бѣгали кругомъ и затѣмъ снова настораживались. Насъ они не могли замѣтить, такъ какъ вѣтеръ дулъ съ боку.

Долго стояли мы и смотрѣли на ихъ маневры. Мы ждали, въ какомъ направленіи они побѣгутъ, но сдѣлать выборъ для нихъ было, повидимому, не-

легко. Наконецъ, сдѣлавъ поворотъ на югъ, они двинулись къ востоку. Мы побѣжали изо всѣхъ силъ въ юго-восточномъ направленіи, чтобы перерѣзать имъ путь, прежде чѣмъ они насъ почувуютъ. Свердругъ опередилъ меня на значительное разстояніе, и я видѣлъ, какъ онъ мчался по равнинѣ. Скоро онъ долженъ былъ достигнуть какъ разъ того мѣста, чтобы ихъ перехватить. Я остановился и приготовился отрѣзать имъ путь съ другой стороны, на случай если они повернутъ обратно и направятся къ сѣверу. Это были шесть прекрасныхъ животныхъ, рослый самецъ впереди. Они бѣжали прямо на Свердрупа, лежавшаго теперь въ засадѣ на холмѣ. Наконецъ, раздался выстрѣлъ, все стадо съ быстротой молніи повернулось и галопомъ помчалось назадъ. Теперь была очередь за мной бѣжать изо всѣхъ силъ, и я помчался по галешнику къ долинѣ, изъ которой мы вышли. Я остановился только, чтобы передохнуть и посмотреть, бѣгутъ ли животныя въ первоначальномъ направленіи, затѣмъ я помчался снова. Постепенно мы сближались; нужно было только поспѣть во время. Я налеталъ изо всѣхъ силъ на мои длинныя ноги и дѣлалъ такіе скачки по камнямъ, которые въ другое, спокойное время, привели бы меня самого въ изумленіе. Легко могло случиться, что нога поскользнется и я полечу черезъ голову внизъ. Но во мнѣ пробудился теперь хищный звѣрь, и охотничья страсть трепетала въ каждой фибрѣ моихъ мускуловъ. Мы достигли склона почти одновременно,—еще дватри прыжка по большимъ камнямъ и моментъ насталъ; надо было стрѣлять, хотя разстояніе оставалось еще порядочное. Дымъ разсѣялся и я увидѣлъ самца съ раздробленной задней ногой. Такъ какъ предводитель остановился, то все стадо вернулось и окружило бѣдное животное. Они не понимали, что случилось, перебѣгали съ одного мѣста на другое въ то время какъ нули свѣтили кругомъ нихъ.

Но вотъ они снова помчались къ долинѣ, а на мѣстѣ осталось еще одно животное съ раздробленною ногой. Я погнался за ними черезъ долину, на другую сторону, въ надеждѣ дать еще одинъ выстрѣлъ, но скоро отказался отъ этой мысли, изъ опасенія, какъ бы не упустить обоихъ подстрѣленныхъ. Внизу въ долинѣ стояла одна жертва и ожидала своей участи. Словно умоляя смотрѣла она на меня; я приблизился и хотѣлъ выстрѣлить, какъ вдругъ она пустилась на утекъ съ такою быстротой, какой я и не ожидалъ отъ животнаго на трехъ ногахъ. Увѣренный въ своемъ выстрѣлѣ, я, конечно, промахнулся. Бѣдное животное пыталось спастись къ берегу,—всѣ остальные пути были ему отрѣзаны,—и я уже сталъ бояться, какъ бы оно не бросилось въ море, видя, какъ оно пробирался въ бродъ черезъ небольшую лагуну, но, наконецъ, мнѣ удалось дать смертельный выстрѣлъ. Другой олень находился неподалеку, и скоро пуля положила конецъ и его мученіямъ. Я уже началъ его вскрывать, когда ко мнѣ подошли Гендриксенъ и Югансенъ; они только-что застрѣлили бѣлаго медвѣдя и пришли прямо отъ него.

Выпотрошивъ оленей, мы тронулись обратно къ нашей лодкѣ и по дорогѣ встрѣтили Свердрупа. Тѣмъ временемъ наступило утро. Находя, что мы потратили и безъ того много времени, я торопился продолжать нашъ путь на сѣверъ. Свердругъ вмѣстѣ съ двумя товарищами поѣхали на судно, чтобы приготовиться къ отплытію, тогда какъ нѣкоторые изъ насъ поплыли въ лодкѣ на югъ, за двумя убитыми оленями и за медвѣдемъ. Поднялся сильный сѣверо-восточный

вѣтеръ, и такъ какъ для насъ было бы трудно возвращаться на веслахъ противъ вѣтра, то я просилъ Свердрупа, если позволить глубина, спуститься съ «Фрамомъ» по заливу къ намъ навстрѣчу. Тюленей и бѣлухъ попадаюлось вдоль берега болѣе чѣмъ достаточно, но мы не имѣли теперь времени заниматься охотой.

Подъѣхавъ приблизительно къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ лежать медвѣдь, мы замѣтили на сушѣ большую бѣлую массу, весьма похожую на медвѣдя. Я не могъ сдѣлать иного предположенія, какъ то, что это и есть убитый медвѣдь. Но Гендриксенъ былъ убѣжденъ, что это не онъ. Мы пристали и пошли по направленію къ нему. Неподвижно лежалъ онъ на холмѣ. Я еще сильно сомнѣвался, не есть ли это уже убитое животное. Мы подходили все ближе, — ни при-

Рис. 7. Охотничья добыча.

знака жизни. Угравкой я бросилъ взглядъ на честное лицо Гендриксена, чтобъ убѣдиться, не смѣются ли надо мной; но его глаза были пристально направлены на медвѣдя. Почти одновременно раздались два выстрѣла, и къ моему величайшему изумленію мимо — убитый медвѣдь испуганно вскопчилъ съ мѣста. Вѣдникъ, — но истиннѣ, неприятное пробужденіе! — еще одинъ выстрѣлъ, и онъ безъ признака жизни лежалъ на спишѣ. Мы попытались было стантить обоихъ медвѣдей, но они оказались

слишкомъ тяжелы. Не мало труда стоило намъ снять съ нихъ шкуры, вырѣзать окорока и снести отдѣльныя части въ лодку. Но какъ ни неприятно было намъ идти по вязкой глинистой почвѣ съ тяжелыми медвѣжьими окороками за спи-
ною, на берегу насъ ожидало еще нѣчто худшее.
Вода поднялась, и вмѣстѣ съ тѣмъ прибой усилился. Лодка была опрокинута, наполнена водой, и волны перекачивались черезъ нее. Все наши пожитки, ружья, жестянки, провіантъ — лежали въ водѣ; куски хлѣба, нашъ единственный провіантъ, плавали кругомъ, и опорожненная масленка лежала на днѣ. Высвободить лодку изъ этого прибоя и удалить изъ нея воду удалось лишь послѣ большихъ усилій. Къ счастью, берегъ былъ сложенъ изъ мягкаго песка, такъ что лодка нѣсколько не пострадала; за то песокъ проникъ повсюду, даже въ самыя мелкія части ружейныхъ затворовъ. Но едва ли не самымъ печальнымъ во всемъ этомъ дѣлѣ было состояніе нашего провіанта, такъ какъ мы были голодны,

как волки. Съ отвращеніемъ пришлось ѣсть мокрый хлѣбъ, пропитанный морскою водою и съ примѣсью всевозможнаго сора. При этомъ случаѣ я потерялъ свою записную книжку съ многими, цѣнными для меня геологическими набросками.

Стоило большого труда перенести при такомъ прибоѣ нашу дичь съ берега въ лодку. Мы принуждены были остаться въ лодкѣ и удерживать ее на одномъ мѣстѣ, чтобы при помощи лопы втащить въ нее шкуры и мясо; пришлось захватить и порядочную порцію воды, но противъ этого нельзя было ничего подѣлать. Теперь намъ предстояло гребти изо всѣхъ силъ противъ вѣтра и волнъ вдоль берега. Вѣтеръ между тѣмъ усилился, и мы едва подвигались съ мѣста. Тюлени со всѣхъ сторонъ всплывали вокругъ насъ, бѣлухи то приближались, то снова удалялись; но намъ было не до того. Вдругъ Гендриксенъ закричалъ, что передъ нами медвѣдь. Я осмотрѣлся: дѣйствительно, на мысу стоялъ во всей своей красотѣ и бѣлизнѣ медвѣдь и рылся въ нескѣ. Но стрѣлять въ него у насъ не было времени; мы продолжали плыть, тогда какъ онъ медленно шелъ впереди насъ по берегу въ направленіи на сѣверъ. Наконецъ, послѣ большихъ усилій мы попали въ бухту, гдѣ должны были забрать оленей. Медвѣдь былъ теперь впереди насъ; онъ еще не замѣтилъ лодки, но уже почувтъ насъ и приближался. Соблазнить былъ великъ; нѣсколько разъ я брался за курокъ, но все-таки не спустилъ его; въ сущности мы не могли сдѣлать никакого употребленія изъ медвѣдя; намъ было достаточно хлопотъ сохранить то, что уже имѣлось. Вотъ медвѣдь всталъ на камень, какъ бы выставляя себя цѣлью; онъ насторожился и сталъ вематриваться, затѣмъ послѣ нѣкотораго времени повернулся и то шагомъ, то умѣренною рысью сталъ удаляться отъ берега. Прибой между тѣмъ усилился, берегъ былъ здѣсь ровный, песчаный и такой мелкій, что волны перелезали на довольно значительномъ отъ него разстояніи. Мы гребли до тѣхъ поръ, пока лодка не сѣла на мель и нѣсколько волнъ не перекинулось черезъ нее.

Добраться до суши можно было только выпрыгнувъ въ воду и идя въ бродъ. Больше затруднительнымъ представлялась переноска оленей въ лодку. Пристать далѣе къ сѣверу было не лучше, и хотя послѣ понесенныхъ трудовъ намъ и нелегко было отказаться отъ роскошнаго мясного блюда, тѣмъ не менѣе ничего не оставалось, какъ держать курскъ на «Фрамъ». Но это была самая трудная гребля изъ всѣхъ, когда-либо мною испытанныхъ. Въ началѣ все шло еще сносно. Теченіе было съ нами заодно и мы быстро удалялись отъ берега. Но вѣтеръ усиливался, а теченіе ослабѣвало. Волна за волной опрокидывалась черезъ насъ. Наконецъ, послѣ немощныхъ усилій, намъ оставалось пройти всего небольшое разстояніе. Я ободрялъ гребцовъ какъ только могъ, соблазнялъ ихъ перспективой горячаго чая и рисовалъ передъ ними всевозможныя блага. Дѣйствительно, мы всѣ были сильно измучены, но продолжали еще работать, несмотря на то, что, вслѣдствіе безпрестанно опрокидывающихся волнъ, промокали до костей, захватить же водонепроницаемая платья и шубы не пришло никому въ голову въ виду хорошей погоды, стоявшей наканунѣ.

Но, несмотря на всѣ усилія и старанія, мы убѣдились, что лодку невозможно подвинуть впередъ. Кромѣ вѣтра и волнъ намъ пришлось имѣть еще дѣло со стремительнымъ противотеченіемъ. Мы могли напрягать наши силы сколько угодно; мы налегали на весла такъ, что боялись, какъ бы не лопнули

у насъ кончики пальцевъ, но самое большее, чего мы достигали, это—держаться на одномъ и томъ же мѣстѣ; въ противномъ случаѣ насъ медленно относило назадъ. Я пытался воодушевить товарищей, увѣряя ихъ, что мы немного подвигаемся впередъ, стоять только напречъ силы. Все напрасно.

Вѣтеръ со свистомъ проносился мимо ушей, и волны покрывали насъ пѣной и брызгами. Досадно было очутиться въ такой близости отъ судна, что, казалось, можно было ухватиться за него, и въ то же время сознавать, что такимъ образомъ невозможно до него добраться. Мы принужденны были снова отойти къ берегу, гдѣ течение было заодно съ нами; тамъ наша лодка могла по крайней мѣрѣ подвигаться впередъ. Мы приложили всѣ свои силы, чтобы подняться приблизительно на высоту «Фрама», затѣмъ мы повторили попытку грести прямо на него, но едва попали въ противное течение, какъ насъ снова понесло по вѣтру. Маневръ былъ повторенъ еще разъ, но съ тѣмъ же результатомъ. Но вотъ находящиеся на суднѣ спускаютъ буюкъ. Только бы намъ добраться до него и мы спасены. Но нѣтъ, и это не удалось! Нельзя сказать, чтобы мы посылали благословенія по адресу оставшихся на суднѣ. Почему, чертъ возьми, они не могутъ спуститься и помочь намъ; вѣдь видѣли же они, какія отчаянныя усилія прилагались нами; или зачѣмъ они не поднимутъ, по крайней мѣрѣ, якорь и не подвинутся къ намъ навстрѣчу. Вѣдь видятъ же они, какъ невелико разстоянiе! Быть можетъ, ищутъ кругомъ мели? Еще одна послѣдняя, отчаянная попытка! Мы приложили всѣ наши силы; каждый мускулъ былъ напряженъ до крайности; теперь вся задача заключалась лишь въ томъ, чтобы достигнуть буйка. Вдругъ мы увидѣли, къ нашему огорченiю, что его выбираютъ назадъ. Мы прошли небольшое пространство чтобы стать противъ «Фрама», затѣмъ мы стали грести снова на него. Въ этотъ разъ мы подвинулись нѣсколько болѣе въ подвѣтренную сторону отъ судна. Но буюкъ все еще не выбрасываютъ; даже ни одного человѣка не видно на палубѣ. Мы закричали какъ сумасшедшiе, требуя буйка. Перспектива снова высадиться на берегъ въ нашихъ мокрыхъ плащахъ была мало привлекательна; теперь мы во что бы то ни стало хотѣли попасть на судно. Мы завывали, какъ дикiе, и орали изъ всѣхъ силъ. Наконецъ-то они выбѣжали на заднюю палубу, буюкъ былъ выброшенъ и подведенъ къ намъ навстрѣчу. Мы гребли изъ послѣднихъ силъ. Наконецъ оставалось подвинуться всего на длину нѣсколькихъ лодокъ; гребцы растягивались и налегали. Теперь оставалась тройная длина лодки. Новый отчаянный приступ! Осталось только двѣ съ половиной, черезъ минуту двѣ, еще черезъ минуту разстоянiе въ одну лодку, затѣмъ еще нѣсколько отчаянныхъ ударовъ,—и цѣль достигнута. «Ребята, приналягъ, сейчасъ конецъ! О, еще разъ! Ну, еще! Чуть-чуть осталось! Еще! Смотрите, не упустить! Налягъ! Вотъ онъ!» И крикъ облегченiя вырвался изъ груди всѣхъ. «Гребите, иначе оборвется лiнь, гребите, ребята!» И они гребли, и скоро мы были у борта «Фрама».

Но только внеся шкуры и мясо на палубу, мы поняли настоящимъ образомъ, что намъ пришлось преодолѣть. Бурнымъ потокомъ шло течение вдоль судна, а мелкiй фарватеръ, какъ я и прежде предполагалъ, не позволялъ двигаться «Фраму» къ намъ на-встрѣчу. Наступилъ вечеръ, и было невыразимо прiятно поѣсть теплой нищи и затѣмъ расправить свои члены на сухой койкѣ.

Удовольствіе—получить такую награду за всё свои труды. Послѣ двухдневныхъ мученій и усилій намъ удалось застрѣлить двухъ оленей, которые намъ не достались, и добыть двухъ медвѣдей, которыхъ мы не знали на что употребить; при этомъ не слѣдовало забывать, что мы навсегда испортили одно платье. Дважды произведенная стирка не привела ни къ чему, и въ продолженіи всего путешествія сукно висѣло для просушки на палубѣ.

Поспать какъ слѣдуетъ мнѣ однако не удалось въ эту ночь; въ моемъ дневникѣ я нахожу слѣдующую запись: «Понавъ на судно послѣ самой утомительной гребли, какую мнѣ когда-либо пришлось испытать, я нѣкоторое время проспать хорошо, но теперь валяюсь на своей постели, не будучи въ состояніи заснуть. Быть-можетъ, причиной тому кофе, выпитый мною послѣ ужина, или холодный чай, который я пилъ при пробужденіи, чувствуя жгучую жажду? Я закрываю глаза и снова пытаюсь заснуть, но туманныя картинны, вызванныя воспоминаніями, мягко ложатся, какъ пухъ, на душу. Туманы временами разсѣбаются. Я вижу предъ собою облитые солнцемъ ландшафты, веселые луга и поля, зеленныя густыя деревья и лѣса, голубыя горы; а тогда вода начинаетъ тихо нацѣвать въ трубкѣ котла, это шипѣніе превращается въ звуки колокола—въ церковный звонъ, оновѣщающій въ ясный лѣтній день о воскресномъ отдыхѣ. И мнѣ представляется, будто я съ отцомъ иду по равнинѣ Вестре-Акерь *) между небольшими березками, посаженными матерью,—къ церкви, стоящей тамъ, на холму, стройно поднимающейся къ голубому небу и посылающей свой звонъ по всему приходу. Оттуда, сверху, открывается широкой видъ; Несодденъ лежитъ такъ близко въ ясную погоду, въ особенности въ осенніе дни. И тихо, по-воскресному, клацаемъ мы пробѣгающимъ мимо насъ по той же дорогѣ. Какъ счастливо, по праздничному, вымидяты они! Въ то время все это не казалось такимъ прекраснымъ; я съ большей бы охотой отправился со стрѣлами и лукомъ въ лѣсъ охотиться за бѣлками. Но теперь какъ красива, какъ удивительно мила эта солнечная и жизнерадостная картина! И тѣ же самыя впечатлѣнія мира и счастья, которыя, конечно, и тогда доходили до меня, но отражались отъ дѣтскаго сознанія, возвращаются теперь съ удвоенною силой, и вся природа превращается въ одинъ могучій, захватывающій гимнъ.

«Быть-можетъ, это потому, что слишкомъ уже великъ контрастъ съ этой лишенной солнца, безплодной страной тумана, гдѣ нѣтъ ни дерева, ни кустика, только камни и глина,—съ этой безпокойной жизнью, полной лишь томительнаго времени и неудержимаго стремленія на сѣверъ, только на сѣверъ, безъ задержки.—Ахъ какъ благотворна была бы возможность переждать!

«Воспоминанія угнетаютъ. Когда я теперь грежу, предметомъ моихъ грезъ никогда не является Ледовитое море; я грежу всегда о родицѣ, иногда о дѣтствѣ, иногда о ней, тамъ, дома. Итъ, спать, спать; мнѣ необходимъ сонъ. Глаза закрываются, я не думаю ни о чемъ и пытаюсь уснуть. Но черезъ туманъ передо мной вырисовывается скалистый мысъ, пристань, легкая лодочка, низкій берегъ и сосны, а подъ деревьями стоитъ она въ свѣтломъ платьѣ. Больная соломенная

*) Пансепъ родился въ имѣніи родителей Store Frøeen, въ Вестре-Акерь, недалеко отъ Христианн.

шляна защищает ее от солнца; закинувъ руки за спину, смотритъ она впередъ на блестящее голубое море и грустно улыбается. Затѣмъ она поворачивается и начинаетъ подниматься къ дому; большой черный песъ смотритъ на нее своими вѣрыными глазами и слѣдуетъ за ней; лаская, она кладетъ руку на его голову. Затѣмъ она наклоняется и какъ бы говоритъ съ собакой. Вотъ изъ дому выносятъ милое дитя; она беретъ его къ себѣ, высоко поднимаетъ и ребенокъ кричитъ отъ восторга.—Тамъ жизнь, тамъ суть жизни, родина и семья!»

На слѣдующій день были мы наконецъ снова готовы къ дальнѣйшему плаванію. Я пытался направить «Фрамъ» подъ паромъ противъ вѣтра и теченія, но послѣднее было бурно, какъ горная рѣка, и мы должны были зорко смотрѣть за рулемъ. Всякій разъ, какъ только мы давали «Фраму» немного больше ходу, онъ выказывалъ намѣреніе повернуть въ сторону, а со всѣхъ сторонъ, какъ намъ было хорошо извѣстно, находились мели и подводныя скалы. Промѣры производились непрерывно. Первое время дѣло шло еще сносно, и мы, хотя и медленно, подвигались впередъ; но затѣмъ судно внезапно повернулось въ сторону и потеряло способность слушаться руля. Лотъ указывалъ на мели. Въ то же мгновеніе раздалась команда: «Якорь!» и онъ съ шумомъ и громомъ пошелъ ко дну. Мы стали на глубинѣ 7 метровъ подъ кормой и 17 метровъ подъ носомъ. Это было какъ разъ надлежащій моментъ. Намъ удалось снова поставить «Фрамъ» въ надлежащее положеніе относительно вѣтра и нѣсколько разъ мы пытались идти противъ него, постоянно съ одинаковымъ результатомъ; въ концѣ концовъ пришлось отказаться отъ этого намѣренія. Представлялась еще возможность пройти проливомъ, но тамъ было очень мелко, и мы могли легко натолкнуться на подводныя скалы.

Можно было еще вѣхать впередъ въ лодкѣ и измѣрять фарватеръ; но грести при такомъ сильномъ теченіи у меня не было ни малѣйшей охоты. Покуда приходилось оставаться тамъ, гдѣ мы были, и утѣшаться мыслью, что терибнѣе есть товаръ, которымъ каждая полярная экспедиція должна запастись въ возможномъ большемъ количествѣ. Мы постоянно надѣялись на переменѣ, но течение оставалась все такимъ же, и вѣтеръ во всякомъ случаѣ не утихалъ. Это могло привести въ отчаяніе; оставаться на мѣстѣ только изъ-за этого несчастнаго теченія, имѣя передъ собой открытое море, простирающееся, быть можетъ, даже до мыса Челюскина, — этого вѣчнаго мыса, котораго мы ожидали непрестанно въ теченіи трехъ недель!

Когда я на слѣдующій день утромъ (23 августа) вышелъ на палубу, наступила зима. Бѣлый снѣгъ лежалъ на палубѣ и снастяхъ, а равно покрывалъ видѣвшуюся землю и кружился хлопьями въ воздухъ!—Но вѣтеръ и теченіе оставались почти тѣми же. Въ продолженіи дня вѣтеръ даже усилился, поднялся почти настоящій штормъ, пролетавшій тяжелыми порывами промежъ снастей «Фрама».

На слѣдующій день (24 августа) я рѣшился двинуться впередъ во что бы то ни стало. Когда я утромъ вышелъ на палубу, вѣтеръ немного утихъ, да и теченіе не было уже столь бурнымъ. Можно было рискнуть выѣхать въ лодкѣ, во всякомъ случаѣ можно было привязать ее сзади и непрерывно измѣрять глубину, тогда какъ «Фрамъ» можно было подвигать при помощи забрасываемаго

впередъ якоря. Но прежде чѣмъ воспользоваться этимъ послѣднимъ средствомъ, я рѣшилъ сдѣлать еще попытку, пойти противъ вѣтра и теченія. Было дано приказаніе, чтобы машина развила такое давленіе, какое она только могла дать, и чтобы «Фраму» была придана возможно большая скорость. Наше изумленіе было велико, когда мы увидѣли, что дѣло пошло и шло ладно. Скоро мы вышли изъ «кленей», какъ мы окрестили эту стоянку, и могли плыть впередъ подъ паромъ и парусами. Какъ обыкновенно, вѣтеръ былъ противъ насъ и погода вообще неприглядная. Солнечныя мгновенія въ этихъ странахъ разобшены между собою большими промежутками.

Въ продолженіи слѣдующихъ дней мы продолжали подвигаться на сѣверъ между окраиной льда и сушией. Свободный фарватеръ былъ вначалѣ широкъ, но далѣе онъ сталъ настолько узокъ, что, направляясь вдоль края льда, мы перѣдко могли видѣть берегъ. Въ это время мы прошли мимо многихъ неизвѣстныхъ острововъ. Здѣсь оказалось бы достаточно дѣла для всякаго, кто пожелалъ бы пожертвовать свое время на съемку береговъ. Наша цѣль была однако иная и наша дѣятельность въ этомъ отношеніи ограничилась лишь случайными опредѣленіями, подобными произведеннымъ до насъ Норденшѣльдомъ.

25-го августа я отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ, что мы увидали семь острововъ (впослѣдствіи названные *островами Скоттъ-Гансена*). Они были выше видѣнныхъ нами прежде и состояли изъ ряда крутыхъ утесовъ. На нихъ находились небольшіе ледники или фирновые поля, а формы скалъ указывали ясно на слѣды эрозии льдомъ и снѣгомъ; въ особенности это было замѣтно на самомъ крупномъ островѣ, на которомъ видѣлись даже наполненные наполовину снѣгомъ долины. Подъ 26-мъ августомъ у меня помѣщено такое описаніе.

«Здѣсь имѣется большое число неизвѣстныхъ острововъ, такъ что при попыткѣ разобраться въ нихъ умъ заходитъ за разумъ. Утромъ мы миновали скалистый островокъ, между двумя утесами котораго я увидѣлъ еще два острова, которые я назвалъ по имени знаменитаго англійскаго адмирала и президента Лондонскаго Королевскаго Географическаго Общества *островами Клеменса Маркхама*. Затѣмъ далѣе къ сѣверу видѣлась еще земля или острова, названные *островами Риттлеса*, по имени одного изъ членовъ комитета экспедиціи, а еще болѣе острововъ было видно къ сѣверо-востоку. Въ 5 часовъ пополудни мы должны были свернуть передъ двумя большими островами, въ проходъ между которыми не рѣшились отважиться изъ опасенія мелей. Острова имѣли округленныя очертанія, какъ и прежніе, но были довольно высокими; я назвалъ ихъ *островами Мона*—по имени заслуженнаго норвежскаго метеоролога.

«Мы шли теперь опять въ восточномъ направленіи, и снова передъ нами предстали два большихъ и два малыхъ острова. Вблизи мы замѣтили еще цѣлый рядъ низкихъ острововъ съ крутыми береговыми склонами; мы дали имъ названіе *острововъ генерала Тилло* (по имени русскаго географа, генералъ-лейтенанта, д-ра А. А. Тилло). Фарватеръ былъ здѣсь болѣе опасенъ. Вечеромъ мы внезапно открыли, что у самаго праваго борта, изъ воды, между льдинами торчатъ большіе камни, а у лѣваго борта находится мель съ застѣвшими на ней ледяными глыбами. Мы опустили лотъ, но нашли болѣе 40 метровъ глубины».

Я думаю что этого достаточно, чтобы дать некоторое понятие о берегах, мимо которых мы проходили. Они характеризуются присутствием скалистых островов, которых, правда, нельзя сравнивать с норвежскими шхерами, но которые все-таки едва ли встрѣчаются гдѣ-либо, кромѣ какъ у береговъ, бывшихъ покрытыми ледниками. Присутствие ихъ могло поэтому только подтвердить мою увѣренность, что и на этотъ участокъ земной поверхности долженъ былъ распространяться иѣкогда ледниковый періодъ. Къ сожалѣнію, самый берегъ намъ не пришлось увидѣть настолько близко, чтобы мы могли составить себѣ вѣрное понятие объ его видѣ и сложении. Пасмурная погода и эти многочисленныя острова были причиною, что намъ не удалось подойти къ нему ближе. Но и того немногаго, что я видѣлъ, было достаточно чтобы убѣдиться, что очертаніе линіи берега существенно отличается отъ извѣстныхъ намъ по картамъ; линія эта значительно болѣе изрѣзана, чѣмъ какъ она обыкновенно изображается. Неоднократно думалъ я даже, что вижу передъ собою устья глубокихъ фюрдовъ и имѣю дѣло съ типичной фюрдовой страной, хотя скалы были сравнительно низки и округлены. Это предположеніе еще подтвердилось потомъ наблюденіями, собранными нами въ дальнѣйшемъ плаваніи, сѣвернѣе.

Въ записи противъ 27 августа у меня значится: «Шли между разными небольшими островами и скалами. Утромъ густой туманъ. Въ полдень увидали, какъ разъ передъ нами, небольшой островъ и должны были измѣнить поэтому курсъ въ болѣе сѣверный. Скоро мы достигли льда и пошли вдоль края его въ сѣверо-восточномъ направленіи. Когда туманъ немного разсѣялся, мы увидѣли землю и въ 7 часовъ вечера были отъ нея приблизительно на разстояніи одной морской мили. Это оказалось также сглаженная и округленная ледниками земля, покрытая наносомъ изъ глины и валуновъ, разбросанныхъ по моховой или травянистой равнинѣ. Мы видѣли передъ собою полуострова и мысы, а передъ ними острова, между которыми извивались зунды и фюрды; но все было покрыто льдомъ, и туманъ не позволялъ видѣть далеко. Въ цѣломъ эта картина удивительно какъ гармонировала съ Ледовитымъ моремъ по своей типичности и туманному, сѣровато-бѣлому освѣщенію, происходящему отъ отраженія льдовъ на массы тумана и представляющему рѣзкій контрастъ съ темной сушей. Мы были не увѣрены, имѣемъ ли мы передъ собою Землю у Таймырскаго зунда или у мыса Палаандера, но во всякомъ случаѣ рѣшили держаться сѣвернаго курса, чтобы избѣгнуть острововъ Алмквиста, указанныхъ Норденшѣльдомъ къ сѣверу отъ Таймырскаго. Продержавъ этотъ курсъ въ теченіе четырехъ часовъ, мы могли думать, что миновали эти острова, и что можно снова повернуть къ востоку. Но мы ошиблись въ расчетахъ. Въ полночь мы повернули, а въ 4 часа утра (28 августа) передъ нами изъ тумана вымыла земля, удаленная всего на полмили. Свернувъ, бывшій на палубѣ, полагалъ, что это самая возвышенная суша, какую только мы видѣли съ тѣхъ поръ, какъ покинули Норвегію. Принявъ ее, само собой разумѣется, за материкъ, онъ хотѣлъ ее обогнуть, но принужденъ былъ повернуть по причинѣ льда. Мы пошли въ направленіи на З.-Ю.-З. и только въ 9 часовъ утра дошли до западной оконечности предполагаемаго материка, оказавшагося большимъ островомъ. Теперь мы могли продолжать нашъ путь на сѣверъ. Повсюду къ востоку, по близости отъ насъ, находились

острова или выступы суши съ заполненными льдомъ проливами и бухтами. Мы сдѣловали вдоль края льда и потратили все предѣобѣднное время на то, чтобы подвигаться вдоль берега противъ сильнаго теченія. Земли не видно было конца. Отсутствие согласія со всеми извѣстными картами становилось все поразительнѣе и приводило меня въ немалое смущеніе. Вѣдь мы находились уже давно много сѣвернѣе самаго сѣвернаго изъ острововъ Норденшѣльда *).

Мои записки за этотъ день показываютъ также большую неувѣренность: «Подвигаемся невѣроятно долго къ сѣверу вдоль всѣхъ этихъ острововъ или суши. Если все это острова, то они довольно значительны. Представляется скорѣе, что это обширная

земля; но погода слишкомъ пасмурна, чтобы можно было хорошенько разсмотрѣть. Быть можетъ, мы идемъ теперь вдоль Таймырскаго острова русскіхъ картъ или скорѣе — острова Лаптева, и возможно, что островъ этотъ отдѣленъ отъ материка широкимъ проливомъ, указаннымъ Лаптевымъ, а подъ Таймырскимъ островомъ Норденшѣльда надо понимать то, что Лаптевъ обозначилъ какъ выдающійся полуостровъ. Тогда все было бы понятно, и наши наблюденія, это бы подтверждали. Норденшѣльдь, вѣроятно, предполагалъ, что открытый имъ проливъ и есть Таймырскій, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это былъ другой; онъ видѣлъ острова Алмквиста, но не могъ предположить, чтобы Таймырскій островъ лежалъ кнаружи отъ нихъ. Очевидному, это похоже на правду, но затрудненіе въ томъ, что русскія карты не указываютъ вовсе острововъ вокругъ острова Таймыра. А невѣроятно, чтобы здѣсь могли происходить экскурсіи на саняхъ и не были бы замѣчены все эти разбросанные здѣсь мелкіе острова, которымъ мы дали названіе *острововъ Норденшѣльда*.

«Послѣ полудня засорилась трубка, указывающая уровень воды въ котлѣ;

Рис. 8. У сѣверныхъ береговъ Азіи.

*) Въ описаніи своего путешествія (Плаваніе вокругъ Азіи и Европы на „Вега“, 2 тома. Лейпцигъ, 1882) Норденшѣльдь говорить впрочемъ ясно (I томъ, стр. 304), что густой туманъ „позволяетъ ему сдѣлать лишь весьма поверхностную съемку острововъ, между которыми „Вега“ пролагала свой путь.

мы вынуждены были остановиться, чтобы привести ее въ порядокъ, и причалили поэтому къ краю льда. Этимъ временемъ мы воспользовались, чтобы зачистить водой для питья. На льдинѣ оказалась такая незначительная лужа, что намъ казалось даже не стоящимъ труда начинать съ нея. Но, вѣроятно, она имѣла на глубинѣ связь съ другими скопленіями прѣсной воды, такъ какъ, къ нашему изумленію, она не опорожнялась, сколько мы не черпали изъ нея воды.

«Вечеромъ мы направились въ конецъ бухты, образовавшейся во льду и простиравшейся до самаго сѣвернаго изъ виднѣвшихся острововъ. Изломанный пловучій ледъ примерзъ у самаго края сплошнаго льда, такъ что массы обѣихъ переходили незамѣтно одна въ другую. Мы могли видѣть острова и еще далѣе къ сѣверо-востоку. Судя по освѣщенію неба, можно было предположить, что и въ этомъ направленіи простирается открытый фарватеръ; напротивъ того, на сѣверѣ тянулся довольно сплошной ледъ, тогда какъ на западѣ далеко виднѣлся просвѣтъ съ открытымъ фарватеромъ.

«Я колебался, что теперь предпринять. Открытый каналъ шелъ еще нѣсколько дальше, мимо сѣверной оконечности слѣдующаго острова, но далѣе къ востоку море, повидимому, было загромождено сплошнымъ льдомъ. Представлялась, конечно, возможность пробиться сквозь него, но столь же легко можно было и застѣть въ немъ, и я считалъ болѣе благоразумнымъ вернуться и сдѣлать еще разъ попытку пройти между этими островами и материкомъ, который Свердрупъ будто бы видѣлъ еще утромъ, но въ существованіе котораго мнѣ не особенно вѣрилось».

Четвергъ, 29 августа: «Все еще пасмурная погода. На возвратномъ пути были открыты новые острова. Высокая земля Свердрупа оказалась мною; выяснилось, что это былъ островъ и притомъ довольно низкій. Удивительно, какъ все неясно представляется среди тумана. Миновавъ массу неизвѣстныхъ острововъ, мы вышли вдоль острова Таймыра въ открытый фарватеръ, и при тихой погодѣ направились черезъ проливъ къ сѣверо-востоку. Въ 6 часовъ пополудни увидѣлъ я изъ бочки впереди насъ твердый ледъ, препятствующій дальнѣйшему движенію. Онъ простирался до лежащихъ за проливомъ острововъ. На льдинахъ виднѣлись по всѣмъ направленіямъ бородастые тюлени (*Phoca barbata*), кромѣ того я замѣтилъ одного моржа. Мы направились къ краю льда, чтобы пристать, но «Фрамъ» оказался на «мертвой водѣ» (*Dodvand*) (см. далѣе) и почти не трогался съ мѣста, хотя машина и работала изо всѣхъ силъ. Мы поворачивались такъ медленно, что я предпочелъ выѣхать впередъ въ лодкѣ, чтобы застрѣлять тюленей. Тѣмъ временемъ «Фрамъ» медленно передвигался по направленію къ краю льда, несмотря на то, что машина продолжала работать при полномъ давленіи.

«О дальнѣйшемъ движеніи въ данный моментъ нечего было и думать. Правда, всего двѣ—три мили льда отдѣляли насъ отъ открытаго, по всей вѣроятности, Таймырскаго моря, но пробиться черезъ этотъ ледъ не было никакой возможности; для этого онъ былъ слишкомъ крѣпокъ, а проходовъ нигдѣ не было видно. Здѣсь, гдѣ 18 августа 1878 года свободно прошелъ Норденшельдъ во время своего знаменитаго плаванія на «Вегъ», не встрѣтивъ ни малѣйшаго препятствія,—здѣсь можетъ быть, суждено было погнупь наши надежды, по край-

пей мѣръ на этотъ годъ. Невозможно было предполагать, чтобы ледъ въ состояніи былъ растаять, прежде чѣмъ наступитъ настоящая зима. Единственно, что могло насъ спасти, это сильный штормъ съ юго-запада. Слабую надежду подавала намъ еще возможность пайти, далѣе къ югу, Таймырскій проливъ Норденшюльда свободнымъ отъ льда и пробиться чрезъ него съ «Фрамомъ», хотя Норденшюльдъ и говоритъ опредѣленно, что «проливъ этотъ былъ слишкомъ мелокъ для большихъ судовъ». Сдѣлавъ экскурсію въ kayakъ и въ лодкѣ и застрѣливъ при этомъ нѣсколько тюленей, мы тронулись, для того чтобы стать на якорь въ лежащемъ нѣсколько южнѣ заливѣ, гдѣ мы, повидимому, могли укрыться на случай наступленія шторма. Мы предполагали произвести тамъ основательную чистку котла, что было весьма необходимо. Но намъ потребовалось болѣе четырехъ часовъ, чтобы пройти нѣсколько морскихъ миль, которыя бы мы могли пробхать на веслахъ въ полчаса или менѣе. Мы почти не двигались съ мѣста вслѣдствіе мертвой воды и, казалось, влекли за собой всю поверхностную воду».

Своеобразное явленіе представляетъ изъ себя эта мертвая вода! Мы имѣли здѣсь болѣе чѣмъ достаточно времени для ознакомленія съ этимъ явленіемъ. Повидимому, оно встрѣчается только тамъ, гдѣ слой поверхностной прѣсной воды лежитъ надъ соленой морской, и возникаетъ вслѣдствіе того, что прѣсная вода увлекается судномъ въ его движеніи, такъ что она скользитъ по болѣе плотному слою морской воды, какъ по твердому дну. Разница между обоими слоями была здѣсь настолько велика, что поверхностную воду мы могли пить, тогда какъ вода, зачерпнутая на известной глубинѣ, была слишкомъ солона даже для употребленія въ котлѣ.

Мертвая вода является въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ водныхъ хребтовъ или волнъ, простирающихся поперекъ кильватера одна за другой. Иногда эти волны достигаютъ середины судна. Мы держались извилястаго курса, иногда совершенно поворачивались и вообще дѣлали всевозможныя эволюціи, но ничто не помогало. Когда машина не работала, судно даже увлекалось назадъ. Несмотря на тяжесть «Фрама», мы могли теперь полнымъ ходомъ приблизиться на два—три метра къ краю льда, и тѣмъ не менѣе даже не почувствовали толчка, когда судно ударилося объ ледъ.

Какъ разъ во время нашего приближенія, на льдинѣ взадъ и впередъ бѣгала лисница и, наслаждаясь жизнью, дѣлала самыя удивительныя прыжки. Сверднувъ выстрѣлитъ въ нее и положить конецъ ея существованію. Во время обѣда было сообщено извѣстіе, что на сушѣ показались два медвѣдя, но они исчезли раньше, чѣмъ мы собрались на нихъ поохотиться. Тюленей здѣсь было поразительно много; повидимому, это одна изъ самыхъ благоприятныхъ областей для тюленьей охоты. Стада, которыя я видѣлъ на льду уже въ первый день, напоминали мнѣ тюленьи лежбища у западнаго берега Гренландіи. Это наблюденіе находится, повидимому, въ странномъ противорѣчьи съ собранными экспедиціей «Веги». Сравнивая эти воды съ моремъ къ сѣверу и востоку отъ Шпицбергена, Норденшюльдъ говоритъ: «Поразительное отличіе заключается въ маломъ числѣ теплокровныхъ животныхъ, характеризующемъ эту, до сихъ поръ пощаженную охотой мѣстность. Въ продолженіе дня мы не видѣли ни одной птицы,—обстоятельство, не встрѣчавшееся мнѣ никогда прежде во время лѣтнихъ путешествій

въ арктическихъ странахъ; точно также мы не видали ни одного тюленя». Отсутствие въ то время тюленей можно, однако, легко объяснить недостаткомъ льда. Самъ Норденшюльдъ говорить, что на льду въ Таймырскомъ проливѣ можно было видѣть массу тюленей, какъ *Phoca hispida*, такъ и *Phoca barbata*.

Къ такимъ незавиднымъ результатамъ привелъ насъ августъ. Норденшюльдъ уже 18-го августа прошелъ черезъ этотъ проливъ и 19—20-го обогнуть мысъ Челюскина, тогда какъ на нашемъ пути, въ концѣ того же мѣсяца, лежала твердая, какъ суша, ледяная масса. Шансы были далеко не блестящи. Неужели такъ рано предстояло намъ убѣдиться въ правотѣ сдѣланныхъ намъ неудачи пророковъ. Нѣтъ, нужно попытаться пройти Таймырскимъ проливомъ, а если это не удастся, то сдѣлать еще послѣднюю попытку—обойти все острова. Быть можетъ, тѣмъ временемъ ледяныя массы будутъ отнесены вѣтромъ и освободятъ путь. Оставаться здѣсь намъ во всякомъ случаѣ было нельзя.

Сентябрь наступилъ среди тихой, пасмурной, снѣжной погоды. Пустынная безпріютная земля съ ея плоско-округленными возвышенностями все болѣе и болѣе покрывалась снѣгомъ. Видъ зимы, медленно и беззвучно вступающей въ свои права послѣ слишкомъ короткаго лѣта, едва ли могъ способствовать веселому настроенію нашего духа.

2-го сентября котель, наконецъ, былъ очищенъ; мы запаслись прѣсной водой съ поверхности моря и приготовились къ отплытію. Тѣмъ временемъ Свердрупъ и я предприняли экскурсію на сушу, чтобы выслѣдить оленей. Земля была теперь совершенно покрыта снѣгомъ, и мы бы могли воспользоваться лыжами, если бы дорога была не такъ дурна. Мы бродили до изнеможенія по водѣ, не видя ни слѣда какого либо животнаго. Покинутый міръ! Перелетныя птицы по большей части уже потянулись на югъ; мы видѣли небольшія стаи ихъ еще надъ моремъ. Они собирались къ отлету на встрѣчу солнцу и пробуждали въ насъ желаніе послать съ ними вѣсти и поклоны на родину. Только отдѣльныя чайки составляли теперь нашу компанію, одного отсталого путника въ образѣ гуся я увидѣлъ однажды сидящимъ на краю льда.

Вечеромъ двинулись мы въ южномъ направленіи, но мертвая вода продолжала насъ преслѣдовать. По картѣ Норденшюльда до Таймырскаго пролива должно быть только 20 мор. миль; но намъ потребовалась цѣлая ночь, чтобы пройти это разстояніе. Скорость приблизительно составляла одну пятую той, которая могла бы быть при другихъ условіяхъ. Только около 6 часовъ утра (3-го сентября) встрѣтили мы небольшое количество хрупкаго льда, освободившаго насъ отъ мертвой воды. Переходъ былъ чувствителенъ. Въ то самое мгновеніе, когда «Фрамъ» прорѣзалъ ледяную кору, онъ сдѣлалъ скачекъ впередъ и затѣмъ двинулся обыкновеннымъ своимъ ходомъ. Съ этого дня намъ не приходилось больше страдать въ замѣтной степени отъ мертвой воды.

То, что по картѣ должно соответствовать Таймырскому проливу, мы нашли совершенно затертымъ льдомъ; мы двинулись поэтому далѣе на югъ, чтобы посмотрѣть, не найдется ли тамъ какого-нибудь зунда, черезъ который намъ можно бы было пробраться. Ориентироваться по картѣ вообще было довольно трудно. Мы не видѣли острововъ Говгарда, которые должны были лежать къ сѣверу отъ входа въ проливъ, хотя стояла прекрасная, ясная погода, такъ что

они едва ли могли укрыться отъ нашего вниманія, если бы находились тамъ гдѣ ихъ указываетъ карточка Бове (спутника Норденшельда). За то мы встрѣтили много острововъ дальше въ морѣ, на разстояніи многихъ миль отъ пролива, гдѣ участники экспедиціи «Вега» едва ли могли ихъ видѣть изъ-за тумановъ. Далѣе къ югу мы нашли какой-то открытый зундъ или узкій фіордъ, въ который мы и направились, чтобы получить, по возможности, болѣе ясное представленіе о положеніи дѣла. Но въ то время, какъ я сидѣлъ наверху въ бочкѣ, земля все болѣе и болѣе исчезала вдали. Тотъ выступъ суши, который я считалъ за мысъ и который находился къ сѣверу отъ насъ, оказался въ концѣ концовъ островомъ; фіордъ простирался далѣе внутрь страны. Онъ то суживался, то расширялся. Дѣло становилось все загадочнѣе.

Быть можетъ, это все-таки Таймырскій проливъ? Совершенный штиль. Туманъ заволокъ кругомъ всю сушу. Почти невозможно отличить гладкую водную поверхность отъ льда, а ледъ отъ покрытой снѣгомъ земли. Все сливается въ одну массу. Всюду тишина, ни признака жизни. Надежда возникаетъ и падаетъ съ каждой извилиной фіорда среди этой пѣмой страны тумана. Впереди не то открытый фарватеръ, не то больше льда. Издали нельзя видѣть, что именно. Не есть ли это въ самомъ дѣлѣ Таймырскій проливъ? Удастся ли намъ пройти? Вѣдь дѣло идетъ о *цѣломъ годѣ!*—

Конечно, впереди все ледъ,—нѣтъ, тамъ виденъ отблескъ водной поверхности и отраженіе въ ней покрытой снѣгомъ земли. Должно быть, это проливъ. Но вотъ впереди показались нѣсколько большихъ льдинъ, мимо которыхъ трудно было пройти, и мы стали на якорь у мыса въ удобной и безопасной гавани *Коллинг-Арчера*. Мы замѣтили теперь, что льдины увлекались сильнымъ приливнымъ теченіемъ, и не было сомнѣнія, что мы находились въ проливѣ. Вечеромъ я выѣхалъ на лодкѣ, чтобы поохотиться на тюленей, и взялъ при этомъ съ собой мое самое драгоценное ружье, двустволку—экспрессъ калибръ 577. Какъ разъ въ ту минуту, когда мы собирались взять въ лодку тюленью шкуру, лодка качнулась, я потерялъ равновѣсіе и упалъ спиною на льдину; въ то же мгновеніе ружье упало черезъ бортъ,—печальное событіе! Гендриксенъ и Бентсенъ, бывшіе со мной въ качествѣ гребцовъ, приняли это такъ близко къ сердцу, что на нѣкоторое время буквально потеряли способность рѣчи. Они полагали, что нельзя же оставлять дорогое оружіе на глубинѣ 10 метровъ. Мы возвратились поэтому на судно, чтобы взять нужные снаряды и затѣмъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ производили поиски среди темной пасмурной ночи.

Въ то время какъ мы были заняты этимъ дѣломъ, вокругъ насъ беззвѣстно вертѣлся бородатый тюлень, удивленно смотрѣвшій на насъ и высовывавшій изъ воды свою голову то съ одной, то съ другой стороны, все ближе и ближе, какъ будто онъ хотѣлъ узнать, какую работой мы заняты такъ усердно въ ночную пору. Затѣмъ онъ сталъ нырять безъ конца, вѣроятно, чтобы посмотреть, какъ шли наши поиски подъ водою. Наконецъ, тюлень сталъ уже слишкомъ надоедливъ; я взялъ ружье Гендриксена и всадилъ ему пулю въ голову. Но звѣрь пошелъ ко дну раньше, чѣмъ мы подоспѣли, и въ отчаяніи мы бросили всѣ поиски. Потеря моего ружья спасла, конечно, жизнь многимъ тюленямъ. Но каково потерять пятьсотъ кронъ!

На слѣдующій день я предпринялъ на лодкѣ поѣздку къ востоку, чтобы узнать, возможно ли пройти пароходу черезъ проливъ. Стало холодно и ночью выпалъ снѣгъ, такъ что море вокругъ «Фрама» покрылась довольно толстымъ слоемъ снѣга и льда; стоило немалыхъ усилій пробиться на лодкѣ въ открытый фарватеръ.

Я предполагалъ, что земля, лежавшая передъ нами на сѣверной сторонѣ пролива, и есть земля у бухты *Актинии*, гдѣ «Вега» стояла на якорѣ. Но напрасно искалъ я «каменныхъ знаковъ», поставленныхъ здѣсь Норденшѣльдомъ. Наконецъ, къ своему изумленію я убѣдился, что это только небольшой островъ и что мы находились на южной сторонѣ главнаго входа въ *Таймырскій проливъ*, оказавшійся здѣсь весьма широкимъ. Послѣ этого я могъ уже приблизительно опредѣлить, гдѣ въ дѣйствительности бухта Актинии врѣзывается далѣе къ сѣверу въ сушу.

Мы проголодались и предполагали поѣсть, прежде чѣмъ покинемъ этотъ островъ, но лица у насъ вытянулись, когда обнаружилось, что мы забыли масло. Пришлось грызть сухіе сухари и почти ломать наши челюсти о куски сушеной оленины. Утомившись, но не насытившись, тронулись мы далѣе и окрестили этотъ выступъ суши названіемъ «*Kar Smølaus*» (Безмасляный мысъ).

Мы проникли далеко въ проливъ; повидимому, тамъ былъ хорошій фарватеръ для судна, 15 и 18 метровъ глубины до самаго берега. Къ вечеру однако насъ задержалъ ледъ и такъ какъ мы опасались быть затертыми, то я счелъ за лучшее повернуть обратно. Правда, здѣсь не грозила опасность умереть съ голоду; мы находили всюду свѣжіе слѣды медвѣдей и сѣверныхъ оленей, а въ водѣ имѣлось достаточно тюленей, но я боялся задержать «Фрамъ», въ случаѣ если бы оказалось возможнымъ пройти въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Поэтому, несмотря на сильный противный вѣтеръ, мы поплыли обратно и наконецъ на слѣдующее утро пристали къ «Фраму». И это было какъ разъ во время, такъ какъ вскорѣ наступила сильная непогода.

О судоходности Тамырскаго пролива Норденшѣльдъ говоритъ слѣдующее: «Судя по измѣреніямъ глубинъ, произведеннымъ лейтенантомъ Паландеромъ, проливъ имѣетъ такое каменистое дно и столь сильныя теченія, что едва ли можно совѣтывать плыть черезъ него, прежде чѣмъ онъ будетъ вполне промѣренъ и будутъ произведены наблюденія надъ приливными теченіями для сужденія объ измѣнчивости въ ихъ направленіи». (*Vega - Expeditionens vetenskapliga iakttagelser*, I. стр. 152). Я не могу прибавить къ сказанному ничего особеннаго кромѣ только, что тамъ, гдѣ мы плыли, фарватеръ былъ свободенъ и казался, насколько я могъ замѣтить, проходимымъ; но мы едва ли проникали такъ далеко, какъ Паландеръ. Во всякомъ случаѣ я рѣшился, если окажется необходимымъ, попытаться пройти здѣсь съ «Фрамомъ»».

5 сентября принесло съ собой метель и свѣжій вѣтеръ, все усиливавшійся. Вечеромъ онъ сталъ сильно свистать промежъ снастей, и мы были довольны, что находимся на суднѣ: сегодня было бы не легко возвращаться на лодкѣ. Въ общемъ положеніе вещей меня не радовало. Правда, представлялось возможнымъ, что ледъ нѣсколько порѣдѣетъ на сѣверѣ; къ тому же добытыя вчера свѣдѣнія давали мнѣ право надѣяться, что въ крайнемъ случаѣ удастся пройти

через проливъ, но теперь вѣтеръ гналъ все большія и большія массы льда, да и вообще близкое, повидимому, наступленіе зимы не предвѣщало ничего хорошаго; зима могла установиться окончательно раньше, чѣмъ мы найдемъ проходъ.

Я пытался примириться съ мыслью о зимовкѣ въ этой мѣстности и составилъ уже планъ нашихъ поѣздокъ въ наступающемъ году. Кромѣ изслѣдованія берега, которое несомнѣнно поставило бы на разрѣшеніе немало задачъ, наши поѣздки должны были простираться на неизвѣстную внутреннюю часть всего Таймырскаго полуострова до устья рѣки Хатанги. На собакахъ и лыжахъ мы могли дѣлать далекія экскурсіи, такъ что этотъ годъ, несомнѣнно, не былъ бы потерянь для геологіи и географіи. Но примириться съ этимъ,—нѣтъ, это было невозможно! Годъ жизни былъ все-таки годъ, а наша экспедиція могла продолжиться и безъ того достаточно долго.

Больше всего, однако, меня угнетала слѣдующая мысль: если ледъ намъ мѣшаетъ теперь, то кто можетъ поручиться, что этого не будетъ въ слѣдующемъ году? Какъ часто случается, что нѣсколько неблагоприятныхъ, обильныхъ льдомъ годовъ слѣдуютъ одинъ за другимъ, а этотъ годъ оказался далеко не изъ числа лучшихъ. Хотя въ этомъ мнѣ не хотѣлось сознаться, но я проводилъ ночи далеко не на розахъ, пока не приходилъ сонъ и не уносилъ меня въ царство забвенія.

Наконецъ наступило 6 сентября, среда—день моей свадьбы. Я проснулся утромъ съ довольно суетвѣрнымъ чувствомъ, что этотъ день долженъ привести съ собой перемѣну, если она вообще когда-нибудь наступитъ. Штормъ нѣсколько утихъ, солнце по временамъ выглядывало на минуту изъ-за облаковъ, и жизнь казалась веселѣе. Послѣ обѣда вѣтеръ совершенно пересталъ; наступила тихая прекрасная погода. Сѣверная часть пролива впереди насъ, затертая до этого крѣпкимъ льдомъ, очистилась благодаря бурѣ; но на востокъ, куда мы ѣздили на лодкѣ, проливъ былъ всегдѣмъ загроможденъ льдомъ; если бы мы въ тотъ вечеръ не возвратились своевременно, то намъ пришлось бы остаться тамъ, неизвѣстно какъ долго! Повидимому, можно было надѣяться, что теперь взломался также ледъ и между мысомъ Лаптевымъ и островами Алмквиста. Мы растопили поэтому, не теряя времени, машину, и двинулись въ 7 часовъ вечера къ сѣверу, чтобы снова попытать счастья. Я имѣлъ твердую увѣренность, что этотъ день принесетъ намъ удачу.

Все еще стояла прекрасная погода, и мы радовались солнцу. За это время мы настолько отъ него отвыкли, что Нордаль, сгребая послѣ обѣда уголья въ темномъ помѣщеніи, принялъ солнечный лучъ, проникшій черезъ люкъ и свѣтившійся среди угольной пыли, за балку. Онъ покойно облокотился на нее и былъ не мало удивленъ, когда очутился внизу въ трюмѣ, среди желѣзнаго лома.

Становилось все труднѣе ориентироваться въ расположеніи суши, и произведенное нами въ полдень опредѣленіе широты не разъяснило дѣла; оно показало, что мы находимся подъ $76^{\circ} 2'$ сѣв. шир., т.-е. приблизительно на 8 морскихъ миль южнѣе мѣста, которое у Норденшѣльда и Бове обозначено какъ материкъ. Впрочемъ, едва ли можно ожидать особой точности отъ этихъ картъ, такъ какъ

во все время нахождения въ этой мѣстности экспедиціи «Веги» была, какъ кажется, пасмурная погода.

Такъ и теперь, направившись къ сѣверу, мы не могли отыскать острововъ Говгарда, и когда я полагаю, что мы достигли ихъ, какъ разъ на сѣверной сторонѣ входа въ Таймырскій проливъ, я увидѣлъ, къ моему удивленію, въ прямомъ сѣверномъ направленіи высокую скалу, находившуюся, повидимому, на материкѣ.

Какимъ образомъ все это примирить? Я все болѣе и болѣе склонялся къ подозрѣнію, что мы попали въ цѣлый комплексъ острововъ. Теперь, повидимому, этотъ вопросъ долженъ былъ разъясниться. На бѣду, какъ разъ въ эту минуту напряженнаго ожиданія погода измѣнилась, пошелъ дождь и снѣгъ, и мы принуждены были предоставить будущему разрѣшеніе этой загадки.

Насыщенный парами воздухъ и наступающая ночь не дали намъ возможность видѣть лежащую въ отдаленіи землю. Было, пожалуй, рискованно идти прямо на нее, но не хотѣлось упустить такого благоприятнаго случая. Мы уменьшили нѣсколько скорость и продолжали нашъ путь по направленію къ берегу, готовые повернуть, какъ только насъ оповѣстятъ о сушѣ. Спокойный въ сознаніи, что на дежурствѣ находится Свердрупъ, я улегся въ постель съ давно небывалой беззаботностью.

На слѣдующее утро (17 сентября) въ 6 часовъ пришелъ Свердрупъ съ докладомъ, что въ три часа ночи мы миновали *острова Таймыръ* или *мысъ Лаптева* и находимся въ *Таймырской бухтѣ*, но что передъ нами имѣется плотный ледъ и какой-то островъ. Возможно, что намъ удалось бы пробраться до этого острова, такъ какъ въ этомъ именно направленіи образовался каналъ; но теченіе оказывалось стремительнымъ и предварительно мы принуждены были повернуть назадъ.

Послѣ завтрака я поднялся въ бочку. Солнце ярко сіяло. Я пришелъ къ заключенію, что островъ Свердрупа представляетъ изъ себя, вѣроятно, материкъ, простирающійся, однако, въ противоположность картамъ, удивительно далеко къ западу; я могъ еще разглядѣть позади насъ Таймырскіе острова, а на сѣверѣ самый восточный изъ острововъ Алмвиста.

Передъ нами тянулся длинный песчаный полуостровъ, и я могъ прослѣдить землю до мѣста ея исчезновенія въ концѣ бухты, въ южной части горизонта. Дальше тянулась узкая полоса, среди которой я не могъ замѣтить суши, а видѣлъ только свободную поверхность воды. Но затѣмъ показалась земля на западной сторонѣ, въ направленіи Таймырскаго острова. Своими возвышенностями и округленными горными вершинами она рѣзко отличалась отъ низкаго берега восточной стороны бухты.

Къ сѣверу отъ указаннаго полуострова виднѣлась свободная вода. Между нею и нами находилось нѣкоторое количество льда, но «Фрамъ» пробился черезъ него. Когда мы приблизились къ полуострову, я былъ удивленъ, увидѣвъ, что море покрыто коричневою глинистою водой. Глубокимъ этотъ слой не могъ быть, такъ какъ кильватеръ за нимъ былъ совершенно прозраченъ. Глинистая вода пѣнилась по обѣимъ сторонамъ судна. Я велѣлъ бросить лоть и нашелъ, какъ и слѣдовало ожидать, болѣе мелкій фарватеръ, сначала 15 метровъ, затѣмъ

12, наконецъ 10. Я остановилъ судно и далъ ему обратный ходъ. Дѣло становилось подозрительнымъ, такъ какъ находящіяся кругомъ льдины лежали на днѣ. Здѣсь же шло стремительное теченіе къ сѣверо-востоку.

Мы снова двинулись медленно впередъ, при чемъ безостановочно производили измѣренія глубины. Къ счастію она держалась на 10 метрахъ. По прошествіи нѣкотораго времени фарватеръ сталъ глубже, сначала 11 метровъ, затѣмъ 11¹/₂, потомъ 12, и мы снова пошли полнымъ ходомъ. Вскорѣ мы уже оказались по ту сторону темной полосы, въ голубомъ морѣ. Граница между бурой, поверхностной водой и прозрачной голубой обозначалась рѣзко. Было ясно, что первая происходила изъ какой-нибудь, текшей съ юга рѣки.

Отъ этого полуострова суна простиралась въ восточномъ направленіи, и мы держали курсъ къ востоку и сѣверо-востоку, въ каналѣ между льдомъ и берегомъ. Послѣ полудня каналъ совсѣмъ сузился, такъ что мы приблизились къ самому берегу, поворачивавшему отсюда снова на сѣверъ. Вдоль этого берега мы шли также узкимъ каналомъ, глубина въ которомъ варіировала отъ 10 до 15 метровъ, но вечеромъ должны были остановиться, такъ какъ ледъ соприкасался здѣсь съ берегомъ. Суна выказывала большое сходство съ Ямаломъ: такая же низменная равнина, мало возвышающаяся надъ моремъ и незамѣтная издали. Развѣ что она нѣсколько холмистѣе; въ двухъ-трехъ мѣстахъ въ глубинѣ страны видѣлись даже нѣсколько возвышенныхъ кражей. Но самое побережье повсюду, повидимому, сложено изъ слоевъ песка и глины, постепенно склоняющихся къ морю. На равнинахъ внутри страны были видны многочисленные стада оленей. На слѣдующее утро (8 сентября) предпринять я экскурсію на сушу съ цѣлью поохотиться. Застрѣливъ одного оленя, я хотѣлъ продолжать охоту, какъ вдругъ поразительное открытіе привлекло все мое вниманіе, и я забылъ о своемъ первоначальномъ намѣреніи. Это былъ большой фюрдь, который врѣзывался въ сушу къ сѣверу отъ меня. Я шелъ, сколько мнѣ позволяли силы, чтобы лучше ориентироваться, но не могъ увидѣть его конца. Фюрдь простирался широкимъ и длинной полосой до голубыхъ горъ, видѣвшихся далеко-далеко, на востокѣ; эти горы достигали, казалось, на краю горизонта, до самой воды; за ними не было видно ни земли, ни горъ.

Моя фантазія разыгралась; мнѣ представлялось даже, что это, можетъ быть, проливъ, простирающійся поперекъ полуострова Челюскина и обращающій его въ островъ. Но, вѣроятно, это только рѣка, расширяющаяся при впаденіи въ устье, подобно тому, какъ это мы находимъ у многихъ сибирскихъ рѣкъ.

На глинистой поверхности, по которой я шелъ, были раскиданы всюду крупные эрратическіе валуны изъ различныхъ горныхъ породъ. Ихъ могли принести сюда только мощные глетчеры ледниковаго періода.

Живыхъ существъ я видѣлъ немного. Кромѣ оленей встрѣтились еще двѣ горныя бѣлыя куропатки, нѣсколько снѣжныхъ воробьевъ и бекасы; кромѣ того, я видѣлъ слѣды лисицъ и неструшекъ. Эта самая сѣверная часть Сибири совершенно необитаема и едва ли посѣщается бродячими туземцами. Тѣмъ не менѣе, далеко отъ берега въ равнинѣ, я нашелъ круглую кучу мха, быть-можетъ, обязанную своимъ происхожденіемъ человѣческимъ рукамъ. Можетъ-быть, сюда заходилъ все-таки какой-нибудь самоѣдъ и собирать мохъ для своихъ оле-

ней; во всякомъ случаѣ это было давно, такъ какъ мохъ совершенно сгнилъ и почернѣлъ. Но возможно, что эта куча была и естественною; природа въѣдъ весьма причудлива въ своихъ проявленіяхъ.

Какъ быстро однако смѣняются свѣтъ и тѣни въ этой арктической странѣ! Когда я на слѣдующее утро (9 сентября) взобрался въ бочку, я увидѣлъ, что ледъ порѣдѣлъ въ направленіи отъ суши къ сѣверу, и я могъ прослѣдить каналь, дававшій намъ возможность выбраться на сѣверѣ въ открытый фарватеръ. Я тотчасъ же распорядился, чтобы затопили машину. Барометръ безспорно стоялъ низко, — такъ низко, какъ это мы не наблюдали до сихъ поръ ни разу за все наше путешествіе; онъ упалъ до 733 миллиметровъ. Вѣтеръ налеталъ сильными порывами съ суши, вздымая тучи песка и пыли на равнинѣ. Свердрупъ полагалъ, что было бы надежнѣе остаться, гдѣ мы стояли; но было жаль не воспользоваться представлявшимся случаемъ. Солнце сіяло такъ прекрасно, небо улыбалось и возбуждало довѣріе. Я приказалъ поднять паруса и скоро мы полетѣли среди льда подъ паромъ и на всѣхъ парусахъ. Теперь мы должны наконецъ осилить мысъ Челюскина.

Никогда «Фрамъ» не шелъ такъ быстро; его скорость составляла 8 миль въ часъ. Вскорѣ мы пробились черезъ ледъ и имѣли передъ собой, насколько хваталъ глазъ, открытый фарватеръ вдоль берега. Мы проходили мимо одного мыса за другимъ; по пути встрѣчались новые фьорды и острова, и вскорѣ мнѣ показалось, что вдали на сѣверѣ я могу различить въ зрительную трубу горы; онѣ лежали, по всей вѣроятности, близъ мыса Челюскина.

Земля, вдоль которой мы шли, была совсѣмъ низменная; отчасти она походила на ту, какую я посѣтилъ наканунѣ. За низкимъ берегомъ можно было различить вдали болѣе высокія горы или горныя цѣпи. Нѣкоторыя изъ нихъ состояли, повидимому, изъ горизонтально лежащихъ осадочныхъ сланцовъ. Всѣ внутреннія горы были покрыты снѣгомъ. Въ одномъ мѣстѣ казалось, какъ будто вся цѣпь покрыта сплошными ледяными и снѣжными полями; на краю ихъ выдавались отдѣльныя вершины, тогда какъ внутри поверхность ихъ была совершенно бѣлая безъ единого пятнышка. Нельзя было думать, что это новый снѣгъ; снѣговая поверхность представлялась слишкомъ связаной и равномѣрной, и скорѣе напоминала настоящій глетчеръ.

Если карты Норденшѣльда указываютъ на существованіе въ этомъ мѣстѣ, внутри суши, «высокихъ горныхъ цѣпей», то это удовлетворительно согласуется съ моими наблюденіями, хотя я и не причислилъ бы этихъ горъ къ особенно высокимъ. Но если по отношенію къ тому же мѣсту, согласно съ прежними картами, идетъ рѣчь о высокомъ «скалистомъ берегу», то такое обозначеніе нельзя признать подходящимъ. Берегъ очень низкій и состоитъ, по крайней мѣрѣ въ значительной части, изъ глины или рыхлыхъ напластованій. Одно изъ двухъ, или Норденшѣльдъ очерпнулъ указанія изъ старыхъ и мало надежныхъ источниковъ, или онъ былъ введенъ въ заблужденіе постоянными туманами, сопутствовавшими ему въ этихъ водахъ.

Вечеромъ мы приблизились къ сѣверному концу суши; но теченіе, несшее насъ въ продолженіи дня, наконецъ измѣнилось въ обратное, и намъ казалось, что мы никогда не пройдемъ мимо острова, лежавшаго у берега, къ сѣверу отъ

насъ. Вдали на сушѣ возвышалась гора, замѣченная мною уже днемъ. Она была сверху сплюснута, тогда какъ склоны ея падали круто. Горная порода напоминала песчаникъ или базальтъ, но отвѣсныхъ отдѣльностей или уступовъ не было видно. Я оцѣнилъ высоту ея въ 400—500 метровъ. Въ морѣ виднѣлось много острововъ, изъ которыхъ ближайшій имѣлъ довольно значительные размѣры.

Наконецъ, приближался моментъ, когда мы должны были пройти мимо давножданнаго пункта, и тѣмъ самымъ избѣгнуть втораго затрудненія, котораго я опасался въ этомъ плаваніи.

Я сидѣлъ вечеромъ вверху, въ бочкѣ, и смотрѣлъ къ сѣверу. Види́вшаяся земля была плоскою и пустынною. Тамъ, въ морѣ, солнце уже давно зашло и вечернее небо горѣло золотистымъ отблескомъ. Высоко вверху, надъ водою было одиноко и тихо. Виднѣлась единственная звѣзда; она стояла прямо надъ мысомъ Челюскинымъ и мерцала ясно и тоскливо на блѣдномъ небѣ. Чѣмъ дальше мы шли впередъ, а мысль отступать отъ насъ къ востоку, тѣмъ неотступнѣе стояла она надъ нами. Невольно пришло въ голову—не моя ли это звѣзда, не

Рис. 9. Мысъ Челюскинъ, самый сѣверный пунктъ Стараго Свѣта.

глазъ ли это родины, которая слѣдитъ за нами и теперь провожаетъ насъ своей прощальной улыбкой...

Къ утру мы достигли пункта, который приняли за самый сѣверный конецъ полуострова. При смѣнѣ вахты, въ 4 часа, были подняты флаги и три послѣднихъ картежа послали гремящій салютъ по морю. Въ тотъ же моментъ показалось солнце, и съ нимъ разсѣялись чары Челюскина, державшія насъ такъ долго въ своей власти. Путь передъ нами былъ открытъ до нашей цѣли—пловучаго льда къ сѣверу отъ Новосибирскихъ острововъ. Вся команда была разбужена, фруктовый сокъ и сигары были поданы въ празднично освѣщенный салонъ. Я привѣтствовалъ товарищей и предложилъ тостъ за счастливый путь отъ Челюскина. Заигралъ гармоніумъ, а я снова отправился въ бочку, чтобы бросить послѣдній взглядъ на сушу. Возвышенность, которую я замѣтилъ вечеромъ, оказалась теперь на западной сторонѣ полуострова. Далѣе, къ востоку, виднѣлся другой болѣе низкій и округленный хребетъ, уходявшій на югъ. Это повидимому тотъ, о которомъ упоминаетъ Норденшѣльдъ; за нимъ, судя по описанію, долженъ лежать самый сѣверный выступъ, а теперь мы находились прямо противъ бухты короля Оскара. Но я напрасно искалъ въ подзорную трубу поставленныхъ Норденшѣльдомъ «каменныхъ знаковъ». Мнѣ сильно хотѣлось отправиться на берегъ, но я рассчитывалъ, что у насъ мало остается времени. Бухта,

бывшая свободною ото льда во время плаванія «Веги», теперь была совершенно заполнена плотнымъ зимнимъ льдомъ.

Фарватеръ впереди былъ открытъ; далеко въ морѣ можно было видѣть край плывущаго льда. Нѣсколько далѣе къ западу видѣлась пара островковъ, недалеко отстоящихъ отъ берега; мы назвали ихъ, въ честь спутника Грили, островами Локвуда. У сѣверозападнаго угла Челюскина насъ задержалъ немного плавный ледъ, простиравшійся, повидимому, до самаго берега.

Судя по темному небу, по ту сторону острова, который показался передъ нами, долженъ былъ находиться снова открытый фарватеръ. После того, какъ мы побывали на берегу и убѣдились, что вѣзавшійся съ юга въ этотъ островъ зундъ или фюрдъ былъ весь закрытъ льдомъ, мы стали пролагать себѣ вечеромъ путь вдоль окраины острова. Затѣмъ мы шли всю ночь подъ парами и

парусами къ югу. Насъ несло быстро, и неоднократно мы проходили по 9 миль въ часъ. Мѣстами встрѣчался ледъ, но мы легко пролагали себѣ чрезъ него путь.

11-го сентября утромъ замѣтили мы впереди высокую землю и должны были измѣнить нашъ курсъ въ восточный, котораго и держались весь день. Выйдя передъ полуднемъ на палубу, я увидѣлъ въ недалекомъ разстоянн красивую

Рис. 10. На восточной сторонѣ отъ мыса Челюскина (10 сентября 1893 г.)

сивую горную страну съ высокими гребнями, раздѣленными долинами. За все время плаванія отъ Вардѣ это было въ первый разъ, и послѣ однообразныхъ плоскихъ береговъ, вдоль которыхъ мы шли мѣсяцами, было отрадно увидеть снова горы. Онѣ оканчивались на востокъ крутымъ обрывомъ; далѣе къ востоку простиралась совершенно плоская равнина. Въ теченіе дня мы потеряли однако изъ виду эту землю и, страннымъ образомъ, не видали ея болѣе; не замѣтили и острововъ Петра и Павла, хотя, судя по картамъ, нашъ курсъ велъ прямо на нихъ.

Вторникъ, 12 сентября. Сегодня утромъ, около 6 часовъ, я былъ разбуженъ Гендриксономъ, принесшимъ извѣстіе, что неподалеку отъ насъ, на льдинѣ, лежитъ стадо моржей. Я быстро вскочилъ и черезъ минуту уже вышелъ одѣтымъ. Утро было прекрасное, погода роскошная, тихая; съ чистой поверхности льда можно было слышать сопѣніе моржей. Звѣри лежали кучкой на льдинѣ, по направленію къ сушѣ; за ними на солнцѣ блестѣли синія горы. Приготовлены

были гарпуны, ружья и патроны, и я, съ Гендриксеномъ и Юэльемъ, отправились на охоту. Съ юга тянулъ слабый вѣтеръ и мы стали грести къ сѣверу, въ обходъ животныхъ, чтобы выйти изъ-подъ вѣтра. По временамъ сторожевой звѣрь подымалъ голову, но едва ли замѣчалъ насъ, и мы скользили далѣе. Скоро они были такъ близко, что мы должны были грести осторожно. Юэль сидѣлъ на веслахъ, Гендриксенъ съ гарпуномъ наготовѣ впереди, а я сзади его съ ружьемъ. Когда сторожевой моржъ подымалъ голову, гребля прерывалась и мы сидѣли неподвижно; опускалась голова и новые удары веселъ подвигали насъ впередъ.

Звѣри лежали сбившись въ кучу, на небольшой ледяной глыбѣ, старые и

Рис. 11. Охота на моржей близъ восточнаго берега Таймырскаго полуострова.

молодые въ перемежку. Это были грузные мясистые колоссы. По временамъ одна изъ дамъ взмахивала хвостомъ надъ мясистой тушей, затѣмъ снова погружалась въ дремоту, на спинѣ или на боку. Мы шли все осторожнѣе. Наконецъ, въ моментъ, когда нашъ боть уткнулся въ льдину, гарпунъ засвисталъ въ воздухѣ, по слишкомъ высоко; онъ отскочилъ отъ упругой кожи и пропелся надъ спинами животныхъ. Началась суматоха. Десять-двѣнадцать громадныхъ безобразныхъ головъ разомъ поднялись, горы мяса стали быстро поворачиваться и, ковыляя, съ поднятыми головами и громкимъ лаемъ, направились къ краю льдины, гдѣ мы лежали. Это была внушающая картина. Я приложился и выстрѣлилъ въ одну изъ большихъ головъ. Послѣдовалъ толчокъ, звѣрь вздрогнулъ и упалъ головою впередъ въ воду. Снова выстрѣлъ въ голову, и другой звѣрь тоже ветрепенулся, но уже съ трудомъ перевалился за край льдины. Тогда все

общество ринулось въ воду и кругомъ насъ поднялись столбы брызгъ. Все это произошло въ нѣсколько секундъ.

Но скоро звѣри снова появились вокругъ лодки, одна голова больше и неуклюжѣ другой, и тѣсно около нихъ молодые. Они стояли въ водѣ, лаяли и шумѣли, такъ что въ воздухѣ стоялъ гулъ, бросались то къ намъ, то въ сторону, снова вверхъ и усиленно лаяли. Они вертѣлись, исчезали съ страшнымъ шлепаньемъ и снова появлялись на поверхности. Кругомъ насъ вода хлопотала и пѣнилась на далекое разстояніе, какъ будто безмолвный ранѣе ледяной мѣръ разомъ превратился въ кипящій водоворотъ. Каждое мгновеніе можно было ожидать, что одинъ или два мощныхъ зуба пронзятъ лодку, подымутъ ее и взбросятъ на воздухъ. Но суматоха продолжалась, а возможное не случилось. Я между тѣмъ выбиралъ новыя жертвы. Онѣ продолжали лаять и ржать, но кровь уже лила у нихъ изъ пасти и носа. Еще пуля и снова шлепнулась звѣрь, поплывъ по водѣ; новый выстрѣлъ въ другого и тотъ тоже не погрузился. Генриксенъ стоялъ на готовѣ съ гарпунами и позаботился не упустить убитыхъ. Я застрѣлилъ еще третьяго, но у насъ не было болѣе гарпуновъ; пришлось вонзить тюлений крюкъ, чтобъ удержалъ добычу, но онъ сорвался и туша пошла ко дну, прежде чѣмъ мы могли ея овладѣть. Пока мы тащили напуганную добычу къ льдинѣ, насъ нѣкоторое время

Рис. 12. Убитые моржи къ сѣверу отъ устья Хатанги.

еще окружали моржи. Но не было цѣли стрѣлять больше, такъ какъ у насъ не имѣлось средствъ уволочь добычу. Скоро подошелъ «Фрамъ» и принялъ отъ насъ на бортъ обоихъ животныхъ. Затѣмъ мы продолжали путь вдоль берега. Въ этой мѣстности мы видѣли еще многихъ моржей. Вечеромъ застрѣлили снова двухъ и могли бы набить и еще, еслибъ у насъ было больше времени. Именно въ этой мѣстности и Норденшѣльдъ встрѣтилъ нѣсколько небольшихъ стай моржей.

Мы продолжали плыть противъ сильнаго теченія къ югу, вдоль берега, мимо устья Хатанги. Эта восточная часть Таймырскаго полуострова представляетъ сравнительно высокую горную страну, но съ низменной равнинной полосой между горами и моремъ. Такъ какъ море казалось довольно открытымъ и свободнымъ отъ льда, то мы неоднократно пробовали сократить путь и перейти поперекъ къ устью Оленека. Но каждый разъ плотный ледъ заставлялъ насъ вернуться къ нашему свободному фарватеру вдоль берега.

Съ пейзажище десетия Фр. Хансона.

Ландшафт Т-ов В. И. Козлов и П. в Москва.

ПРИБЛИЖАЮЩЕЯСЯ НЕНАСТЬ НА ОКРАИНЪ ЛЬДОВЪ.

Электронный архив библиотеки имени А.А. Кулешова

14-го сентября мы находились недалеко от берега между устьями Ханганги и Анабары,—также довольно высокая горная страна съ низменной береговой полосой. «Въ этомъ отношеніи,—записано у меня въ дневникѣ,—весь берегъ сильно напоминаетъ Једеренъ (Jäderen) въ Норвегіи. Только горы здѣсь не такъ обособлены, цитомъ онѣ и ниже, чѣмъ видѣнныя нами сѣвернѣе. Море до неприятности мелко; однажды ночью оказалось только 7 метровъ и мы вынуждены были на нѣкоторое разстояніе дать задній ходъ. Ледъ лежитъ совсѣмъ вблизи, впрочемъ остается еще достаточный каналъ, чтобы подвигаться къ востоку».

На слѣдующій день (15 сентября) мы оказались въ открытой, но мелкой водѣ, не глубже 12—13 метровъ. Съ востока доносился шумъ волнъ; въ этомъ направленіи должно было, слѣдовательно, находиться открытое море, котораго мы ожидали. Очевидно, течение Лены съ ея мощной массой теплой воды должно оказывать свое вліяніе. Море было здѣсь бурѣе и выказывало смѣшеніе съ илистой рѣчной водой; соленость оказалась также менѣе значительна. «Было бы безуміемъ,—отмѣтилъ я въ этотъ день въ дневникѣ,—теперь, въ такую позднюю пору, входить въ устье Оленека. Даже еслибы не представлялось опасности отъ мелей, все-таки это стоило бы много времени,—вѣроятно, цѣлый годъ. Кромѣ того, неизвѣстно еще, можетъ ли «Фрамъ» тамъ вообще пройти; а было бы весьма неприятнымъ, еслибы онъ въ этихъ водахъ сѣлъ на мель. Безъ сомнѣнія, было бы лучше получить нѣсколько лишнихъ собакъ; но потерять изъ-за нихъ годъ времени—это слишкомъ. Мы предпочитаемъ поэтому итти скорѣе къ востоку, на Новосибирскіе острова, тѣмъ болѣе, что къ тому представляется возможность и шансы слагаются удивительно благоприятно.

«Ледъ заставляеть меня здѣсь не мало ломать голову. Почему онъ не уносится къ сѣверу теченіемъ, которое должно было бы итти отъ этого берега по моимъ соображеніямъ, и въ которомъ мы сами могли убѣдиться въ продолженіи нашего плаванія? Ледъ между тѣмъ такъ плотенъ и толстъ, какъ будто онъ насчитываетъ много лѣтъ. Наносится ли онъ съ востока, или кружится въ морѣ между идущимъ къ сѣверу теченіемъ Лены и Таймырскимъ полуостровомъ, я не могу этого рѣшить, но какъ бы то ни было, ледъ этотъ явно отличается отъ тонкаго однолѣтняго льда, съ которымъ мы встрѣчались до сихъ поръ въ Карскомъ морѣ и къ западу отъ мыса Челюскина».

Суббота, 16 сентября. Держимъ сѣверо-западный курсъ и прошли довольно далеко на сѣверъ, не встрѣтивъ льда; море къ сѣверу также темное. Погода мягкая и, сравнительно, теплая, почти $+2^{\circ}$ Ц. Мы имѣемъ теченіе противъ насъ и находимся все значительно западнѣе пункта, на которомъ должны были бы быть по расчету. Въ продолженіи дня видѣли много стай галъ. Къ сѣверу должна, слѣдовательно, находиться земля,—не она ли и задерживаетъ ледъ?

На слѣдующій день (17 сентября) встрѣтили мы ледъ и должны были держаться нѣсколько южнѣе, чтобъ освободиться изъ него. Я начиналъ уже опасаться, что намъ не удастся достигнуть намѣченныхъ широтъ. Но въ моихъ записяхъ противъ слѣдующаго дня (18 сентября) я нахожу:

«Прекрасный день. Направляемъ курсъ на сѣверъ, западнѣе отъ Бѣлкова острова. Открытое море, хороший вѣтеръ съ запада, скорый ходъ; погода ясная.

Послѣ полудня немного солнца. *И вотъ наступаетъ рѣшительный моментъ,* Въ 12 ч. 15 м. беремъ курсъ на сѣверо-востокъ. Теперь должно выясниться, вѣрна ли моя теорія, на которой основана вся экспедиція, встрѣтимъ ли мы, нѣсколько сѣвернѣе отсюда, теченіе, направляющееся къ сѣверу. До сихъ поръ все шло наилучшимъ образомъ, какъ я ожидалъ. Мы находимся подъ 75°30' с. ш. и имѣемъ къ С. и В. передъ собою открытое море и темное небо.

Вечеромъ впереди можно было примѣтить на небѣ отраженіе льда. Къ 7 часамъ мнѣ показалось, что я вижу ледъ, который однако повышался такими правильными линіями, что болѣе походило на землю; но было слишкомъ темно, чтобы можно было явственно различить. Казалось, что это могъ быть Бѣлковъ островъ, а большое свѣтлое пятно далѣе къ востоку—отблескъ покрытаго снѣгомъ острова Котельнаго.

«Охотно я направился бы туда, чтобы собрать нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ интересномъ островѣ, а отчасти и удостовѣриться въ складѣ провіанта, который, какъ мы знали, былъ оставленъ тамъ благодаря заботливости барона Толля. Но время было дорого, а море къ сѣверу казалось открытымъ передъ нами. Шансы были блестящія, и мы шли не останавливаясь къ сѣверу, постоянно ожидая, что-то принесть намъ слѣдующій день, разочарованіе или надежду. Если все пойдетъ ладно, мы достигнемъ земли Санникова, острова, на который еще не ступала нога человѣка.

«Своеобразное чувство испытывалось нами—при плаваніи темною ночью къ неизвѣстнымъ землямъ, по открытому волнующемуся морю, на которомъ еще не появлялось никогда ни судна, ни лодки. Можно было вообразить, что мы находимся гдѣ-либо въ сотняхъ миль отъ берега, въ южныхъ моряхъ,—такъ мягко былъ сентябрскій воздухъ въ этихъ широтахъ».

Вторникъ, 19 сентября. Никогда я еще не испытывалъ такого великолѣпнаго плаванія подъ парусами. Все идемъ на сѣверъ, при хорошемъ вѣтрѣ, и съ такою скоростью, съ какою только насъ могутъ нести паръ и паруса, все по открытому морю, миль за милей, какъ будто льда становится все меньше и меньше. Какъ долго будетъ это продолжаться? Взоры все обращаются на сѣверъ, въ будущее. Но впереди все тоже темное небо, указывающее на открытое море.

Мой планъ выдержалъ пробу. Счастье, начиная съ 6 сентября, неизмѣнно намъ благоприятствовало. Передъ нами «только чистая вода», какъ отвѣчала съ бочки на мои вопросы Гендриксенъ. Когда, немного спустя, утромъ стоялъ онъ на рулѣ, а я находился на мостикѣ, онъ вдругъ сказалъ: «Дома, въ Норвегіи, не повѣрили бы, что мы по открытому морю несемъ на всѣхъ парусахъ къ полюсу!» И я самъ бы не повѣрилъ, еслибъ мнѣ сказалъ это кто-нибудь двумя недѣлями раньше. И, тѣмъ не менѣе, это было такъ. Всѣ мои обсужденія этого вопроса и всѣ мои заключенія приводили къ возможности встрѣтить на нѣкоторомъ разстояніи открытій фарватеръ по направленію къ сѣверу: но рѣдко когда предположенія оправдываются въ такой степени. Ни въ какомъ направленіи не видно отблеска льда на небѣ, ни даже теперь, къ вечеру!

Въ теченіе дня не видѣли никакой земли, но все утро былъ туманъ, и мы должны были идти съ половиною силы, изъ-за опасенія гдѣ-нибудь наткнуться. Мы находились теперь почти подъ 77° с. ш. Я выразилъ мнѣніе, что

буду доволенъ, если намъ удастся достигнуть 78°; но Свердрупъ увѣрялъ, что, вѣроятно, мы перейдемъ 80°, можетъ быть даже 85°. Онъ говорилъ даже объ открытомъ Полярномъ морѣ, о которомъ когда то ему пришлось читать, хотя я и смѣлся надъ его предположеніями. Иногда мнѣ представлялось, не сонъ ли это. Надо знать, что значить бороться съ теченіемъ, чтобы оцѣнить весь смыслъ попутнаго теченія. — Кругомъ не было видно почти ничего живого. Сегодня я увидалъ впрочемъ вдали безкрыла или черного пингвина, а позже чайку. Когда я вечеромъ зачерпнулъ ведро воды, чтобы полить палубу, я замѣтилъ, что вода сильно фосфоресцировала; можно было вообразить, что находишься гдѣ-нибудь въ южномъ морѣ.

Среда, 20 сентября. Сегодня послѣдовало рѣзкое пробужденіе. Когда я въ 11 часовъ утромъ разматривалъ карту и думалъ о томъ, что скоро моя чаша должна исполниться—мы достигли почти 78°, судно внезапно остановилось, и я бросился на палубу. Передъ нами оказался край сплошнаго льда, мерцавшаго сквозь туманъ на далекое разстояніе. У меня было сильное желаніе направиться къ востоку, въ виду возможности встрѣтить тамъ землю, но, повидимому, на востокъ ледъ вдавался еще дальше къ югу. Представлялось вѣроятнымъ достигнуть болѣе высокой широты, уклонившись къ западу, поэтому мы и двинулись въ этомъ направленіи. На моментъ выглянуло солнце, позволившее намъ сдѣлать наблюденіе, которое показало, что мы находимся приблизительно подъ 77° 44' с. ш.

Мы шли теперь на сѣверо-западъ, вдоль края льда, и мнѣ казалось, что въ недалекомъ разстояніи отсюда должна быть земля, такъ какъ мы видѣли большое число разныхъ видовъ птицъ. Часъ встрѣтила стая бекасовъ или куликовъ; она слѣдовала за нами нѣкоторое время и продолжала затѣмъ свой полетъ на югъ. Вѣроятно, они были на пути съ суши, лежавшей сѣвернѣе, но такъ какъ туманъ упорно покрывалъ ледъ, то мы ничего не могли видѣть вдали. Позже встрѣтили мы еще стаи маленькихъ куличковъ. На слѣдующій день погода была болѣе ясная, но земли все-таки не было видно. Мы находились теперь порядочно сѣвернѣе отъ того мѣста, на которомъ баронъ Толль полагаетъ южный берегъ земли Санникова, но приблизительно подъ тою же долготой. Вѣроятно, слѣд., что эта земля представляетъ лишь небольшой островъ и во всякомъ случаѣ не простирается далеко на сѣверъ. 21 сентября былъ густой туманъ. Мы дошли до конца небольшой бухты во льду, и такъ какъ дальше идти было некуда, то я рѣшилъ выждать здѣсь ясной погоды, чтобъ осмотрѣться и сообразить насчетъ вѣроятности дальнѣйшаго проникновенія къ сѣверу. По моему вычисленію, мы находились приблизительно подъ 78° 30' с. ш. Въ точеніе дня пробовали дѣлать промѣры, но не могли достигнуть дна даже съ линемъ въ 400 метровъ длиною! Сегодня сдѣлалъ я непріятное открытіе, что на суднѣ находятся клопы,—нужно было предпринять противъ нихъ походъ.

Пятница, 22 сентября. Снова ясный день и блестящій бѣлый ледъ впереди. Повидимому, мы находимся у сѣверной границы открытаго моря. На западѣ ледъ простирается далѣе къ югу. Къ сѣверу онъ плотенъ, бѣлъ и выказываетъ только мѣстами небольшіе открытые каналы или полыньи, а небо всюду на горизонтѣ имѣетъ голубовато-бѣлый цвѣтъ. Прежніе арктическіе изслѣдователи считали необходимымъ держаться ближе къ берегамъ; я же, напротивъ того, хотѣлъ

этого избѣжать и стремился попасть въ дрейфъ льда. Поэтому я рѣшился прикрѣпить наше судно къ большой ледяной глыбѣ и приготовился къ чисткѣ котла и къ уборкѣ угля. Мы находились еще въ открытой водѣ съ немногими большими льдинами кругомъ меня, но у меня было предчувствіе, что это будетъ наша зимняя гавань.

Суббота, 23 сентября. Мы стоимъ все на томъ же мѣстѣ и работаемъ надъ углемъ. Непріятный контрастъ: все на палубѣ, не исключая людей и собакъ, черное и грязное, а кругомъ все бѣлѣетъ и блеститъ въ лучахъ солнца. Повидимому, льду набирается больше.

Воскресенье, 24 сентября. Все еще за уборкой угля. Утромъ туманъ, который затѣмъ проясняется, замѣчаемъ, что насъ со всѣхъ сторонъ начинаютъ окружать довольно толстый ледъ. Между льдинами лежитъ болѣе рыхлый ледъ, скоро обѣщающій отвердѣть. Къ сѣверу видна небольшая открытая полынья. Съ бочки, въ зрительную трубу можно еще разглядѣть море, по ту сторону льда, на югѣ. Повидимому, скоро мы будемъ совсѣмъ охвачены льдомъ. Ну что-жъ, намъ остается только его привѣтствовать.

Кругомъ все мертво, нигдѣ ни признака жизни, за исключеніемъ единственнаго тюлена (*Phoca foetida*) въ морѣ; на льдинѣ около насъ замѣтны слѣды, оставленные бѣлымъ медвѣдемъ. Снова пробуемъ опускать лодку, но не можемъ достигнуть дна: замѣчательно, что здѣсь оказывается такая глубина.

Но какая грязная и неприятная работа убирать и пересыпать уголь. Хорошо еще, что кругомъ вдоволь свѣжей воды для умыванья; её можно найти въ каждой ямкѣ на льдинахъ, такъ что у насъ есть надежда современемъ привести себя снова въ чистый видъ. Возможно также, что эта наша послѣдняя возня съ углемъ.

Понедѣльникъ, 25 сентября. Вмерзаемъ все плотнѣе въ ледъ! Прекрасная тихая погода; за послѣднюю ночь 25^о мороза. Наступаетъ настоящая зима. Явился было медвѣдь, но удралъ раньше, чѣмъ кто-либо успѣлъ въ него выстрѣлить.

Вёрная гавань: „Фрамъ“ во льду.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Зимняя ночь.

Казалось, что на этотъ разъ мы, дѣйствительно, плотно охвачены льдомъ, и я не надѣялся, чтобы «Фрамъ» могъ освободиться изъ него прежде, чѣмъ мы будемъ по другую сторону полюса, на пути въ Атлантическій океанъ. Осень уже была довольно поздняя, солнце съ каждымъ днемъ стояло на небѣ все ниже и температура постоянно падала.

Наступала долгая, наводящая такой страхъ, полярная ночь. Намъ не оставалось ничего другого, какъ приготовиться къ ея приему, и мы постепенно превращали наше судно въ возможно болѣе уютную зимнюю квартиру. Одновременно принимались нами всѣ возможные мѣры къ защитѣ отъ губительнаго влїянїя холода, пловучаго льда и другихъ силъ природы, предъ которыми, какъ намъ пророчили, мы должны будемъ пасть.

Чтобы предохранить руль на случай напора льда, мы его подняли кверху. То же самое мы предполагали сдѣлать и съ винтомъ; но такъ какъ онъ, благодаря своей желѣзной оболочкѣ, несомнѣнно долженъ былъ содѣйствовать укрѣпленїю кормового конца судна, то мы оставили его на мѣстѣ. И съ машиной у насъ было довольно много хлопотъ; каждая отдѣльная часть ея была вынута, смазана и убрана на зиму; маховое колесо, поршни и цилиндры подверглись тщательному осмотру и основательной чисткѣ. Все это было сдѣлано съ величайшею тщательностью.

Амундсенъ заботился о машинѣ, какъ будто она была его собственнымъ дѣтищемъ; съ утра до вечера онъ былъ внизу и смотрѣлъ за ней самымъ внимательнымъ образомъ; мы даже дразнили его этимъ, только для того, чтобы увидѣть вызывающїй его взглядъ и услышать что-нибудь въ родѣ: «Говорите, что угодно, но въ мїрѣ нѣтъ второй такой машины, и было бы грѣшно и стыдно не заботиться о ней какъ слѣдуетъ». Дѣйствительно, онъ дѣлалъ все возможное, и я полагаю, что въ теченїе всѣхъ трехъ лѣтъ, безразлично зимою и лѣтомъ, не было дня, чтобы онъ не спускался внизъ, не осматривалъ машину и не поправлялъ у нея то или другое.

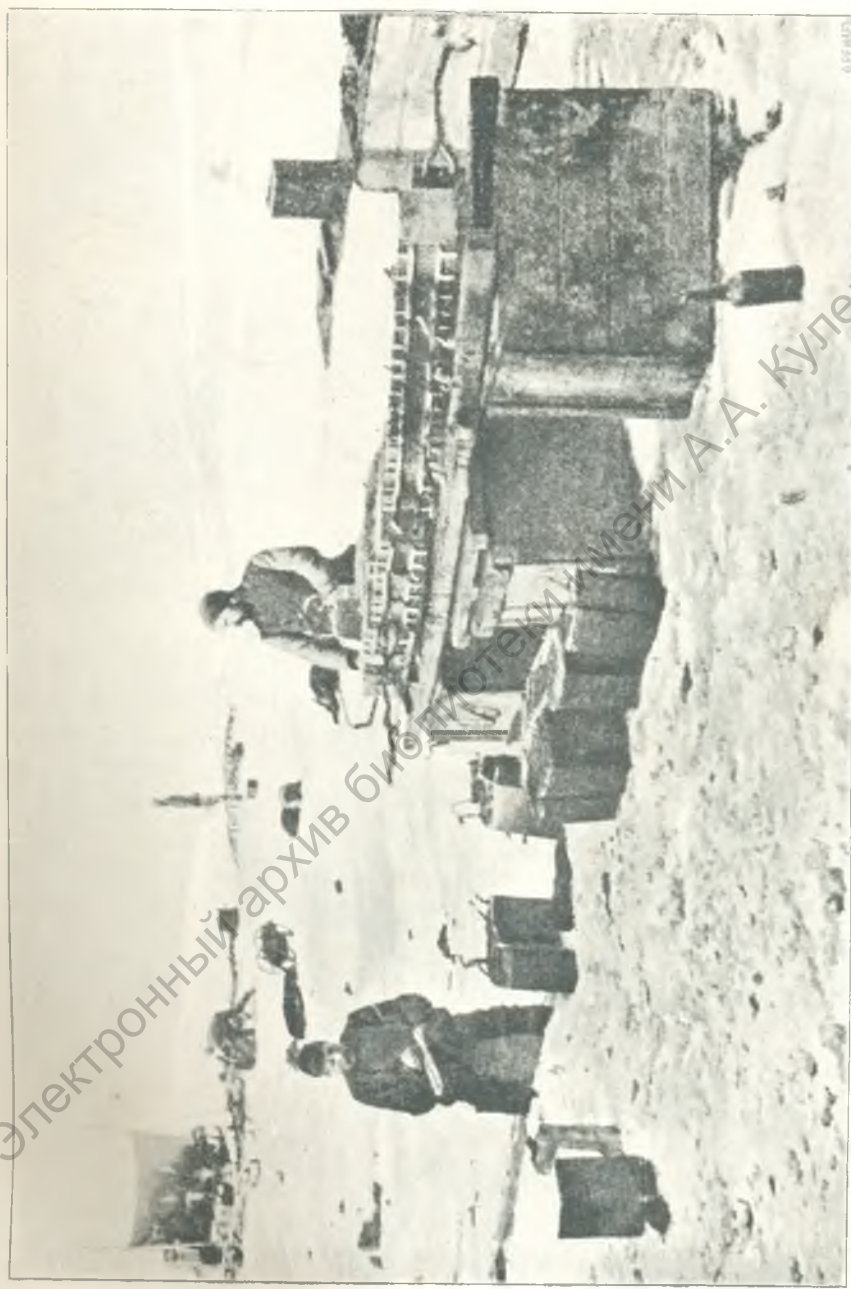
Въ трюмѣ мы освободили мѣсто, чтобы устроить тамъ столярную мастерскую. Механическая мастерская была у насъ въ машинномъ трюмѣ; кузница помѣщалась первоначально на палубѣ, а затѣмъ на льду; заклепки, жестяныя работы производились, по большей части, въ каютѣ для картъ, кожевенныя, на-

русинныя и разныя другія—въ салонѣ. И всѣ эти занятія исполнялись во все продолженіе экспедиціи съ охотой и любовью.

Начиная съ самыхъ чувствительныхъ инструментовъ и кончая деревянными башмаками и топорищами не было ничего, что не могло бы быть сдѣлано на «Фрамѣ». Открывъ недостатокъ въ липѣ для лота, мы устроили грандіозный канатный заводъ, оказавшійся весьма полезнымъ предпріятіемъ, нашедшимъ себѣ хорошій сбытъ. Въ это же время начали мы устанавливать вѣтряную мельницу, для приведенія въ движеніе динамомашинны и для снабженія насъ электрическимъ свѣтомъ. Пока судно находилось въ плаваніи, динамомашинна приводилась въ движеніе паровой машиной, но уже давно мы вынуждены были довольствоваться въ нашихъ темныхъ каютахъ керосиновыми лампами. Вѣтряная мельница была помѣщена у лѣваго борта на передней палубѣ, между люкомъ и релингомъ, но прошло нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ этотъ важный аппаратъ былъ приведенъ въ настоящій видъ. Какъ уже упомянуто было ранѣе, мы захватили съ собой приводъ для динамомашинны, такъ какъ я полагалъ, что онъ можетъ принести нѣкоторую пользу, доставляя намъ движеніе въ томъ случаѣ, еслибъ не оказалось другой физической работы. Но этого никогда не бывало, и потому приводъ вовсе не употреблялся. Всегда находилось какое-нибудь дѣло, и нетрудно было придумать для каждаго работу, которая бы доставляла ему достаточно движенія и развлекала настолько, чтобы время не казалось ему невыносимо долгимъ.

То нужно было исправить что-нибудь на суднѣ и въ его оснасткѣ, осмотрѣть паруса, снасти и т. п.; всякаго рода провіантъ требовалось доставать изъ ящиковъ въ трюмѣ и передавать повару; приходилось постоянно добывать ледъ—хорошій, чистый, прѣсный ледъ и относить его въ кухню, гдѣ его растопляли въ воду для пищи, питья и умыванія. Кромѣ того, всегда оказывалась какая-нибудь нужная работа въ различныхъ мастерскихъ. То «кузицу Ларсу» (Петерсенъ) приходилось выпрямлять подпорки большого бота, согнувшіяся подъ ударами волнъ въ Карскомъ морѣ, то требовалось сковать крюкъ, ножъ, канканъ для медвѣди или какой-нибудь иной предметъ. Заклещикъ, тотъ же «кузнецъ Ларсъ», получилъ заказъ—спаять большое жестяное ведро для расплавленія льда на кухнѣ. На обязанности механика Амундзена лежало изготовленіе разныхъ инструментовъ, напримѣръ для измѣренія скорости теченія; часовщику Могстаду приходилось разбирать и чистить термографы или вставлять новую пружину въ часы, тогда какъ на другого было возложено порученіе изготовить сбрую для своры вѣдовыхъ собакъ. Кромѣ того каждый изъ насъ долженъ былъ быть своимъ собственнымъ сапожникомъ и самъ изготовлять себѣ обувь изъ парусины съ толстыми, теплыми, деревянными подошвами по новѣйшей «модели Свердрупа». Затѣмъ механику Амундзену было дано еще приказаніе приготовить изъ жести запасъ новыхъ кружковъ—потъ для гармоніума, — новѣйшая выдумка начальника экспедиціи, тогда какъ на обязанность электротехника были возложены изслѣдованіе и очистка аккумуляторовъ, которымъ угрожалъ морозъ. Когда наконецъ вѣтряная мельница была готова, надъ нею потребовался надзоръ, надо было ее ставить по вѣтру и т. д. А когда вѣтеръ былъ слишкомъ силенъ, кому-нибудь приходилось влѣзть вверхъ и снимать

Чистка батареей аккумуляторовъ.

паруса, что представляло изъ себя далеко не особенно пріятную работу при сильномъ морозѣ и было сопряжено съ необходимостью постоянно дышать на руки и потирать кончикъ носа.

Отъ времени до времени приходилось выкачивать воду изъ судна, по потребность въ этой работѣ наступала все рѣже, такъ какъ вода замерзала въ щеляхъ судна. Поэтому не приходилось имѣть дѣла съ насосами съ декабря 1893 по июль 1895 г. Единственная заслуживающая упоминанія течь оказалась за это время въ машинномъ трюмѣ, но и она не имѣла значенія; приходилось только каждый мѣсяць скалывать со дна помѣщенія нѣсколько ведеръ льда и удалять ихъ изъ трюма.

Астрономическое наблюдёніе.

Къ числу разнообразныхъ занятій присоединились еще, въ качествѣ наиболее важнаго, производство научныхъ наблюдёній, доставлявшее многимъ изъ насъ постоянную работу. Больше всего вниманія требовали, конечно, метеорологическія наблюдёнія, производившіяся днемъ и ночью, чрезъ каждые четыре часа, а въ продолженіи довольно значительнаго промежутка времени даже каждые два часа; они доставляли одному, а иногда и двоимъ занятіе на цѣлый день. Скотъ-Ганзену былъ порученъ вышій надзоръ за этимъ департаментомъ, а его постояннымъ ассистентомъ былъ Югансенъ до марта 1895 года, когда его замѣнилъ Нордалъ. Ночью наблюдёнія производились тѣмъ, кто стоялъ на вахтѣ. Чрезъ каждые два дня, если погода была ясная, Скотъ-Ганзенъ и его ассистентъ производили астрономическія наблюдёнія, опредѣлявшія мѣсто нахо-

ждения судна. Это бесспорно была работа, за которой участники экспедиции слѣдили съ величайшимъ интересомъ, и не было ничего необычнаго въ томъ, что каюта Скотъ-Ганзена во время производства имъ этихъ наблюденій осаждалась досужими зрителями, желавшими узнать результатъ, т.-е. подвинулись ли мы со времени послѣдняго наблюденія сколько-нибудь на сѣверъ или на югъ. Отъ этого результата въ значительной степени зависѣло настроеніе, господствовавшее на суднѣ. Въ опредѣленное время Скотъ-Ганзенъ производилъ также наблюденія для опредѣленія магнитной постоянной въ этой неизвѣстной области. Первоначально эти наблюденія производились въ нарочно устроенной съ этою цѣлью палаткѣ, которая наскоро устанавливалась на льду; но впоследствии мы построили большую хижину изъ снѣга, оказавшуюся не только болѣе цѣлесообразной, но и болѣе удобной для наблюдателя.

Судовому врачу было мало работы. Онъ ждалъ долго и напрасно пациентовъ и въ концѣ концовъ былъ вынужденъ бросить на нихъ надежду и съ отчаянія заняться уходомъ за собаками. Разъ въ мѣсяцъ онъ долженъ былъ производить свои научныя изслѣдованія, состоявшія во взвѣшиваніи каждаго субъекта, подсчетѣ кровяныхъ шариковъ и опредѣленіи количества красящаго вещества крови, гемоглобина, въ крови каждаго изъ насъ. За этой работой слѣдили также съ большимъ интересомъ, такъ какъ изъ полученныхъ данныхъ каждый считалъ возможнымъ сдѣлать заключенія о томъ, долго ли онъ можетъ еще считать себя гарантированнымъ отъ сѣробута.

Въ ряду нашихъ научныхъ занятій, необходимо также упомянуть объ опредѣленіи температуры воды и содержанія соли на различныхъ глубинахъ, о собираніи и наблюденіяхъ надъ находимыми въ этой части Сѣвернаго океана животными, объ опредѣленіи количества электричества въ воздухѣ, о наблюденіяхъ надъ формой, нарастаніемъ и мощностью льда, а также надъ температурой различныхъ ледяныхъ слоевъ, объ изслѣдованіяхъ морского теченія подолдомъ и т. д. Руководительство этимъ департаментомъ лежало на мнѣ.

Наконецъ слѣдуетъ еще упомянуть о наблюденіяхъ сѣвернаго сіянія, изучать которое мы имѣли всѣ удобства. Въ продолженіи нѣкотораго времени занимался этимъ я, но затѣмъ Блессингъ освободилъ меня отъ этой обязанности, а впоследствии, оставляя судно, я передалъ ему и всѣ прочія, лежавшія на мнѣ наблюденія. Немаловажную часть нашихъ научныхъ работъ составляло измѣреніе глубинъ и ловля рыбы пегодомъ. При значительныхъ глубинахъ это была задача, въ которой каждый долженъ былъ принимать участіе, и при томъ способъ, которымъ мы вынуждены были пользоваться, это занятіе отнимало у насъ иногда нѣсколько дней.

На суднѣ одинъ день очень мало отличался отъ другого, поэтому описаніе одного дня во всѣхъ подробностяхъ имѣетъ извѣстное значеніе для характеристики всѣхъ остальныхъ.

Въ 8 часовъ мы вставали и завтракали; завтракъ состоялъ изъ сухого хлѣба (ржаного или пшеничнаго), сыра (голландскаго восьми фунтоваго, честера, швейцарскаго и др.), изъ консервированной въ жестянкахъ соленой оленины и баранины, изъ ветчины или консервированныхъ языковъ изъ Чикаго или копченаго сала, изъ тресковой икры, ржаной или овсяной муки или англійскихъ

Въ каютѣ за картами.